

4 ■ 2023

ПОДЪЁМ

**«БЕЗ ТАКИХ ГОРОДОВ НЕ ПРЕДСТАВИТЬ РОССИЮ» –
специальный проект журнала «Подъём»:
ГОРОД БОРИСОГЛЕБСК ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ**

- Проза и стихотворения борисоглебских авторов
- Культура, искусство, краеведение
- «Город и люди» – фотоочерк о Борисоглебске

С. Гладыш. Утро у храма

Ежемесячный
литературно-художественный журнал

ПОДЪЁМ

Издается
с января 1931 года

Главный редактор
Иван ЩЁЛОКОВ

Редколлегия:

АВРУТИН А.Ю. (Минск, Беларусь)
АГЕЕВ Б.П. (Курск)
АКАТКИН В.М.
АРШАНСКИЙ В.С. (Мичуринск)
ЕРМАКОВ Д.А. (Вологда)
ЖИХАРЕВ В.И.
ИВАНОВ Г.В. (Москва)
КАН Д.Е. (Оренбург)
КОНДРАТЕНКО А.И. (Орел)
ЛАПИН А.А.
ЛЮТЫЙ В.Д. — заместитель главного редактора
МЕЩЕРЯКОВ Ю.А. (Тамбов)
МИЗГУЛИН Д.А. (Санкт-Петербург)
МОЛЧАНОВ В.Е. (Белгород)
НЕСТРУГИН А.Г.
НОВИЧИХИН Е.Г.
НОВОХАТСКИЙ В.Е. — шеф-редактор (ответственный секретарь)
ПЕРМИНОВ Ю.П. (Омск)
ПОНОМАРЁВ А.А. (Липецк)
ПЫЛЁВ С.П.
СКИФ В.П. (Иркутск)
СЫРНЕВА С.А. (Киров)
СЫЧЁВА Л.А. (Москва)
ШАЦКОВ А.В. (Москва)
ШЕМШУЧЕНКО В.И. (Санкт-Петербург)
ЯКУНИНА Г.П. (Владивосток)

Воронеж

4 ■ 2023

**ОТ ПЕРВОГО
ЛИЦА**

Андрей ПИЩУГИН, глава администрации
Борисоглебского городского округа.
Под сенью Бориса и Глеба 5

ПРОЗА

Михаил РЯБУШКИН. **Родные соловьи**. Рассказы 7
Николай ИВАНОВ. **Железный век**. Рассказы 25
Дмитрий ПРОТАСОВ. **Осада лавры**.
Рассказ о былом 52
Валерий СЕРБИН. **Серая**. Рассказ 65
Павел ПЕТРОВ. **Имидж**. Рассказы 69
Павел КУРЯТНИКОВ. **Ненужная пассажирка**. Быль .. 73

ПОЭЗИЯ

Федор ГРИГОРЬЕВ. **Отцовское тепло**. Стихи 20
Игорь ЛУКЬЯНОВ. **Любовь, дорога и полынь**. Стихи .. 46
Николай БУРЦЕВ. **Оцифрованное время**. Стихи 62
Елена НИКОЛАЕНКО. **Сегодня снился шум дождя**.
Стихи 76

**ПРИМЕТА
ВРЕМЕНИ**

Всероссийское притяжение. Фестиваль русской
словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба»
как первичная матрица традиционной культуры
Отечества 79
Александр ЦЫГАНОВ. **Ночью месяц пёк**. Рассказ ... 81
Иди туда, где солнце и трава. Стихи 86
Валерий КАЗАКОВ. **Можжевельовый куст**. Рассказ . 90
Мы вспомним, как теплы слова. Стихи 96
Виктория БЕЛЯЕВА. **Счастье со вкусом севера**.
Рассказы 101

**СЛОВО
О БОРИСОГЛЕБСКЕ**

Лариса БРЕДИХИНА. **Пройдусь по улочкам
изящным и ажурным** 105
Под простором российского неба. Стихи участников
поэтического конкурса «Штрихи к портрету
Борисоглебска» 113
Татьяна ПИСКЛОВА. **Городок провинциальный...** ... 117

**НЕЗАБЫТЫЕ
СТРАНИЦЫ**

Максим ГОРЬКИЙ. **Книга**. Рассказ.
(Предисловие Владимира НОВОСЕЛОВА) 122
Надежда МАНАННИКОВА. **Мир детства
Юрия Третьякова**. (Писатель учит ребят
любви к малой родине) 132

ИМЕНА	Галина АКСЕНОВА. Красота иной далекой жизни. (Живописец Андрей Петрович Рябушкин — уроженец земли Борисоглебской) 148 Юрий ЕРМАКОВ. Рожденный летать. Очерк. (Видный российский военачальник В.С. Михайлов — Почетный гражданин г. Борисоглебска-района) 157 Алла КРЕЧМЕР. Народный доктор. (Земский врач Н.Н. Масловский бедных лечил бесплатно) 165
ПАМЯТЬ	Сергей МОКШАНЦЕВ. 217-я, «Борисоглебская». (Дивизия, сформированная в Борисоглебске, прошла боевой путь от Десны до Пруссии) 169
КРУГ ЖИЗНИ	Дмитрий ПРОТАСОВ. Подвижник и создатель. (Купец С.В. Кочергин — не только основатель промышленности, торговли, водопровода, но и попечитель школ и храма) 180 Михаил ПАЩЕНКО. Первый военком. (Никифор Переведенцев в боях и трудах) 187
ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС	Юрий АПАЛЬКОВ. Хранилище древностей: взгляд сквозь годы. (110 лет Борисоглебскому историко-художественному музею) 194 Ольга ПУЩИНА. С книгой — наедине и вместе. (Библиотечное дело города отсчитывает 127-й год) 206
ИСКУССТВО И КУЛЬТУРА	Ирина КОСИНОВА. В танце с «Молодостью». (В.Д. Степыгина — вдохновитель заслуженного коллектива народного творчества) 209 Наталья ГРИГОРЬЕВА. И жизнь как песня. (Автор песни-гимна Борисоглебска С.Н. Вершков) ... 211 Татьяна РЯСКОВА. Кудесники тончайшей резьбы. (Династия Долгиревых преображает родной город) 213
ИССЛЕДОВАНИЯ И НАХОДКИ	Галина СЛУГИНА, Алексей АКСЕНОВ. «Не воспоминание, а передача и продление...» (Культурная жизнь дореволюционного Борисоглебска) 216
ДУХОВНОЕ ПОЛЕ	Сергей ШУБАЕВ. Крестный путь отца Василия. (Судьба последнего настоятеля Старособорной Успенской церкви Василия Сергиевского) 223

На 1 стр. обложки: С. Гладыш. «День города».

Подписной индекс:

Каталог Почта России: ПЗ239, все регионы РФ.

Сайт и мобильная версия журнала: <http://www.podiemvrn.ru>

***«Без таких городов
не представить Россию» —
специальный проект
журнала «Подъём»:
город Борисоглебск
Воронежской области***

Выпуск подготовлен
при содействии администрации
Борисоглебского
городского округа
с целью поддержки творчества
местных авторов.

Андрей Пищугин,
*глава администрации
Борисоглебского
городского округа*

ПОД СЕНЬЮ БОРИСА И ГЛЕБА

Борисоглебску исполняется 325 лет. Основанный как крепость для защиты границ государства от набегов беспокойных соседей, приписанный вначале к Азовской губернии, а затем к Тамбовской провинции, город получил название в честь святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба в 1704 году. В петровские времена был знаменит корабельным Теллермановским лесом. Развитию торгового города во второй половине XIX века способствовало строительство Грязе-Царицынской железной дороги, стимулировавшей создание промышленных предприятий. Борисоглебск рос, переживая вместе со страной исторические события, выпавшие на долю Отчизны.

Успехи и достижения прошлых лет — фундамент надежного настоящего и уверенного взгляда в будущее. Борисоглебск живет непростой, но созидательной и интересной жизнью. Настоящее города — это производство высококачественной продукции, известной далеко за пределами Воронежской области, применение современных технологий, это улучшение социальной инфраструктуры и благоустройство.

С каждым годом город становится красивее, современнее, комфортнее для проживания. Важно развиваться дальше, отвечая на запросы времени и жизни. Приоритетным направлением развития выступает рост производства, а это новые рабочие места для жителей, это наполняемость бюджета, то есть возможность обеспечения деятельности и развития учреждений и организаций, которые нужны горожанам для комфортной жизни: образования, культуры, спорта, здравоохранения.

Современный Борисоглебск — агропромышленный центр, раскинувшийся среди привольных полей и лесов на слиянии живописных рек — Вороны и Хопра. Давно замечено, что города, как люди, имеют свой облик и характер. Наш город по-домашнему уютный, тихий и гостеприимный.

Борисоглебск издавна является культурным центром на востоке Воронежской области. Здесь находится одна из старейших публичных библиотек области. Здесь были созданы старейшее профессиональное учили-

ще в России и авиационное училище имени Валерия Чкалова. Гордостью горожан являются драматический театр, историко-художественный музей, городской парк культуры и отдыха, большое для провинциального городка количество образовательных учреждений.

Уже в девятый раз (по традиции — в августе) мы будем принимать желанных гостей — творческую интеллигенцию из всех уголков России, приезжающую к нам в дни проведения Всероссийского фестиваля русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба». Духовное и интеллектуальное общение, взаимопроникновение разных литературных и этнокультурных направлений делают наши души богаче, а посему мы стремимся их сохранять и приумножать.

Главное богатство города — его люди. Они в Борисоглебске талантливые, трудолюбивые, отзывчивые, мудрые. Сколько же замечательных людей подарил стране и миру милый нашим сердцам Борисоглебск! Многие врачи и ученые, дипломаты и военачальники, артисты и режиссеры, дирижеры и композиторы, писатели и художники, пролившие свет своего таланта на всю Россию, на всю планету, вышли из этой колыбели.

У каждого человека в родном краю есть заветные места для души. В Борисоглебске таких мест, где душе спокойно и благодатно, много. Это и берега живописных рек, и тенистые дубравы, и наполненные медовым разнотравием луга, и плодородные черноземные пашни, и памятники архитектуры, поражающие красотой и заставляющие задуматься о судьбах людей, в разное время ходивших по борисоглебским улицам.

Уникальный облик города и его окрестностей создает добрую атмосферу воспитания удивительных талантов. Вероятно, исключительно самобытная, дивная природа Борисоглебска и его окрестностей пробуждала у одаренных местных ребятишек желание запечатлеть красоту архитектуры и богатство красок родной земли. Художественное наследие города пополняют и современные живописцы, обучающие азам мастерства борисоглебских школьников.

Пронизанный мелодиями воздух улиц Борисоглебска стал тем родником, из которого черпали вдохновение В.П. Вишневецкий и Н.П. Аносов. И сейчас раскрытию уникальных способностей учащихся музыкального училища и школ искусств способствуют перезвоны колоколов соседних церквушек, журчание бегущих рек и тихий шепот листьев в садах и скверах города.

Как много потерял тот, кто еще не побывал в этом чудном уголке пленительной природы российской глубинки, не испил живительной духовной влаги из незамутненных родников культуры Борисоглебска — города, живущего под сенью Бориса и Глеба!

Борисоглебск — город почитателей культуры и искусства во всех их проявлениях: театра, архитектуры, музыки, танца, живописи, литературы. Мне приятно предложить вашему вниманию специальный номер журнала «Подъём», в котором представлено творчество писателей, поэтов, художников, чья судьба связана с Борисоглебском. Их работы создают удивительный художественно-культурный образ города.

Приумножать достижения края, его историю, сохранять творческое наследие Борисоглебска — обязанность местных органов власти. И мы всегда будем поддерживать всех, кто свой талант и силу направляет на сохранение культурного богатства и развитие потенциала родного города.

Михаил Матвеевич Рябушкин родился в 1940 году в городе Борисоглебске. Окончил отделение печати Высшей партийной школы в Москве. Около 30 лет работал в Борисоглебской районной газете литсотрудником, заведомом, ответственным секретарем редакции. Член Союза журналистов России с 1962 года. Автор трех сборников прозы, эссе, новелл и лирических зарисовок. Живет в Борисоглебске Воронежской области.

Михаил Рябушкин

РОДНЫЕ СОЛОВЬИ

Рассказы

Душная июньская ночь. Тревожная тишина накрыла окопы, прижала солдат к земле. Отбита еще одна яростная атака, и короткая передышка — как глоток свежего воздуха. Но где-то на фланге глухо и торопливо строчит автомат, и пули чертят над лугом светящиеся смертельные полосы. Как от испуга вздрагивает темное небо, моргая блестящими глазами-звездами.

Солдаты-новобранцы Никита Кнутов и Федор Дубов сидят в сыром окопе в метре друг от друга. Они всего полгода на войне, но это уже не первый их бой, и дрожь на спине — тоже знакомая подруга. Курят, пряча в кулаках тусклые огоньки сигарок, и едкий дым махорки унимает нервы.

Кнутов показывает Федору большой палец, Дубов кивает головой и едва шепчет:

— Все в порядке...

Цигарка дрожит в его руке. Никита молчит и лишь грызет зубами мундштук своей «козье ножки». Слышно, как старые большие ручные часы «шлепают» у него на руке — считают бесценные минуты покоя и тишины.

Но вот со стороны и сверху до солдат доносится робкий, нежный, завораживающий и знакомый звук птичьего щебетания. Он не в уши влетел, он пронзил сердца автоматчиков.

— Ты слышишь? — метнулся Никита к Дубову. — Соловей!

Дубов округляет глаза, привстает на колени и молча, с открытым от удивления ртом смотрит

рит на Никиту. А тот оцепенел, сидит, как изваяние, боясь шевельнуться и спугнуть неожиданное чудо, спрятавшееся на старой ветле напротив. Оба пытаются разглядеть смельчака, бросившего вызов войне, не побоявшись ее орудий и пуль.

Никита прикладывает палец к губам, обхватывает Федора руками за плечи вместе с висевшим у него на груди автоматом. Трясет друга молча и неистово, будто закончилась война и пришла победа и будто до него дошел дорогой и родной голос матери, оставшейся там, в далекой деревушке, где-то в глубинке встревоженной России...

А крылатый певец вошел в азарт. Взял высоко и тонко, с переливами и трелью. Поет без остановок и передышек, словно знает, что тишина, накрывшая передовую, будет недолгой и ему надо уложиться в короткий отрезок времени, выдать все, что накипело внутри за прошедший, страшный, громыхающий день.

Солдаты сидят изумленные, не веря в явь, и лишь внезапная тишина обрывает прекрасный концерт и возвращает им действительность.

— Вот это да! — потрескавшимися губами говорит, едва слышно, Федор. — Соловьи на войне! Невероятно! Как они здесь оказались, в этом страшном и горячем месте?

— Очень даже просто! — отзывается Никита. — Они тут живут, они наши, русские, и это их земля. А враги тут временно, мы вышвырнем их отсюда.

— Обязательно! — соглашается Федор, и опять лезет в карман за кисетом с табаком, и снова спрашивает:

— О чем же они поют?

Никита не успевает ответить. Недалеко бухает снаряд, потом еще один, и все дрожит вокруг.

— Я знаю, о чем... — кричит Никита, падая на дно окопа. — О красоте жизни и о нас с тобой...

Шуршит осыпающаяся сверху земля, слышна далекая, кроткая автоматная очередь. И снова тишина.

— У нас на Саратовщине тоже полно соловьев, — опять нарушает ее Никита. — Пойдешь с ночевкой на Волгу рыбачить — спать не дают до самого рассвета. Такой концерт устраивают, что заслушаешься и про рыбалку забудешь...

— Да кто ж на рыбалке спит? Много наловишь во сне! — смеется Дубов.

— Бывает иногда. После рюмашки, да если еще не одной... — произносит Федор. — А все же пользы больше. Однажды целая комедия произошла с этими соловьями. Хочешь, расскажу?

— Валяй! Все равно спать нельзя, а молча сидеть тошно...

— Так вот, — начал Федор, — есть в нашем селе потешный мужичок Илья Ефимович, с которым всю его жизнь разные приключения случаются. Старый уже. Теперь, может, и помер уже, или еще жив, но дело не в этом. Рыбачил он как-то ночью на Волге в одиночку. Пришел с вечера, расставил закидушки — все как положено. При этом разделся до трусов — душная ночь была. «Пустой» он на речке не никогда не появлялся, всегда с бутылочкой. «Для отрады души и большей бдительности», как он выражался... Перед началом охоты Ефимович приложился к ней разок-другой, помурлыкал что-то себе под нос и заснул. А когда разделся, по неряшливости своей бросил штаны на одну из закидушек, конец которой был с крючком и насадкой. Судак килограммов на пять соблазнился на насадку, заглотнул ее и потащил в глубину. Поползли с берега в воду и дедовы штаны...

Оба от души смеются, да так, что бойцы, сидевшие недалеке в том же окопе, повернули к ним головы.

— И что же дальше? — не терпится узнать Дубову. Федор унимает смех и, понизив голос, продолжает с улыбкой:

— Соловьи его выручили. Так распелись в ту ночь хором, что разбудили пьяно-

го Ефимыча. Очухался старик, смотрит — штаны отчаливают от берега. Бросился за ними, успел ухватить и не дал судаку шанса, вытянул его на берег вместе со штанами... В них, как оказалось, при броске вонзился один из крючков. Благодаря этому дед спас свою одежду и улов. Радостный в село явился и прямехонько к продавщице Маруське направился. Уговорил ее немедленно открыть торговое заведение и отпустить ему «необходимый товар» — то есть бутылку водки.

Ночь слушает солдатский смех и, удивляясь, моргает далекими звездами. Расступился, обессилел мрак, озаренный улыбками повеселевших автоматчиков, на миг забывших о войне и мысленно оказавшихся вдалеке от нее.

— У вас Волга, а у нас своя красота — поля, луга, дубравы. И река тоже есть, хоть не такая, как ваша, — загорается Федор, и глаза его блестят огоньками. — Если бы ты все это увидел, непременно бы влюбился. Воронежский край — хлебный край. У нас поля, что моря бушующие, а луга не имеют краев. И все в белых ромашках, голубых васильках и разноцветных колокольчиках. А по оврагам донник ароматным медом наполнен — приволье для пчел. Идешь — по грудь утопаешь, самым сердцем прикасаешься к цветам, дышишь густым воздухом, и кружится голова...

— От чего же кружится? — не понимает Никита.

— От цветов и запахов! Эх ты, речная твоя душа! Сразу понятно — не видел ты ничего, кроме воды, и не нюхал ничего, кроме рыбы. Волжанин! А я — крестьянин, я — от земли, от хлеба, от травы и цветов.

Он в порыве хлопает товарища по плечу, спрашивает:

— Ты-то небось и на сенокосе ни разу не был?

— Не приходилось.

— Ай-ай! — качает головой Федор. — Так ты, выходит, самого главного в жизни не видел — как просыпается земля, как она умывается росой, как рождается новый день! А про соловьев мне толкуешь, ты их слушал на заре?

— Конечно! Я ж тоже деревенский, — с обидой отвечает Никита. — Не в городах-столицах рос, в зеленой глухомани возле тихой речушки Вороны. Слышал про такую? У нас соловьи покруче ваших! Так поют, что дух из тела выскакивает. Ни один композитор таких выкрутасов не сотворит, как они. Такие кудри голосами своими навьют — ахнешь! Человеку еще не удавалось ничего даже похожего выдать — только соловьям бог дал такой дар.

Он довольно улыбается в темноте, блестя белыми зубами, и вдруг оживляется, отбросив обиду:

— Пробовали у нас два друга конкуренцию соловьям составить — тракторист Митька и колхозный бригадир Афанасий. Лучшие свистуны во всей округе. В концертах всяких участвовали, на сценах выступали, подражая своим свистом пению всяких птиц. Здорово у них получалось, когда они свистели как синицы, жаворонки, дрозды и щеглы. А вот по-соловьиному посвистеть им слабо. Афанасий выводил похоже, высоко, тонко и витиевато, но Митька над ним смеялся. Они были друзьями не разлей вода, да соловьи их рассорили...

— Соловьи? Это как так? Ты ври, да не завирайся. Эти птицы сердца сближают! Ты, видать, ничего в сердечных делах не смыслишь.

— Смыслю, и получше тебя, — задиристо отвечает Никита. Он молчит несколько минут, гася вспыхнувшее в душе возмущение, но потом продолжает:

— Митькина сестра Ирешка заглядывалась на Афанасия, кокетничала перед ним. Ей нравилось все, что он делал. После каждого его «выступления» она до красноты отбивала свои ладошки, аплодируя ему, и визжала от восторга: «Браво! Браво! Какая красота, какой молодец! Настоящий артист!» И все жалась к Афанасию. Ребята и девчонки откровенно хихикали, но Ирина не обращала на это никакого внимания. Митька не вмешивался и оставался в стороне. Он выдержанный и терпеливый, но все же в отношениях свистунов возникла трещина.

— Разругались, значит, — вставил Дубов.

— Не то, чтобы бодались рогами, но разлад получился полный. Теперь не ходят в обнимку, как раньше, избегают один другого. Холод в их отношениях наступил

— Почему же? Случилось что?

— Случилось.

— Расскажи, пока затишье. Молча сидеть невозможно...

— Ну слушай, — соглашается Федор. — После майских праздников, когда весна дышит настоящим теплом, вечерами за околицей собирается молодежь. Это не только у нас, в Степном, в каждом селе. Гуляния, танцы, игры, смех. Рвутся души на простор, бушуют воля и размах после скучной зимы.

И вот как-то Митька со своей сестрой припозднились. Пришли, когда веселье на зеленом берегу уже было в самом разгаре. Ребята и девчата взяли в круг Афанасия и наседали на него с просьбой:

— Посвисти, Афоня, соловьем! Дай фору! Докажи, что ты не хуже этих птах можешь. Всем на радость, а Митьке с Иришкой назло.

— А где они, кстати, есть? — спросил тощий верзила Аркашка — самый высокий из ребят. — Почему их нет?

— Да вон они, с пригорка спускаются! — отозвался кто-то. — Ишь, идут, не торопятся. А ты, Афанасий, не жди их, начинай. Терпения больше нет. Пусть они издали послушают, коли опоздали.

— Да Митька не хуже выдаст! Не уступит! — опять вставил верзила. — Посмотрим, кто кого...

Афанасий выдал переливчатую трель, достал до самого неба, свистел на разные лады, приводя всех в восторг. Голос его соловья летел далеко над просторами, растворяясь в мгlistой дымке. Услышали его и Митька с Иришкой. В Митьке вздрогнуло самолюбие. Он по привычке сморщил нос и громко спросил:

— Кто там у нас сегодня чирикает? Слышишь, Иришка?

Свист моментально смолк. Афанасий как можно спокойнее отозвался:

— Кто не отличает соловья от воробья, тому и ворона певчая птица.

Грянул дружный хохот. Митька надулся, поняв, в чей огород пущен камешек, и не сдержался. Растолкал всех, подошел к Афанасию и, заикаясь от волнения, сказал ни к селу ни к городу:

— На себя посмотри, петух общипанный...

Мы все обомлели. На поляне наступила тревожная тишина. Всем известно, что Афанасий хоть и выдержанный, но иногда может вспыхнуть, как спичка, и завязать драку. Но на этот раз он сдержался, отвернулся от своего соперника и вдруг опять засвистел соловьем. Задорная трель прорезала возникшую тишину, и все вокруг ожило. Завизжали замолчавшие было девчонки, с ребят спало напряжение. Верх взяли весна и соловьи...

— Да-а-а... — задумчиво тянет Дубов. — Большая сила в этих птицах. Скучно было бы без них в мире. Правда? А любовь? И ей не быть без соловьев...

Последние слова Федора заглушает близкий взрыв. В лицо солдатам бьет волна горячей земли, нахлынувшая на окоп. Оба, падая вниз, едва успевают закрыть лица руками.

— Почти точно... — фыркает Никита, стряхивая с себя землю и бормоча себе под нос, — еще бы чуть-чуть — и не услышать бы нам больше соловьев...

— Ни хрена! Не достать фашисту нас! — подхватывает Федор, размазывая грязь на лице и по-детски улыбаясь. — Мы только начали воевать — и нам еще далеко гнать врагов до их логова. А ты вот мне скажи, в Германии есть соловьи или уже ни одного не осталось?

— Есть! — кричит ему на ухо Кнутов. — Они везде есть! Они — сама жизнь и любовь, а их нельзя уничтожить.

Опять тяжелый взрыв снаряда. Дрожит земля, жгучее, ослепительное пламя. И суровый крик взводного:

— В атаку! За мной! Вперед!

Бегут солдаты, презирая смерть, прижав к груди автоматы. По своей земле, где всегда будут зеленеть луга, усыпанные цветами, течь чистые реки и петь на зорях родные соловьи...

РАНЕНАЯ БЕРЕЗА

Лето.

После полудня зной ослаб, с луга крадется вечерняя прохлада, и шаловливый ветерок начинает свою игру. Мужики-старички сидят на шаткой лавочке у дома отставного кузнеца Егора Егоровича Полякова. Покуривают, ведут разговор о чем придется.

— Хоршее нынче солнышко. Не злое, — говорит один. — Иной раз — как скородка горячая, лицо печет, а сейчас — как мать ласкает.

— Дождичек бы не помешал, давненько не шумел, — подхватывает другой. — Деревья зелень свою теряют, пора бы ему сжалиться.

— Росой утром умоются, — вступает в разговор щупленький дедок, сапожник Филипп Филиппович. Он дымит без конца махоркой и кашляет.

— Росой деревья ноги мочат, а умываются дождем, — возражает хозяин лавочки. — Вон береза, наша красавица, стоит — кудри давно не моченные.

Все смотрят на березу, что за последним двором, на лужайке, словно никогда ее не видели. Вот и новая тема для разговора.

— Давно она здесь стоит! — восклицает вслух сапожник. — Сколько ж ей годов? Может, нам ровесница?

— Усы твои седины еще не знали, а она уже стояла, — ухмыляется Егор Егорович и, помолчав, добавляет:

— Внука моего, Мишатки, еще не намечалось, а береза уже невестилась. Времецко, оно мчится...

— Откуда она взялась, кто ее посадил? Поди, никому из нас не известно? — вступает в разговор молчавший до этого Гришка-голубятник.

— Сама выросла, никто ее не сажал! — отвечает жена Егора Егоровича, Зинаида Ивановна, подслушавшая мужской разговор.

Соседи болтают, посмеиваются, а дед дергает бровями и отмалчивается. Есть ему, что вспомнить о кудрявой «соседке», на его глазах она всю жизнь — ближе всех к его дому. Возле нее росла и поднималась местная молодежь, а он старел. И тоже тянулся к ней. Частенько прихватывал с собой свою скамеечку и часами сидел под кроной, листая в памяти страницы своего прошлого. А то иногда стоял у березы, поглаживая корявой ладонью такой же корявый ее ствол...

Теплый осенний вечер. Увядание природы, прощание с уходящим летом. Любит это чудное время Поляков, хотя всегда в уголке его души шевелится грусть... И вдруг совсем неожиданно и четко всплывают пред глазами дорогой образ старшего сына Алексея и озорной красавицы, соседки Насти. Алексей, живой, не убитый, веселый, обнимает Настю, но она увертывается, вырывается и бежит от него прочь...

Егорович порывается встать с низкой скамейки, но не может. На плече у него рука внука Мишки.

— Деда, что с тобой? — спрашивает внук, заглядывая ему в глаза.

Старик возвращается в явь и испуганно отвечает:

— Я ничего... Просто так, что-то показалось и вспомнилось.

— Что именно? Неужели секрет про березу? Когда ж ты мне о нем расскажешь? Давно обещаешь...

— Да, — опускает голову старик, — пожалуй, время настало, можно и рассказать все, иначе оно уйдет навсегда со мной.

— Деда, о чем ты заговорил? — пугается Мишка.

Егор Егорович достает из кармана сигареты. Разминает одну дрожащими пальцами, проносит горящую спичку мимо нее.

— Ты же бросил курить, — удивляется внук.

— Ах да! Конечно.

Дед поднимается со скамейки, идет к березе и зовет за собой Мишку.

— Пойдем, что покажу.

Он обходит толстый ствол дерева и, наконец остановившись, показывает:

— Вот! Посмотри!

На белом шраме, на уровне его плеч, едва заметен потемневший, косою и глубокий порез, как шрам на лице человека. Привычная пестрота коры березы почти скрывает его от человеческих глаз. Поэтому-то столько лет он оставался никем не замеченным.

— Что это? — удивился Мишка. — Кто это сделал?

Егор Егорович почувствовал слабость в ногах и опустился на траву.

— Садись! — позвал он внука. — Я расскажу тебе все.

— Что «все»? О чем?

— А вот об этой нашей березе, о твоём отце и еще кое о чем...

— Об отце? А он тут причем? — опять удивился Мишка. — Ты редко о нем говоришь — и какая тут связь?

Старик ответил не сразу. Пауза была длинной, но внук терпеливо ждал.

— Ты знаешь Настю Назарову, девушку с соседней улицы? — спросил наконец Егор Егорович. — Живет за углом. Красивая, белокурая. С гитарой ходит и веселит вас у березы на лугу вечерами?

— Конечно! Все ее знают. Она же в нашей школе учится.

— А мать ее, Веру Николаевну? Ту, что книжками у вас заведует?

— Библиотекаршу? Конечно!

Мишка пододвинулся к деду ближе и тронул его за плечо.

— Это что за вопрос, деда? Я ничего не понимаю, а ты говоришь загадками. Все мешал в кучу — березу, Настю с ее матерью, библиотеку. Объясни, пожалуйста.

— Объясню и расскажу, как обещал, ты только меня не торопи, — ответил Егор Егорович и замолчал, сделав скорбное лицо.

— А отец у Насти есть? Ты знаешь, кто он, ты его видел когда-нибудь? — снова задал он вопрос.

— Нет. Знаю только, что зовут его Алексеем.

— Что значит «нет»? Нет совсем, или ты не встречался с ним?

— Нет совсем, он умер. Она не видела его ни разу и не помнит.

Его Егорович печально качает головой, и глаза его сделались влажными. Мишка заметил подергивание левой щеки старика, что случается у того при сильном волнении.

— У Насти отчим есть, дядя Коля. А зачем ты об этом спрашиваешь? — подался к нему внук. — При чем тут Настин отец и она сама? Зачем весь этот разговор?

— Я хочу, чтобы ты знал... — начал Егор Егорович и вдруг осекся, будто обжегся, опустив голову и отвернувшись. Густая листва могучей березы зашумела вверху, потревоженная налетевшим ветром. Старик глубоко вздохнул и не сказал, а выдохнул с тяжкой горечью:

— Настя — твоя родная сестра. Мне, стало быть, внучка... У вас один отец — мой сын Алексей, сложивший голову в этом проклятом Афганистане.

Мишка немеет. Моргает глазами, судорожно глотает воздух. Наконец, справившись с шоком, забормотал:

— Сестра, сестренка... Настя... Стоп! А ты, деда, не выдумал все это? Как так может быть?

— Смогло вот, случилось... Сейчас отдышусь и объясню.

Он измял еще одну сигарету, опять обжегся спичкой и, отбросив в сторону коробок, убежденно начал объяснять:

— Николай — отчим Настин, а это значит — чужой человек. Служил в армии вместе с нашим Алешкой. Родом из Новосибирска, а приезжал к нам, в Воронежскую область, к другу в гости. Вот такая дружба бывает, но не всегда добром она заканчивается. Побыл он тут неделю, да натворил дел. Влюбился в Алешкину невесту Верочку. Теперь она — Вера Николаевна, ваша библиотечная начальница. Охмурил ее как-то Николай, сумел завлечь, перетянуть к себе. Само собою, поссорились друзья, не хотели уступать друг другу хорошую девчонку. Дрались даже. Николай уезжал в свою Сибирь и снова возвращался. Страсть свою не смог побороть, да и Верка тянула его к себе. По уши влюбилась в парня, а от Алеши отвернулась. Написала она ему в письме, что жить без него не может и что ждет от него ребеночка. Придумала она последнее... В этом позже все убедились — бесплодный Николай оказался.

— А как же Настя?.. — смутившись, перебил деда Мишка.

— А ты посмотри на нее, она же копия нашего Алексея... Пытались ребята помириться, да ничего не вышло. Сошлись однажды на лугу у нашей березы. Жесткая схватка была. Сначала кулаками махали, носы свои пораскровили, а потом... — Егор Егорович тяжело вздохнул. — Озверели оба совсем. Николай выхватил из кармана нож и занес ее над Алексеем... Да промахнулся, к счастью. Ударил по березе и сам от этого удара отлетел в обратную сторону... А тут уже наша местная ребятня подросла. Скрутили обоих, растащили. Алексея к нам, а Николая Верка увела. Привязала она его к себе, до сих пор от не вырваться не может.

— А дядя Леша, то есть мой отец? — с волнением спрашивает Мишка.

— Он уехал добровольцем в Афганистан. Мать твоя с животом у нас осталась ждать его, да не дождалась. Вместо мужа похоронка к ней пришла с войны. Тебя мы сообща вырастили.

Егор Егорович замолк на минуту, потом встрепенулся:

— А вон и она идет с бельем. На речку ходила, стирка у нее. Подсоби ей, поднеси вещички хоть до березы. От нее до дома — рукой подать...

ИЛЬМЕНЬ-ОЗЕРО

1

Там, где луг упирается в лес, начинается Ильмень-озеро. Мелководное, илистое, просторное. Изогнулось подковой, обхватив усынками, как руками, огромный лесной массив. В этом лесу найдешь ягоды, плоды и цветы, увидишь зверя. Тихая, глухая сторона, но не забытая людьми. Из села, что километрах в трех, ведут сюда две дороги и множество тропок. Одна дорога раньше была накатана подводами — местный народ за дровами ездил, а сейчас легковушками. Дрова теперь не нужны, газ пришел в село, и к озеру по утрам спешат только рыбаки и охотники. На машинах и мотоциклах.

Был раньше и еще один путь, обозначенный следами коров и овец, хорошо известный и старому, и малому. По этому пути гоняли на раздольные пастбища скот колхозный и частный. Пастбища широко раскинулись вдоль берега старого Хопра. Весной они вместе с Ильменем скрываются под его водами, чтобы запастись влагой и набрать силу. А отступит вода — бархатным, зеленым ковром покрывается необъятный луг.

В апреле Ильмень-озеро недоступно. Луг в воде непроходимый, лес прозрачный и тоскливый. Но те, кто имеет скот, уже посматривают в знакомую сторону — скоро, скоро наступит раздолье.

Далекой весной я — молодой и нетерпеливый — примчался сюда с удочками, когда другие рыболовы еще не доставали их из своих укромных мест. Хотел опередить всех, снять сливки с заветных мест, насладиться рыболовным азартом. На позеленевшем уже лугу гуляло колхозное стадо. Ферма располагалась на краю села, и ветер принес туда запахи весны. Знакомый уходчик Алексей стоял поодаль, глядя куда-то в сторону, и не сразу увидел меня. Потом крепко пожал мне руку как старому знакомому.

— Не терпится тебе, охота покоя не дает? — улыбнулся он.

— Не терпится. Красота зовет и раздолье. Я ведь тоже из таких мест и не могу без этого.

— Понятно, — кивнул Алексей и спросил, прищурившись: — А помнишь нашу первую встречу?

— Как же можно забыть! — ответил я.

О чем это мы — понятно нам одним. Мы возвращаемся в своих воспоминаниях в предыдущее лето. В тот памятный день, когда Ильмень-озеро свело нас и познакомило.

...Сырость, перемешенная с запахами стоячей воды и травы. Настороженная тишина. Из-за леса, с противоположной стороны озера, в небо карабкается тяжелая, хмурая туча.

— Намочит нас сейчас, рыбалку тебе испортит.

Я молчу. Нетерпеливая лошадь не стоит под ним на месте. Пастух откидывает плащ-накидку военного образца, легко спрыгивает на землю и бросает в траву поводья:

— Гуляй!

Садится на корточки рядом и участливо спрашивает:

— Ни одна рыбешка не попалась?

Кладет возле ног плетеный кнут, лезет в карман за кisetом и рассудительно заключает:

— Перед дождем оно всегда неважно получается.

— Ты тоже рыбачишь?

— Редко! Когда-то охотник был, теперь остыл. Да и другие заботы... В пацанах хорошо было, хоть целыми днями сиди, в школу идти не надо. Сейчас дело другое, редко удается вырваться. Летом с утра и до темна с кнутом, — отвечает и показывает на пестрое стадо коров.

Потом мы вместе сидели под плащ-накидкой. Он прав оказался: пошел дождь. Толковали. И так вышло, что сразу определили свои места: я — гость, он — хозяин. Так было и потом, при новых встречах, которые случались и на ферме, и в правлении колхоза. Меня забрасывали сюда журналистские заботы, а его — работа на ферме и просто жизнь. Потому что здесь он родился и вырос, отсюда в армию уходил и сюда, не задумываясь, вернулся. Здесь у него глубокие корни, по этой земле он уже не первый десяток лет ходит. И профессия у него тутошняя — животновод.

2

Я помню то время, ставшее историей. И забыть бы его, да сердце не велит. Годы прошли, но ведь жизнь осталась! Плещется, как и прежде, зеленая вода в Ильмене, украшает он родную землю, и новое поколение слушает тех, кто уже состарился и вздыхает о прошедшем. Много разных событий хранит озеро, да не всем доводится их слышать.

Днем Ильмень прекрасен. Когда солнце играет в воде, птицы поют, рыба плещется, и вольный ветер по камышам гуляет. Но ночью он совсем другой.

— Ночью сюда лучше не соваться, — загадочно сказал мне как-то между прочим Алексей, давным-давно — пастух.

— Почему? — удивился я.

Он промолчал, не ответил, а больше нам не довелось свидеться. Но как вольный ветер гонит тучи, так бесконечное время несет события. Немало их суждено было произойти на диком и вольном Ильмене.

3

В городе на рынке торговали две старушки. Одна картошкой, другая карасями. С картошкой все понятно, она с огорода, а рыба откуда?

— Старик у меня большой охотник, — объяснила хозяйка карасей соседке по прилавку. — Медом не корми, только бы на рыбалку сходить. Я противница этому, да он никого не слушает, если решил, то обязательно уйдет.

— А зачем препятствовать? Это же счастье добытчика в доме иметь. Рыба полезительна для нас, стариков, и денег немалых стоит.

— Так-то оно так, — соглашается жена рыбака, — но дело это опасное.

— Чем же? Он, наверное, на лодке плавает?

— Нет, просто так в высоких сапогах в озеро лазает.

— Батюшки!

— Да вот же! На днях ушел вечером, а явился утром на следующий день. Да чуть не утоп! Засосало его в илу... Но главное не в этом. Нечистая сила там в воде прячется! Дед на знакомой кочке сидел, давно облюбованная у него есть, много раз он на ней рыбачил. Правда, днем, а тут ночью его принесло. Добрался до этой кочки, посидел немножко и вдруг слышит — шипение какое-то и свист какой-то идет из-под этой кочки... Будто дышит кто там...

Дед от страха соскочил с нее по грудь в воду и хотел бежать на берег. Но побежал не в ту сторону, где твердо, а туда, где трясина. И погрузился по горло...

— Ай-ай! — ахает соседка-торговка. — Беда-то какая!

— Всю ночь стоял в воде. Только утром, когда стало видно, дотянулся до какого-то бревна и вылез.

— А чего ж он на помощь никого не позвал?

— Кого позовешь, кто ночью на озере есть? Кроме того, кричать было нельзя. Только крикнешь — смех раздается. Нечистая смеется, она под той кочкой сидела.

Торговка картошкой истово крестится и сочувственно вздыхает.

— Ты не пускай больше его на озеро. Дед дороже рыбы, — советует она.

— Как же его не пустить, привязать, что ли? Вчера опять убежал, вот карасей этих притащил. На другой кочке, говорит, сидел с вечера, а ночевать не стал.

На базаре что рассказал — то всему миру сообщил. Теперь и в городе про нечистую говорят. А в деревне, что возле Ильменя, обо всех старых и забытых историях вспомнили. И поползли страшилки... Расскажу и я одну.

4

Отставной милиционер, подполковник Иван Макарович Севостьянов со своим бывшим коллегой и бывшим инспектором ГАИ Михаилом Михайловичем Касьяновым многие годы занимаются охотой. У обоих одинаковое снаряжение, ружья и собачки одной породы. Когда работали, выбирались на охоту только по возможности, а ушли на пенсию — по настроению. Бродили чаще всего по окрестностям города, недалеко от Хоперского заповедника, а в настоящие охотничьи угодья выбирались ред-

ко. Попали один раз на Ильмень-озеро, и оно их приворожило. Там и кабана можно встретить, и лисицу, и зайцев полно. А если прихватить с собой удочки, резиновую лодку, то и без рыбы не вернешься домой. Озеро глухое, таинственное, там что угодно можно увидеть, но пощекотать свои нервишки иногда бывает полезно.

Собрались туда однажды. Серьезно. Основательно, на парочку дней. Был август, зори еще не холодные, решили одну провести на природе, как говорится, «вдали от шума городского».

Приехали на старой макарычевой «Ниве» — надежная, проходимая техника, хоть ей и сто лет в субботу. Прихватили одну «Перцовую» для согрева и поддержания духа. Макарыч было запротестовал:

— Зря это. Вдруг с гаишниками столкнемся? Не отвертисься.

— Да уж прямо! Испугались мы их. Нас знают. А я старое удостоверение прихватил.

— Кто тебя помнит! — посмеялся Касьянов. — Посмотри, кто нынче погоны носит — молодежь, дети наши да внуки! Ты сколько уже без погон ходишь?

— Неважно, — буркнул Макарыч и больше не захотел говорить на эту тему.

Карась брал плохо, мелкий и темный, с почти черной спиной.

— Озерный, — сказал знаток Михаил Михайлович. — Вечером сетишки растянем, ночью крупный влетит. Он осторожный, днем пугается и в глубине сидит.

Сделали как задумали. Заранее накачали лодки, приготовили кольца. Очистили сеть от прошлогоднего мусора.

— Порядок! — потер руки Севостьянов. — Теперь можно и горло промочить. Стели, Михалыч, поляну!

Было тихо и тепло. Ветерок, морщивший воду на свободной от водорослей средней озера, угомонился, пахло сыростью, камышом и лесными травами. Солнце еще не коснулось леса, но дальний горизонт уже начал туманиться. Сеть не очень длинная, со средней ячейкой, но с глубокой посадкой. Растянули, прикрепили, притопили верхний шнур, чтобы не было видно. Все сделали быстро, ладно. Еще бы, столько лет вместе охотятся, манеры друг друга знают.

Уселись на своей «поляне». По стопочке да по другой, уговорили «Перцовую», задымили сигаретами. Курили не спеша, наслаждаясь ароматным табачком, любуясь красотой августовского заката. Оба были довольны и, ощущая сладкий хмель, растекающийся по телу, не знали, о чем говорить. Все так хорошо, что ничего больше и не надо.

Но Михаил Михайлович вдруг неожиданно и тяжело вздохнул.

— Ты чего? — тревожно спросил Иван Макарыч.

— Очень жаль!

— Что именно?

— А то, что можно было бы еще по стопочке дернуть, да ничего нет...

— А-а-а... — протянул бывший коллега, прищурившись, с улыбкой. — Я так и знал! Нужно было думать, когда собирался на озеро.

— Я-то думал, — обиженно произнес Севостьянов и повертел в руке опустевшую бутылку, — а вот ты что делал? В потолок глядел?

— Глядел! — согласился Михаил Михайлович. — И знаешь, что там увидел? Вот что!

Он запустил руку в свою сумку и вытащил такую же бутылку. «Перцовая» была полной...

— Что это? Откуда? — изумился бывший автоинспектор.

— То же, что у тебя было! А ты думал, я иждивенцем буду? Так я никогда за чужой счет не жил, сам себя обеспечивал!

— Какой ты молодец, Макарыч! Я тебя обожаю!

Михаил Михайлович переполз на противоположную сторон «стола», обнял друга тяжелой рукой:

— Давай выпьем за дружбу!

— За нее мы уже принимали, давай за удачу! За рыбу. Надо поймать побольше, порадовать своих жен и заработать от них магарыч. Надо чаще совершать вылазки на природу, укреплять свое здоровье.

— Очень замечательный тост! — произнес Иван Макарович. — Наливай, да не скупись!

— Как можно?! — расплылся в улыбке Касьянов.

Хмель одолевал мужиков, тормозил их языки и сделал неподъемными веки. Они слипались, и разлепить их становилось все труднее. Первым «клюнул носом» Севостьянов. Не прошло и минуты, как он захрапел.

— Эй, ты это чего? Ты это зачем? А поговорить о жизни. А еще по рюмочке за удачу?

Михаил Михайлович стал на четвереньки, чтобы заглянуть другу в лицо в темноте, но руки его надломились, он качнулся и повалился на траву рядом.

Безлунная ночь сгустила сумерки, выползала из-за макушек деревьев, накрывала озеро и все вокруг него. Страдающие бессонницей лесные птицы сбавляли голос. Редкими стали всплески играющей рыбешки. Ильмень засыпал в наступившей тишине.

И вдруг на его середине, недалеко от еле заметной полосы на воде от верхней веревки сети, что-то хрипло и глухо булькнуло. Один раз, другой. Образовавшиеся на воде круги медленно расплывались и пенились. Булькнуло еще раз, потом заклокотало и зашипело... Из воды поднялся колыхающийся столб не то дыма, не то пара. Макарович заворочался, застонал, перевернулся на спину и разлепил глаза. Минуту соображал что-то, потом резко вскочил и сел на траву.

— Мишка, — толкнул он напарника, — глянь, Мишка, что там творится!

Тот тоже поднялся и посмотрел туда, куда указывал друг. В тот же миг с центра озера донесся хрип, а затем раскатистый, захлебывающийся смех. Будто могучее существо хохотало от всей души и трясло все озеро. Рыбаки вскочили на ноги и стояли застывшие, ничего не понимая. Потом Макарович схватил свое ружье и взял его наизготовку.

Смех так же неожиданно смолк, как и возник. Круги на воде, в том месте, откуда он исходил, стали сужаться и уменьшаться. Когда осталась заметной лишь одна небольшая точка, над ней тоже повисла непонятная дымка.

Мужики еле различали друг друга в плотной темноте, забыв про свои фонари, лежащие в рюкзаках. Севостьянов привычно чиркнул спичкой, забыв достать сигарету, затряс обожженными пальцами и спросил напарника:

— Что скажешь, Михалыч?

Касьянов растеряно пожал плечами:

— Чертовщина какая-то... Кто-то есть там, что ли, или аномалия происходит. Я слышал у нас на работе ребята когда-то о чем-то похожем рассказывали. Смеялись, чудом называли.

— Как же рыба наша? Может, ее уже сожрал кто, если она попала в сеть?!

— Утром узнаем, а сейчас давай допьем «Перцовую» и спать, — ответил бывший сослуживец.

На вольном воздухе, в ласкающей прохладе да после злой «перцовки» охотники спали мертвецки. Ни солнце, уже заглянувшее в укромный приозерный уголок, ни комарье, танцующее и зудящее, не могли их разбудить. Пока огромная серая ворона тяжело не шлепнулась на ветку ивы в двух шагах от спящих. Она

хлопнула крыльями и каркнула, как в басне, во все свое горло. Бывший подполковник шевельнулся, открыл глаза и испугано сел на траву. Реальность медленно вкрадывалась в его сознание, восстанавливая вчерашние события. Он покрутил головой, посмотрел на загустевший костерок, на неубранный «стол» с пустыми бутылками и недоеденной закуской. Видно, именно на нее нацелилась старая плутовка ворона, да не успела спикировать.

Голова Макарыча хоть и гудела, но сохранила нить вчерашних событий, и он дернул за ногу своего друга.

— Михалыч! Просыпайся, зорьку проспали! Вот, туды ее мать, эту «перцовку»! Сшибла нас! Заря пропала, ничего теперь не поймаем.

Бывший инспектор ГАИ плохо соображал. Ворочал глазами, отдувался, но произнес вполне разумную фразу:

— Поймаем! В сеть небось набилось полно...

— Где там! — отмахнулся Макарыч. — Забыл, что творилось на озере вечером? Ключья там одни от сети остались и от рыбы!

Не позавидуешь мужикам! Тряслись от холода, морщились от головной боли и еле ворочали языками.

— Чайку бы хлебнуть, нутро согреть, — сказал один.

— Неплохо бы, если термос цел.

— У меня ничего не пропадает, сумка надежная, — пробормотал Михалыч.

Крепкий чай взбодрил обоих. Пили, обжигаясь, торопясь, молча. А солнце уже набрало высоту, висело над Ильменем и смеялось над охотниками.

После чая, знамо дело, перекур. Дымили жадно, поглядывая на озеро. Думали об одном — о вчерашних событиях. Что же за кутерьма была на воде? Кто там бушевал, бесился и хохотал? А дым из воды почему? Как же может так что-то гореть в воде? Нелепость!

— Слышишь, Макарыч, а ведь не зря в городе про двух старух базарных болтают. Будто они говорили про чудеса на Ильмене, что видел дед-рыбак.

— Болтовня все это и брехня. Бабы всякое могут напридумывать, на то они и бабы, — поморщился Севастьянов. Но вдруг осекся, вытаращил глаза и побледнел. Сигарета затряслась в его руке.

— Ты что, Иван? Дурно, что ли, тебе? — насторожился Михаил Михайлович.

— А знаешь, — взял тот друга за руку, — в любой брехне есть доля правды. Мы с тобой где сейчас? На Ильмене! А что вчера вечером видели? Не то же самое, что бабкин дед-рыболов? Стало быть, не придумал старик, правду говорил. А хочешь, давай сплаваем туда, где булькало?

— Нет, нет! Я в это озеро больше не полезу! — наотрез отказался Михалыч.

— А как же сеть, рыба?

— Да черт с ней, не рисковать же из-за этого?

— Какой риск? Мы ведь нырять не будем, соберем сеть и рыбу и назад.

Еще чуть-чуть поколебался бывший инспектор, и друзья все-таки поплыли за рыбой. Гребли осторожно, с опаской поглядывая по сторонам и в воду. Доплыли до первого кола, Макарыч потрогал его, качнул, потом опасливо опустил в воду руку.

— Шнур натянут, значит, сеть цела, — вполголоса произнес он.

— Отвязывай, но не упусти, она может быть тяжелой, если в ней много рыбы.

— Есть! — тут же обрадовано произнес Макарыч. — Я чувствую, трясется что-то...

Стали поднимать. Первой «рыбой» оказался увесистый, почерневший от долгого пребывания в воде кусок дерева толщиной в руку и длиной с метр. Освободились от него, поплыли дальше, подтягивая шнур и собирая сеть. Она тряслась, дергалась и уводила то в одну, то в другую сторону.

— Рыбина! Ого! — воскликнул Макарыч, и на поверхности показался жирный бок крупной рыбы.

— Карась? — почему-то шепотом спросил Касьянов.

— Нет! Перья красные — язь, наверное.

Сачком с трудом и волнением перевалили добычу через борт в лодку, опасно качнув ее. А шнур затрясся еще сильнее, кто-то потянул лодку в сторону, потом вперед. Макарыч молча и сосредоточенно боролся со второй рыбой, потом с третьей, а сеть в воде бултыхалась не переставая. В лодке уже кувыркались пять яззей и один карась

— Давай, тащи! — кричал в азарте напарник, и эхо далеко разносилось по озеру.

Улов был поразительный, потрясающий и неожиданный! Рыбаки, парализованные волнением, смотрели на запутавшуюся и барахтающуюся сеть и не могли двигаться.

Но вот почувствовался новый толчок в лодку снизу. Второй кол, до которого оставалось совсем немного, вдруг качнулся и медленно всплыл.

— Все! — восторженно и почему-то обрадованно произнес Михаил Михайлович. — Больше рыбы нет. Поплыли к берегу.

До берега оставалось не больше трех метров, когда Иван Макарович вдруг крикнул гребцу:

— Смотри! Назад посмотри!

На озерной глади, там, где вечером происходили непонятные события и только что стояла сеть, вдруг опять забурлила вода, поплыли круги — и на поверхность вырвались клубы пара. Они поднимались вверх, как дым из печной трубы в морозную и тихую погоду. Послышался короткий свист и все замерло. Круги исчезли, вода успокоилась...

Машина, будто застоявшийся на привязи конь, резво бежала по асфальту. Макарыч рулил молча, смотрел вперед на бегущую навстречу дорогу, а его бывший подчиненный дремал, слегка прикрыв глаза.

— Все же много странного в этом Ильмень-озере! — произнес он. — Бульканье воды, круги всякие, пар какой-то. Мистика!

— А еще, говорят, иногда по ночам с его дна свет идет. На поверхность он не выходит, а в глубине горит, — отозвался Касьянов.

— Вот-вот! Выдумывают люди, кто во что горазд. А на самом деле живет озеро своей жизнью, украшает землю, кормит разную живность и людей. Вон мы какой рыбы наловили! Раскормил ее Ильмень нам на радость. И пусть он всегда будет таким, — заключил Иван Макарович.

Федор Николаевич Григорьев родился в 1962 году в селе Токаревка Тамбовской области. Окончил Воронежский медицинский институт. Врач, психиатр-нарколог. Автор нескольких поэтических сборников. Публиковался в журналах «Подъём», «Роман-журнал XXI век», интернет-издании «Русский колокол» и др. Лауреат премии «Имперская культура» им. Э. Володина, президент Фонда русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба», председатель оргкомитета Всероссийского фестиваля русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба». Член Союза писателей России. Живет в Борисоглебске.

Федор Григорьев

ОТЦОВСКОЕ ТЕПЛО

ДРОВА

Стихи смолкают к непогоде,
Пусты слова.
Беру колун и на колоде
Крушу дрова.
Сосна, береза ли, осина,
Я — хрясь да хрясь:
Ну что ж, что жизни половина
Не задалась.
Копаться в чертовой проблеме —
Сойдешь с ума,
На сто пятнадцатом полене
Уйдет сама.

В печи, как в топке паровоза,
Зажгу пожар.
Сосна, осина да береза
Поднимут пар!

И вот уже по всей России
Лечу в избе,
По бездорожью, по трясине,
Как по судьбе.
Трещит избушка в изумленье,
Дрожит мой кров:
Стреляйте, глупые поленья,
Пылай, любовь!

Мне всю другую половину
Играть с огнем:
До малой щепы, до дровины,
И — сгинуть в нем...

* * *

*Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России
Среди нечуждых им гробов.*

А.С. Пушкин, 1831 г.

*Пусть бандой окружат нанятой,
Стальной извиваются леевой, —
России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!*

В.В. Маяковский, 1918 г.

Я мог бы ныне, как обычно, с упоением,
Дышать поэзией под гомон певчих птиц,
Когда б не ужас новоросского сраженья
И «пшеков» смрадное дыханье у границ.

Через туманы европейской непогоды
Я вижу статую с рукою до небес,
В которой символ опьяняющей свободы —
Всего лишь факел марширующих «эСэС».

Неужто за морем, за срамом гей-парадов,
Отцам-сенаторам *гнев Божий* нипочем?
Не баба русская стоит над Сталинградом —
То Богородица с карающим мечом!

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Это наш с тобой Серебряный век,
Век любовных откровений без слов,
Век дымов от цепенеющих рек,
Жизней разных у ветвей и стволов.

В этом веке под обычным дождем
Таает века Золотого вранье.
Как я счастлив, что — навеки вдвоем! —
Завершаем восхождение свое.

Полно плакать над судьбой лебедей,
Вены резать я не вижу причин:
Время — славное проклятье людей,
Архитектор наших лучших морщин.

И покуда то на радостях пьет,
То псалмы поет Серебряный Бог —
Яд чудесно обращается в мед,
Возрастает до поэзии слог!

ТУЛУП

В сарае ветхом, за рогожей,
Где время пыльное текло,
Тулуп нагольный грубой кожи
Хранил отцовское тепло.

Хозяин в спорах был неистов,
Переступал порой черту,
Среди «идейных» активистов
Был нелюбим за прямоту.

Не раз с морозом и метелью
Кожух вступал в смертельный бой,
Служил одежкой и постелью,
Как в сорок первом, под Москвой,

И — побеждал! Меня на дровнях
В нем из роддома привезли.
Тогда казались ровня-ровней
Все обитатели Земли...

Отца убили компромиссы,
Дрянной коньяк, наветов зло.
Тулуп без боя съели крысы —
Ему в тот раз не повезло.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ДОКТОР

Другу моему, Саше К.

Ему больные — словно дети,
Живут теплом его огня.
Они порой на этом свете
Гораздо кровней, чем родня.

Он не разводит боль руками,
Не чародей — помилуй Бог!
Не раз свечу затеплит в храме
За тех, кого спасти не смог.

День ото дня мудрея — тает,
И, завершая свой полет,
Все близко к сердцу принимает,
И раньше времени уйдет.

Не митингует за зарплаты,
С начальством — не хамелеон,
В уме — ученье Гиппократы,
В душе — святой Пантелеймон...

БОРИСОГЛЕБСКИЙ ВАЛЬСОК

*Фестивалю русской словесности и культуры
«Во славу свв. Бориса и Глеба» посвящается*

Еще цветет полынь, и манит пчел татарник,
Струятся вдоль Хопра степные ковыли.
Я видел на заре, как два вихрастых парня
С конями в поводу по улице прошли.
Сюжетами полны имперские задворки,
Здесь каждый уголок о многом говорит:
Приехав на вокзал, вздохнул писатель *горько*,
Задумавшись, присел... И вот уж век сидит!¹

Мой город воевал, он не стоял в руинах,
Но все же ты ему «победную» налей:
Гляди, как на ветвях развесили рябины
Кровавые бинты его госпиталей.
С крестами на крыле летучие шакалы
На цифре сорок пять имели жалкий вид.
А наш такой родной, живой *Валерий Палыч*²
Еще не одного орла благословит!

И в парке городском, и в театральном зале
В компании друзей от Ялты до Ухты
Уже который год мой город *фестивалит*
С Поэзией — на «Вы», с поэтами — на «ты».

Еще цветет полынь, сорит крылаткой ясень,
Церквей колокола к заутрене зовут.
Я вижу в облаках, как два прекрасных Князя
С конями в поводу над городом идут...

* * *

Осенняя малина
Алеет на губах,
Прозрачный сочный вечер
Антоновкой пропах.

¹ В 1889–1890 гг. А.М. Горький работал в Борисоглебске артельщиком при товарной кассе и сторожем склада брезента и мешков при железнодорожной станции. Памятник писателю установлен на площади перед железнодорожным вокзалом. Борисоглебские впечатления нашли отражение в рассказах Горького «Сторож», «Скуки ради», «Книга».

² В Борисоглебске расположено высшее военное авиационное училище летчиков, которому в 1938 году было присвоено имя Валерия Павловича Чкалова.

В саду, где поселился
Непонятый Пьеро,
Сорока-белобока
Мне скинула перо.

А я, как Буратино,
Ольховый обалдуй,
Ловлю-ловлю Мальвины
Прощальный поцелуй...

Николай Иванов (Горшков) родился в 1955 году в семье офицера в Туркмении. Окончил Качинское высшее военное училище летчиков в г. Волгограде. Служил на Западной Украине. В 1979 году был списан с летной работы по состоянию здоровья, работал на авиазаводе конструктором. В настоящее время пенсионер. Издавна увлекался литературным творчеством.

Николай Иванов

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Рассказы

Солнце всходило, разгоняя утренними лучами лохмотья прятавшихся по оврагам туманов. Нижний край его красного раскаленного шара растворялся в синей, мутной пелене. Верхушку царпали обрывки ночных облаков. Солнце всходило тяжело.

Две черные длинные тени перечеркнули солнечное сияние, и его заволокло зыбким, дрожащим маревом тепла.

Грохот прорезал слух, вспарывая воздух, как будто нож рвет жестяной лист.

Сидящий внутри стеклянной вышки человек за пультом проводил взглядом две взлетевшие машины. Сидя здесь, он видел летное поле, стоянки и бетонные укрытия для самолетов, похожие на гигантских жуков капониры. Самолеты и технику. Он видел всю картину происходящего. Он чувствовал и знал ее.

Аэродром словно вымер. Ни людей, ни движущихся машин. Только вращающиеся антенны локаторов пронзали пространство щупальцами радиоволн.

Взлетная полоса провалилась в перископ самолета. Дрожащая, в раскаленных газах. Провалились огромные белые цифры на ее краю, стоянки и самолеты.

Она канула в никуда, словно отброшенная чудовищной силой.

Машина вонзалась в небо, насаживая на острие пространство. Машина — хищник. Со-

зданная человеческими руками, она не парила, как птица. Сродни, быть может, ракетам и молниям, она пронзала небо. Горизонт не плыл, не уходил плавно. Он проваливался, взмывал и метался, земля отбрасывалась в сторону, словно мяч.

И человек должен был успеть за машиной. Сейчас как будто бы стальная сетка сжала мозг пилота, стиснула в металлический кулак все чувства, все человеческое. Он видел, чувствовал и слышал только то, что нужно машине. И не она работала на него, а человек работал на нее. И с этими остекленевшими глазами и твердо сжатыми губами он был сродни ей — машине.

Где-то там внутри человека сжался в испуге теплый комок, похожий на маленького человечка, живого и чувствительного.

И боялся он не напрасно. Ощущая неизбежное (на время слиться с машиной), он боялся, что может произойти обратное страшное чудо — и... уже машина отдаст человеку свою душу, холодную и безжалостную.

Как все хищники, она была стремительна и зубаста. Человек создал эту машину для войны, даже не понимая до конца, что он сделал. Ему нужна была машина как меч или копьё, и он создал ее. Эта машина не строила, не творила, она разрушала. Она стоила немалых денег, но человеку нужна была скорость и жало, которое вопьется в такую же летающую железку. Он еще не обжил эту машину, а на смену ей уже приходила следующая, еще более ядовитая и стремительная. И человек торопился. Он должен был успеть за машиной.

Сидящий внутри стеклянной вышки человек слушал эфир.

Военная машина проверяла свою исправность. Исправность машин и нервов. Она брала все самое лучшее: машины, горючее, людей и лучшие годы жизни. Она превращала это в рев, грохот и взрывы. Старели машины и люди, росли дети, седели волосы. А взрослые дяди играли в войну. Они сталкивались на учениях, горели в воздухе, хоронили друзей, бомбили цели, сбивали мишени.

Они ничего не создавали и не строили. Сброшенной бомбой дома не построишь.

Они учились разрушать. Взрывать и сбивать.

Они играли в войну. По субботам и воскресеньям, по праздникам и будням, в непогоду, днем и ночью, зимой и летом.

Они приходили и уходили, совсем молодые и уже старые, а машина брала из них все самое лучшее. Год за два.

Под бетонным мрачным колпаком год здесь — как два года за его стеной. Или год перегрузок, высоты, тревог и нервов. Но, если честно, — за десять, за двадцать! Чем мерить? Жизнями, разводами, морщинами, потом, кровью, сединой?

Кто-то не выдерживал и уходил. Но другие оставались. Оставались только те, для кого небо что-то значило. Для кого самолет — это связь между человеком и небом. Для кого небо не просто атмосфера, а живое существо, которое надо любить и оберегать. Об этом знали только те, кто чувствовал небо и жил им.

Оставались только те молодые и уже седые летчики, которые тайком от всех шепчут ласковые слова своим железным птицам. Слова, которые не говорят даже любимым женщинам. И почему-то именно эти слова превращали машины в живые существа.

Во имя чего приносились все эти жертвы? Во имя какого Бога? Бога Войны или Бога Железных птиц?

Менялись идеи и идеалы, кумиры и кумирни, кроссовки и татуировки. Миллионы людей пили, ели, спали, читали газеты, спорили, ошибались, рожали детей, старели, умирали, лысели, смотрели телевизор и хоккей, занимались делами и сплетнями или просто бесцельно проводили время.

Менялись люди, менялись города, менялись правители и правительства, но небо не менялось. И пока люди на этой планете не договорятся между собой, по каким правилам или законам им сосуществовать, небо должно быть свободным.

Огромная высота и пространство не охватывались сознанием.

Там, на высоте, крыльям не на что опереться. Им не хватает воздуха. Летящей на огромной скорости машине не хватает воздуха, которого здесь так мало. Она вяло слушается рулей, как будто сонная рыба. Задыхаются крылья, задыхаются двигатели. И жизнь человека зависит только от машины. Если она не выдержит, то смерть наступит мгновенно. Они вышли за красную черту. Человек и машина.

Ту самую черту, жизнь за которой напоминает хождение над пропастью, где нет страховки и шеста.

Черное от высоты небо повисло над ним. Земля утонула в сизой мгле, провалилась в облачную пелену с торчащими из нее белыми башнями облаков.

Казалось, что их занесло так далеко, что они никогда не вернуться. И не было ничего, и как будто так было всегда. Это черное небо с проблесками звезд и ослепительное белое солнце, нестерпимым водопадом света взрывающее пространство.

И все остановилось и замерло.

Только гул двигателей, солнце и звезды и эти двое, затерянные в пространстве.

Сидящий в стеклянной вышке знал, что такое машины.

Раньше машины жили среди людей. Люди посмеивались над их детской неловкостью или удивлялись тонкому изяществу механических кукол, граничащих с произведением искусства. Это были не более как развлечения или игрушки. Милые капризные игрушки, за которыми надо было присматривать, как за маленькими детьми.

Но пришло время. И люди стали жить среди машин. Этих огромных монстров, которые становились похожими на людей. Они стали подразделяться на добрых и злых, на ленивых и быстрых, на хищников и не хищников.

Однажды он пролетал над морской армадой. Авианосцы, корабли, подводные лодки. Вся эта громада металла давила своей мощью и безжалостностью.

А эти маленькие мураши, называвшиеся людьми, так плохо и так мелко видимые с высоты, казалось, совсем отсутствовали, а было только это безжалостное и безмолвное скопление металла, железных великанов с этими ракетами, бомбами и самолетами.

И казалось, что они только и ждут дня, чтобы смести это муравьиное царство людей и завладеть всем миром. Мы стали работать на машины. Мы стали зависеть от них, от их капризов и желаний.

Военная машина проверяла свою исправность. Исправность железа и нервов, механизмов и характеров.

Сейчас около тысячи человек находились под железобетонными колпаками.

На связи напряженно прислушивались к всплескам эфира в кабинах самолетов.

Техники сидят у стен бетонных сводов. Говорят вполголоса, изредка посматривают на пилота. На самолете полное вооружение. Хочется курить. Пересохшие губы, охрипшие голоса.

Они ждут, когда раздастся команда, чтобы броситься открыть выход позади самолета.

Затрещат свечи, взвоят турбина, раскаленные газы вырвутся из сопла. Ревом огласит своды проснувшийся двигатель.

Они включают механизмы. Бетонные челюсти раздвинутся в стороны, и самолет пойдет вперед. Они упадут на бетон, чтобы не попасть под горячую струю. И потом ждать, когда вернется самолет.

Генерал поднялся на вышку.

— Товарищи офицеры!

Генерал поднял руку, предупреждая уставную команду.

— Работайте.

Офицеры, штурманы и планшетисты продолжили работу.

Генерал подошел к сидящему за пультом и пожал ему руку.

— Обстановка?

— Одна пара в воздухе. Поднята по учебной тревоге.

— Какой уровень?

— Второй и третий класс.

— Хорошо.

Зазвонил красный телефон. Генерал и сидящий за пультом вздрогнули. Они знали, что значит этот звонок.

Генерал взял трубку.

— Говорит «Граница»! Реальная цель! Беспилотник. Тип Стелс. Идет по воздушной трассе. Мы не можем по нему отработать. Внешнего управления нет. Значит, запрограммирован на цель. Наведение со спутника по тепловому следу. Сбить любой ценой!

— Дежурному звену — взлет!

Сидящий за пультом повторил команду.

— Где пара в воздухе? Расстояние до цели? Подполковник, пару в воздухе наводить.

Сидящий за пультом бросил взгляд на генерала.

— Наводить, командир.

— 511, я вышка! Реальная цель. Включить канал наведения!

— 511, принял.

Генерал подошел к сидящему.

— Думаешь, не справятся?

Секундная пауза, когда разжались губы.

— Нет.

Раздался грохот. Четыре машины оторвались от полосы и исчезли в небе.

— А эти уже не успеют.

Сидящий за пультом взял микрофон. Как гранату, как рукоять затвора пушки. Он знал, что наступит та самая секунда, когда его антенна выстрелит в эфир его голосом. Он взял микрофон из черной пластмассы с резиновой воронкой. Почувствовал, как наливается теплом черный корпус. Он слышал все команды и ответы. Он весь превратился в слух. Растворились окна и двери вышки. Аэродром перестал существовать. Были только команды и ответы, и он был там, на высоте, где были два человека. И он ждал свою секунду. Он чувствовал их движения, видел их глазами, слушал их ушами. И ждал. Когда его собственная станция пошлет импульс туда на высоту, где двое работали в воздухе.

Автоматический радар, находящийся в хвосте самолета, что-то увидел. Его антенна из режима поиска перешла в режим наведения на цель и уставила свой глаз в точку пространства. Шестиствольное сверхскорострельное орудие сдвину-

лось с места. Зверь, за которым шел охотник, затаился за камнем, сузил глаза, присел на задние лапы, напряг мускулы и ждал своей секунды. В этом мире вещи стали существовать независимо от людей.

Время пошло. Включился секундомер. Цейтнот. Максимум правильных решений при минимуме времени. Мозг — как вычислительная машина. Двое против одного. Шансы высоки.

Оружие к бою. Лампы готовности ракет. Зуммер готовности ракет. Курс, скорость, высота, обороты двигателя. Норма. Прицел, связь, курс, скорость, высота, обороты, метка цели.

Вот он. Чужой.

Ведущий промахнулся. Он произвел залп двумя ракетами. Две белые стрелы сорвались из-под крыльев, в клубах дыма полетев вперед, сверкая четырехзвездными трассерами.

Но в ту же секунду он с ужасом увидел, как экран отражателя прицела вспыхнул зеленоватым светом — и кольцо захвата соскочило с электронного креста, беспорядочно заметавшись. Ракеты прошли мимо, взорвавшись от самоликвидации. Цель поставила помеху.

И он допустил ошибку. Он не вышел из атаки. Как замороженный, он смотрел на прицел, пытаясь понять, что произошло, продолжая полет, и вошел в зону поражения. Зверь прыгнул.

«Умная» пушка в хвосте у Чужого изрыгнула тучу снарядов. Она разметала самолет ведущего на тысячи кусков металла.

Ведомый успел увернуться от обломков взорвавшейся машины ведущего. И это его спасло.

— 512! 511 сбит! Вышел из атаки!

Настала секунда черного микрофона. Сидящий за пультом стиснул клавишу.

— Спасательные вертолеты из ближайшего квадрата!

— 512! Внимание! Слушай меня. Выключи радар, включи теплопеленгатор. Набери высоту выше над ним три тысячи метров. Будешь атаковать с помощью пушки. Сверху! Из мертвой зоны. Атака по тепловому следу. Он не пойдет на высоту. Он умный. Его засечет ПВО. Не забудь. Только пушка. Тепловые ракеты не пускать. У него наверняка есть защита. Я верю в тебя, лейтенант!

У пилота не было опыта. Он никогда не был в реальной опасности. Страх появился откуда-то из живота. Как будто всегда был там и ждал своего часа. Картина взрыва ведущего перед глазами не уходила. И страх стал вползать в него черными щупальцами. Сначала задрожали ноги мелкой противной дрожью, потом руки. Живот стал дрожать, и щупальца стали подбираться к сердцу, бьющемуся на запредельном ритме. У него не было опыта. Но только всплыла эта фраза, сказанная в эфире, страх замер.

— Я в тебя верю.

Это сказал тот, кто знал, что такое страх.

— 512! Я «Граница»! Курс... высота...

И когда он услышал голос, он забыл о страхе.

— У тебя будет не более десяти секунд для атаки!

— Внимание, 512! Над целью. Превышение три. Атаку разрешаю!

— 512, атакую!

— Спасательные вертолеты из ближайшей зоны!

— Я вылетаю в тот район! — сказал генерал.

Сидящий за пультом кивнул.

Генерал вышел.

Он стал падать сверху из мертвой зоны, где радар Чужого не видел его. Белая игла на экране тепlopеленгатора — тепловой след от самолета. На острие ее — Чужой. Секунды пошли. Игла стала расти в толщине. Тепlopеленгатор захватил острие иглы. Секунды, как вечность. Руки дрожат, пот заливает глаза. Держать кольцо в захвате. Ближе, ближе!

Разведчик. Черный, как смерть. Чужой. В его небе. Что он нес в своем черном брюхе, с какой целью пересек границу, не знал никто. И он был чужой в этом небе.

Сигнал атаки!

Он нажал гашетку. Вой скорострельной пушки потряс самолет.

Дымная трасса протянулась кипящей струей к черному силуэту и зацепила его.

Чужой напоролся на снарядную струю, как на лезвие бритвы, вспыхнул, перевернулся кверху брюхом — и, когда он начал падать, глаз автоматического радара засек нападающего.

И за секунду до взрыва смертельно раненный зверь, перед тем как сорваться в пропасть, полоснул охотника когтистой лапой снарядным залпом из автоматической пушки.

Щелчок. Кислород под большим давлением вошел в легкие, и они раздулись, как мяч. Щелчок. Воздух вышел. Щелчок — вдох. Щелчок — выдох. Две секунды вдох, две секунды выдох. Вдох — выдох. Вдох — выдох.

Взрывная декомпрессия. Высотный костюм работал. Его толстые резиновые шланги, словно полосатые удавы, опутывающие все тело, раздулись.

Они стянули капроновую ткань костюма. Нечеловеческой силой она сжала тело, не давая своим натяжением на этой чудовищной высоте вскипеть крови в лабиринтах вен и артерий. У машины была всего лишь доля секунды, чтобы не дать взорваться сердцу и мозгу. Немедленно кислород под большим давлением ринулся в легкие, сплюснутые костюмом. Они раздулись, как мяч. Потом щелчок и воздух вышел. Вдох — выдох, вдох — выдох. Высотный костюм работал. В мертвой машине осталось жить кислородное сердце, и оно вдыхало в него кислород. Эту голубую кровь. Мертвая машина заставляла жить это существо, замотанное в капрон, раздутое, как резиновая кукла с болтающейся от ураганного ветра железной головой. Даже не зная, жив он или нет. Вдох — выдох, вдох — выдох. Живой воздух входил него, касаясь омертвевших клеток. Кровь несла эти драгоценные капли в мозг. В этот стусок вещества такого непрочного и слабого. Но машина упрямо вдыхала в него кислород. Он заставил мысль родиться в потухающем сознании. И человек открыл глаза.

Грохот. Страшный, раздирающий мозг и пространство.

Все ураганы мира обрушились на него. Стоя под громадой Ниагары, ревущей как тысяча тигров, обрушивая тонны бешено бурлящей воды. Стальные вихри терзали его тело. Они били в грудь и в голову, бросали из стороны в сторону, вырывали его из кресла. Натянутые, как тросы, капроновые ремни стонали, еле сдерживая натиск взбесившегося потока воздуха. Боль в голове и ушах. И этот грохот! Нескончаемый грохот падающих с огромной высоты каменных глыб. Стекло гермошлема было белым от инея. Это броня защищала его. Но он был слеп. Он был слеп и беспомощен. Сверхзвук ревел, врываясь в разбитую кабину.

Он же вышел из темноты! Смерть? Нет! Смерть — это когда темно! Опасность! Секунды, как смерть. Руки! Где его руки?! Жестокий холод! Не то, не то! Руки! Найти в себе силы, чтобы найти руки! Этот грохот! Раздирающий мозг на тысячу кусков! Где же руки? Погруженные в бурный ледяной поток. Неужели их нет? Его трясет, как в железной бочке, сброшенной в водопад. Клацают зубы, он захлебывается кислородом, глотая его окровавленными губами. В этой гремящей преисподней, в железной бочке, катящейся по камням! Пропать! Сейчас удар! Зловещий скрежет и взрыв! Белая ослепительная вспышка расцветет и сейчас погаснет! Взрыв и... темнота. Он почувствовал. Руки мечутся, их рвет поток! Прижать к себе изо всех сил! Вниз! Вниз! Руки! Он понял, что схватил рычаги. Красные рычаги опасности! Напрячься из всех своих последних сил! Даже не зная, делает ли это, он судорожно стиснул предохранители и с хрипом, криком и яростью рванул их на себя, уже ни на что не надеясь.

Генерал молча смотрел, как медицинский транспортный самолет вырубивал на взлетную полосу. Рядом на рулежной полосе стоял еще не остывший вертолет. Его винты медленно вращались, останавливая движение.

Он смотрел, опершись рукою на борт своего железного орла, распластавшему крылья над бетоном.

Вряд ли кто узнает, о чем думал генерал в эту минуту.

Думал ли о том, как сложится судьба пилота в ближайшее время? Ведь после катапультирования на сверхзвуке остаются весьма тяжелые последствия. Думал о том, что сказать родителям погибшего пилота? И сколько еще пилотов пожертвуют собой ради этого неба?

Или надеялся на то, что молодой пилот преодолет все барьеры, и опять вернется в это небо, чувствуя под своей рукой двести тысяч лошадиных сил, и пробьет звуковой барьер, расписавшись в бесконечной синеве белым росчерком пера.

Вряд ли кто узнает.

И мало кто знает, где генерал заработал свои погоны и совершенно седые волосы. Ему было всего тридцать два года.

Транспортник взлетел.

Пилот чувствовал боль. Самолет качало, и врачи не всегда удачно попадали своими иглами в его вены. Опутанный капельницами, проводами и датчиками, он вздрагивал и смотрел в потолок. Отрешенным взглядом. Может, он еще не совсем понял, что происходит и где находится.

Молодая девушка-медсестра как могла заботилась о нем, укутывая в одеяло и смачивая его сухие, израненные губы влажной салфеткой.

Ее пугал этот взгляд. Она хотела прикрыть его от беды.

«Господи! Спаси его! Ведь совсем молодой. Наверное, и девушки еще нет». Ее душа хотела согреть его. Она взяла его руку в свою, и он повернул к ней голову.

Ее пронзила эта синь в его глазах, как будто кто-то щедрою пригоршней зачерпнул небо и плеснул ему в них.

Он увидел ее глаза, почувствовал тепло ее руки, и уже больше не отводил взгляда.

Он что-то увидел в ее глазах, наполненных слезами. Что-то очень важное и настоящее для него. Эта девушка, которую он не знал и первый раз видел в своей жизни, эта девушка хотела, чтобы он жил. Ему вдруг стало теплее. Как будто выходишь из холодного погреба на солнце.

Его часто бьющееся сердце стало успокаиваться, прерывистое дыхание становилось ровнее.

Он был не один, с ним была женщина.

Самолет молотил воздух, рвал его мощными винтами, натружено выли двигатели на максимальном режиме.

Он набирал высоту. Земля покрывалась сизой дымкой, отходя назад, пространство распахивало свои границы, непостижимые и бесконечные.

На огромной территории невидимое и неслышимое движение, как будто встревоженное крыльями самолета, катилось, как волна, в сторону большого города. Катилось, звонило телефонами, хлопало дверьми, срывалось в эфир с радиоантенн.

Командные пункты, диспетчеры разводили борты, меняли курсы и высоты, освобождая пространство, и передавали тревогу из рук в руки, из уст в уста: «Человек в опасности!»

— Борт 65711, займите высоту...

— Реанимобиль на аэродром!

— ...отверните влево на курс... пройдите две минуты...

— Подготовить операционную к работе!

— Бригаде нейрохирургов подготовиться!

— Квартира полковника Короповского? Срочная операция. Машина за вами уже выслана.

— Управление принял, я «Озерный подход». Внимание всем экипажам, находящимся в воздухе! Усилить осмотрительность, строго выдерживать заданные высоты, пропустить литерный борт!

— 85322, ваше удаление... впереди свободное небо!

— Спасибо, «Озерный»!

Ревели двигатели на максимальном режиме, фюзеляж дрожал и вибрировал, самолет хотел успеть, как будто не пилоты управляли им, а он сам стремился изо всех сил.

И сквозь этот вой и рев металла, которого накопилось в мире так много, что его лязг порой заглушает и детский смех, и пение птиц... Металла, которого стало так много, что среди его синевато-холодного нагромождения, пушек и ракет, авианосцев и танков, самолетов и подводных лодок порой не увидишь человека и его душу. Металла, который хочет заставить подчинить себе людей, сделать их своими придатками и рабами. Сквозь этот лязг и грохот женские губы тихо шептали раненому, как молитву:

-Ты потерпи, милый, потерпи, родной, потерпи...

ГОЛЛАНДСКИЙ ШАГ

Если бы я не стал пилотом, то стал бы капитаном корабля. Я могу жить только в бушующем мире, когда земля уходит из-под ног. Для меня ничего не значит дом, стоящий на берегу океана. Мой дом — это вечный корабль в поисках Новой земли, Терра Инкогнита. Мне всегда не хватало пространства. И даже наша Земля казалась мне слишком тесной по сравнению с моими мечтами. Но почему-то птица для корабля — добрый вестник, а птица для самолета — посланница смерти.

Она была Королева. Все, все в ней было королевское! Осанка, кудрявые, светлые волосы, смех, беззаботность, безмятежность, легкость в движениях. Все мужчины были в нее влюблены. Весь мир принадлежал ей. Все девчонки завидовали.

Я тогда вступил в дельтапланерный клуб. Никогда не знаешь, сколько всего может тебе открыть жизнь за поворотом судьбы.

Но ее глаза, огромные, прозрачные, солнечные, сразу западали в душу. В них отражалось небо, солнце и облака. И раз увидев эти глаза, больше невозможно было ни о чем думать.

Я был новенький. Неопытный и смешной. Как желторотик. Куда мне до чемпионов неба и соревнований! Я делал вид, что не замечал ее. При таком внимании со стороны мастеров дельтапланерного спорта я был бы просто докучливой мухой, жужжащей над прекрасной розой. Я шутил и смеялся с другими девушками, особенно с некрасивыми, рассказывал им анекдоты, веселил их, но с ней не разговаривал, а если разговаривал, то без всякого интереса. А? Что? Какая Елена? Блондинка, что ли? Дельтаплан собирает? Помочь? Сама справится. Не маленькая!..

А сам влюблялся все больше и больше. Боже, как она двигалась! Как будто порхала над землей! Она ходила в школу танцев, и таких отточенных, женских движений я не видел никогда.

Я тогда летал на учебном дельтаплане. Старался быстрее его освоить, чтобы перейти на спортивные. Разница примерно, как между велосипедом и гоночным мотоциклом. Ребята участвовали в соревнованиях и показывали неплохие результаты. Привозили награды. Рассказывали захватывающие дух истории дельтапланеризма. Полеты между гор. Ураганные ветры. Поездки в другие страны. Соревнования во Франции, в Германии. Эти разговоры по вечерам у костра были просто волшебством, магией чего-то возвышенного, необыкновенного, чудесного! Просто восхищало душу и заставляло трепетать сердце! Никто ничем не ограничивал свое воображение. Мы были молоды и всемогущи! Перемещения во времени, ядерные энергии, полеты к иным мирам, все! Все, что угодно! И все было нам подвластно!

В те времена жизнь была совершенно иной. Она бурлила как ядерный котел, наполненный безумными идеями. Мы работали на авиазаводе, ремонтировали пассажирские лайнеры, а на субботу и воскресенье уезжали в горы или проводили отпуск в горах на полетах. Горы — это место силы! Огромное водохранилище в окружении высоких горных вершин, плотина, простор! Необыкновенное зрелище. Чистая, хрустальная вода, которую можно пить, сладчайшая и холодная. Нигде в своей жизни я не пил такую воду. И постоянный ровный ветер летом, восходящие потоки, позволяющие подниматься на хороших дельтапланах на высоту до семи километров. Лучшие из нас часами парили над этими просторами. Как я ждал конца недели, чтобы отправиться туда, где я был счастлив по-настоящему!

Они летали высоко. А я пока довольствовался полетами с километровой горы. Они стартовали с этой горы и улетали в небо. А я плавно опускался вниз, а потом таскал дельтаплан наверх. Два часа подъема и три минуты полета. Вот и все мои достижения. Пять полетов в день. На большее не хватало ни времени, ни сил. Но я был счастлив. Ибо за эти три минуты небо ласкало мою душу. А без неба я просто не мог жить.

И все это — простор, горы, облака и прекрасная юная королева — будоражили все во мне.

Так прошло полгода. Обычно мы ночевали в большой палатке на берегу. А в эту ночь было тепло, и мы спали в спальнях мешках прямо на открытом воздухе. Что-то меня разбудило ночью. При свете луны я увидел возле своих ног какое-то ушастое существо. Оно терзало мой ботинок возле спального. Это был лисенок. Я шикнул на него, и он убежал.

Луна была огромная, как никогда. Тихо плескались волны, звенели цикады. А казалось, что это звенели звезды. По небу чиркали метеориты. Лунная дорожка лежала через все водохранилище. А до звезд было рукой подать. Я протянул руку и погладил звезду. Кажется, это был Сириус.

И тут я увидел ее. Она вышла прямо из серебра лунной дорожки. Тонкие очер-

тания, расплавленные в дрожащих волнах, изящный силуэт. Это была она, королева.

Я вылез из спальника и подошел к берегу. Извечным и волшебным женским движением, юная русалка выжимала волосы, наклонив голову.

Она совершенно не испугалась, когда увидела меня. Села на песок лицом к воде. Я присел рядом.

— Вода такая теплая, — прошептали ее губы. — Прямо ласкала меня, как живая.

Я тоже смотрел на воду, но меня волновали иные волны — волны счастья рядом с ней.

Я приблизился к ней, и она повернула свое лицо ко мне.

О, Боже! В ее глазах светились две Луны, две лунные дорожки, два Млечных пути и все звезды Вселенной. Завороженный всем этим, я замер, не зная, что говорить. Во мне происходило что-то совершенно невероятное.

Дальше было какое-то наваждение.

— Не хочешь искупаться?

Она взяла меня за руку и повела по берегу, я покорно пошел за ней, как невинная овечка. Боже! Какая же нежная у нее рука! Я чувствовал, как бьется жилка на ее руке, как ее рука ласкает мою руку. И она влекла меня за собой все дальше и дальше от лагеря. Ведь это все становилось нашей тайной. Безмолвно, без слов. Мы остановились, и я прижал ее руку к своим губам. Меня мучила жажда, я припал своими губами к ее губам.

Из всех воспоминаний остается только первый поцелуй. Кто его вкусил, тот никогда не забудет. Это признание в любви, это обещание любви, это тайна, которую доверили только тебе, любимому человеку. Это лепесток розы, прилипшей к губам, способ услышать биение сердца любимого в своей груди и ощутить в поцелуе его душу.

А дальше... Дальше — это жизнь в поисках потерянного Рая.

Я даже не знаю, есть ли на свете такие слова, чтобы можно было это описать. Что-то необычайно светлое и нежное наполнило до краев мою душу. И это опьянение любовью закружило нас! Мы останавливались на берегу и пили нектар наших губ. Сколько это длилось — минуты или часы, невозможно было определить. Время перестало существовать. Небесные часы остановили свой ход для нас.

Мы погрузились в волны, но жажда не оставляла нас. Мы целовались в теплой, действительно ласковой воде, и нас окружали отраженные звезды и расплавленное серебро. Мы летали в пространстве ночи. Что это было, я не знал. Дар небес или дар любящей женщины? Я скользил своими губами по ее лицу, по глазам, чувствуя дрожание ее ресниц. Я скользил по ее шее, плечам, рукам. Я хотел запомнить ее линии жизни. И она делала то же самое. Мы заново открывали себя. Своими нежными пальцами она касалась моего тела, как будто играла неведомую мне музыку, и целовала мои ладони, ища те самые линии жизни. Тайственное очарование сладости Божественного посетило нас. Сошлись наши души, звезды, линии планет. Кто знает.

Ее дыхание, мое дыхание, дурманящий запах ее волос и таинственная улыбка, похожая на улыбку Моны Лизы, женщины, которая знает все.

А может, Ева вышла не из ребра, а из лунной дорожки, и Адам так ошеломительно влюбился в нее, что, опьяненный этой любовью, ослушался самого Бога. Этот дар был слишком изумительный, настолько неожиданный, превративший Еву в Богиню! Теперь я понимаю влюбленного Адама. И я бы ослушался кого угодно. Опьяненный и восторженный, я боялся только одного. Что все это мне снится.

Так мы и встретили рассвет, на берегу, в объятиях друг друга.

Две чудесные мечты будоражили меня, сколько себя помню. И одна из них — это ожидание женщины.

Я помню этот день в своем далеком детстве. Перед грозой начинался ветер, и я смотрел в окно, как поднималась пыль на дороге. Мне было всего двенадцать лет, и я увидел девочку из соседнего класса, ей тоже было двенадцать. Она шла откуда-то с зонтиком, и ветер пытался вырвать у нее этот зонтик. Развевались ее волосы, и разлеталась непослушная юбка, оголяя ее прекрасные ноги в белых туфельках. Она была похожа на мотылька. Это было так прекрасно! Я вдруг воспламенился неясной мне мечтой! Так и запомнил эту картинку на всю жизнь — она, ветер, зонтик и вспыхнувшая мечта моей юности.

И теперь эта мечта находилась в моих объятиях!

А примерно через четыре часа произошла катастрофа.

Константин, один из наших пилотов, опытный, спортивный парень, сегодня приехал без своего дельтаплана. Сидел на горе и скучал, глядя, как другие парят в небе.

Как он смог уговорить пилота по фамилии Сивец дать ему свой дельтаплан полетать, никто не знает. Это категорически запрещено без подготовки. Дело в том, что на дельтаплане Сивца был дефект — Голландский Шаг. Когда Сивец его строил, то произошла ошибка, смещение центровки, немного, буквально на десять миллиметров. Наш испытатель Андрей определил эту ошибку. Это ставило крест на дельтаплане. Обычно каркас разбирали, а парус сжигали, потому что летать на нем было опасно. При наборе высоты он начинал раскачиваться до такой степени, что становился неуправляемым. Лет пять назад в Голландии разбился дельтапланерист именно из-за этой ошибки. И эту раскачку называли Голландским Шагом.

Сивцу было сорок пять лет, когда он начал летать. Пилот был очень опытный, смелый, профессиональный. Он смог освоить этот Голландский Шаг и участвовал во многих соревнованиях. С тех пор этот дельтаплан прозвали Летучим Голландцем.

Константин не справился с управлением и врезался в гору. Он умер на месте, ударившись головой о землю. А Голландец, как ни странно, остался цел.

Я довез Елену до дома. День был тяжелый. На всем лежал отпечаток скорби, на ее волосах, на руках, плечах, и на ее глазах. Они потухли, потеряли блеск и радость.

Она сидела и молчала. Потом вышла из машины.

Я тоже вышел.

Хотел обнять ее, но она отстранилась. Я ждал.

— А почему ты такой спокойный?

— Что?

— Почему ты такой спокойный? На твоих глазах разбился человек, а ты спокойный?! Как будто ничего не произошло!

И тут я понял, что значит настоящая королева!

Она кричала на меня так, что, казалось, небеса сейчас обрушатся на меня. Или упадет метеорит. Или меня поведут на гильотину. Бросят в пропасть. К диким зверям на растерзание!

— Это я убила его, понимаешь! Я! Он ведь уже уходил! Несколько секунд, и мы бы разминулись, и он бы уехал домой, понимаешь?! И был бы жив! Почему, почему именно я оказалась на его пути!? Почему я должна страдать теперь всю жизнь?! За что?! Зачем!?

И чем больше я молчал, тем было хуже.

— Безжалостный! Бессердечный! Бесчувственный! Как ты можешь быть таким спокойным, как?!

И она разрыдалась.

Оказывается, произошло еще кое-что, чего я не знал. Константин пришел в клуб

к девяти утра в субботу, как обычно. Все собирались на полеты, выносили дельтапланы в автобус, продукты, палатки, подвески. Шум, суета, смех, шутки. В общем, как всегда. В клубе была еще одна комната. Под замком, где находились проблемные дельтапланы, разбитые, недоделанные, отложенные для испытаний. Как его дельтаплан оказался в этой комнате, до сих пор никто не может понять. Ключи были только у начальника клуба, а он был в командировке. Так как дельтапланы нельзя было передавать друг другу, он не мог поехать на полеты. Просто так сидеть и не летать, это скучно и неинтересно. Табу. Запрет. Закон. И Константин в печали пошел домой. И тут он встретил ее.

Она порхала над землей в своих изящных кроссовках, в белом платьице, сияющая свежестью утра, прекраснейший цветок с лучезарной улыбкой волшебных глаз.

— А ты что? Никуда не едешь? — наивно спросила королева, не зная, что происходит.

И он вернулся в клуб, подписав себе смертный приговор. Он просто не смог устоять перед ее глазами...

Я стоял и молчал. Бедная девочка, она никогда не видела смерть так близко.

Когда в летном училище, где я учился, разбился первый курсант и я с товарищами нес гроб с его телом, я не испытывал сожаления. Это было так странно. А может, дело в том, что я точно знал, зачем пришел. Я пришел летать. А за высоту надо платить. И настоящие пилоты знали, зачем пришли. И так произошло шестнадцать раз за четыре года, пока я учился. Тот, кто по — настоящему любит небо, не боится смерти. А тот, кто по-настоящему любит женщину, не боится ничего.

Неужели я влюбился в роковую женщину? Скольких она еще убила своими колдовскими глазами?

Сейчас она уйдет. Уйдет от меня, уйдет из клуба. Навсегда.

Выйдет замуж за простого парня, например, за строителя, который твердо стоит на ногах на земле. Родит ему кучу детишек, расплнеет, ее глаза потеряют этот солнечный свет. Говорят, чтобы жемчуг не потерял свой дивный блеск, его надо хранить на солнце. И они с мужем будут смотреть по вечерам телевизор с его длинными сериалами. И она навсегда забудет те дни, что когда-то летала, и ту лунную дорожку, из которой она появилась.

Ворота Рая закроются.

И вдруг! Я услышал, как щелкнула шестеренка на Небесных Часах, Вселенский Маятник качнулся и стал набирать свою бешеную скорость! Сейчас он разгонится до сверхсветовой скорости и ударит меня в грудь, разбивая мое сердце! Включился метроном Судьбы. Небесные часы пошли.

— Я завтра лечу! — крикнул я в Пространство. В ее спину. В себя. В Небо.

Страх ударил меня в грудь и стал вползать в мою душу. Я знал, что такое страх. Если его вовремя не остановить, он высосет всю твою волю до последней капли, силу твоих мышц, уверенность твоего разума, и ты будешь бояться черной кошки, переходящей через дорогу.

— Что?!

Она споткнулась, как будто о невидимую стеклянную стену. Повернулась. Глаза ее были в ужасе.

— Что ты сказал?

— Я завтра лечу. На Голландце.

— Как это полетишь?!

Она подошла ко мне.

— Клуб опечатан. Полеты закрыты. Прокуратура ведет следствие.

— Ну и что. Я сломаю замки.

Она приблизила ко мне свое лицо, полное непонимания и страха. И глаза, полные слез.

— Ты со мной?

— Я?!

Казалось, что сейчас она упадет в обморок.

— Если я покалечусь, у тебя будет возможность меня спасти, если погибну, то ты будешь присутствовать на моих похоронах. Но главное, ты увидишь все. И что я не он. Я не поворачиваю назад.

— Ты сошел с ума!!!

— Нет. Ты только что назвала цену.

— Что? Какую цену?

— За свою любовь.

Я чеканил слова, как будто подписывал свой смертный приговор.

— Завтра. В девять утра. Я отъезжаю. С тобой или без тебя. И не вздумай сегодня кому-нибудь звонить.

Я повернулся и пошел. От нее. Потерянной и в страхе. От себя, от любви.

Над горами собиралась гроза. Я стоял на вершине горы с привязанным за камень Голландцем. Он пританцовывал, подергивая за капроновый шнурок, закрепленный на носу. Его волновал воздух, и он рвался в небо. Внизу на берегу виднелась машина, мой друг и ее белое платье. Ветер был в гору, но порывистый.

Ветер разведал ее волосы и разметал юбку. И вдруг я вздрогнул. Это была та картинка из моего детства. Девочка-мотылек. Идущая по дороге. Только зонтика не было.

У меня был настоящий друг. Он не стал спрашивать, зачем мы едем? Просто уточнил время и приехал вовремя.

Я попросил его только об одном. Если она побежит в гору, удержать ее любой ценой.

Мой друг был хорошим спортсменом. Но он не смог удержать ее. Она закричала, вырвалась и бросилась в гору.

Вот он, момент истины! Сейчас или никогда!

Я надел шлем, пристегнул подвеску, поднял дельтаплан и встал против ветра. В авиации существовал закон. Из всех возможных вариантов действий выбирай два, а из них один. Взлетать или вернуться. Можно было все свалить на погоду. Собиралась гроза. Я доказал свою смелость, моя девушка наплакалась и натерпелась, она меня простит, мой друг поймет меня и...

Но был еще один свидетель моего позора. И он меня никогда не простит. И я сделал то, за что нас безумно любят и... ненавидят.

Я сделал шаг.

Отход от горы был плавный. Но вот порыв ветра задрал Голландцу нос.

Я потянул дельту на себя. Я слышал все, что говорили об этих Голландцах. Ты думаешь, что управляешь им, а он обманет тебя. Это он управляет тобой. С ним нужна особая интуиция, своя система управления, не так, как с другими, послушными аппаратами.

А Голландец продолжал задирать нос. Сейчас он свалится в штопор и врежется в скалы. Но я застыл. Я не давал своим рукам двигать дельту. Я искал другое управление. Я замер, не давая старому навыку действовать.

Голландец опустил нос и вышел в горизонт. Но погоду не обманешь. Порыв ветра ударил сверху, и Голландец пошел вниз. Я оттолкнул дельту от себя и опять застыл. Голландец вошел в пикирование. Стонал парус и гудели тросы, он падал, набирая скорость. Сейчас он врежется в скалы, разламываясь на куски и ломая меня вместе с собой! Получи, человек, за свою самоуверенность и наглость! И я погибну на глазах у нее, подтвердив ее роковую сущность. И сквозь шум ветра я услышал ее крик. Увидел ее глаза, расширенные в ужасе.

Время застыло. На миллионную долю секунды.

И тут что-то вошло в мои руки. Чьи-то другие руки, уверенные и спокойные. Они соединились с моими руками, Голландцем, с потоком воздуха, это вошло в меня и наполнило всего. Я вдруг понял все. Тысячи иголок пронзили мои клетки.

Перед самой землей, в том месте, где светилось белое платье, Голландец взмыл в небо.

Он и вправду был летучий. Он рвался в небо, туда — на высоту. И я почувствовал это. Он пришел. Тот невидимый, который всегда был рядом со мной. Сколько раз он приходил ко мне на помощь. Но только употребляющий усилие восхищает его. Я ждал его, я хотел встречи с ним. Это будоражило меня с тех пор, как я увидел взлетающие космические корабли. Вторая мечта. Она терзала и жгла меня днем и приходила ночью в фантастических снах.

Я рисовал космические корабли. И я мог на них летать.

Он вошел в мои руки, дал им силу, и в мою душу, наполнив ее ликованием, восторгом и уверенностью, и соединил меня с Голландцем. То, что называется чувством полета. Дар неба. Тот, в ком не проснется этот дар, тот должен уйти. Навсегда. Ему не дано. Не позволено. Закрыто. Мало иметь крылья, надо еще и чувствовать их.

Как резвый конь он задирает нос, и я позволил ему это. Мощный восходящий поток понес нас стремительно и неотвратно. У меня захватывало дух, кипела кровь, бурлило все. Миллионы эмоций пронзали мои нервы. Я горел, как факел. Захлебываясь небом, я ликовал и кричал в пространство — я здесь! Я счастлив! Я благодарен тебе!

Где-то внизу осталась гора, вода, плотина, города, реки, суета, страх, сплетни, волнения. А я пил и пил свое счастье, свою безумную любовь, я возвратился в небо, и оно приняло меня!

Я и Небо! Солнце ослепило меня, когда я выпрыгнул из облаков! Зрелище, достойное богов!

Белое безмолвие было подо мной. Из облаков торчали горные вершины, покрытые снегом. Стояла Тишина. Величественная и торжественная. Когда ты вырываешься за границу неизвестного, ты можешь увидеть то, чего не видел никогда. И ощутить те чувства, которые не встретишь на земле. Это был восторг Высоты и Пространства! Головокружительная Красота Мира!

Мне не хотелось возвращаться на землю. У меня еще оставались силы. Но мне надо было увидеть еще кое-что.

Когда я приземлился на берег, разразилась гроза! Молнии били прямо в воду, ливень хлестал своими жесткими струями. Мой друг подбежал ко мне, и мы сложили крылья Голландца.

Елена набросилась на меня со всей своей королевской яростью, кричала и била меня своими кулачками. А я даже не защищался, потому что испытывал другие чувства. Грохотали молнии, дождь обрушился на нас водопадом. Сквозь грохочущий гром я слышал только обрывки слов: «Ненавижу! Ненавижу!»

Ее слезы смешались с дождем, и я почувствовал, как дождь стал соленым.

Она била и била меня, а я молча терпел ее удары, ожидая конца этой женской стихии. Наконец, остановилась. Прижалась ко мне, мокрая, ослабленная и покорная. Превращаясь из королевы в плачущую девочку. Эта девочка нуждалась в защите, и я обнял ее. Полет длился для нее так долго, и я мог представить себе, что она испытала за эти минуты. Второе убийство она бы уже не пережила.

Я задрал голову, и дождь падал мне на лицо, которое горело, как огненная лава из вулкана.

Завтра! Меня выгонят из клуба. Лишат меня неба и радости полета. Ведь я на-

рушил все мыслимые и немыслимые человеческие законы. Кто-то не подаст мне руки. Не поздоровается. Не улыбнется при встрече. Не поздравит с днем рождения. С Новым годом.

И тут я улыбнулся. Это будет завтра! Я стану изгоем общества. Хулиганом, нарушителем, изменщиком, предателем...

А послезавтра! Я начну строить свой дельтаплан. И я его сделаю так, что у него будет Голландский Шаг!

Эпилог

А из клуба меня все-таки не выгнали. Когда приехал начальник клуба из командировки, я рассказал ему все, что сделал и почему. Он помолчал некоторое время, как будто что-то вспоминал из своей молодости, потом спросил:

— Ты замки поменял?

— Конечно!

— Где мой комплект ключей?

Разговор с Сивцом был тяжелый. Я ожидал чего угодно: драки, удара, оскорблений, криков. Но то, что он сказал, меня просто ошеломило.

— Костя сказал, что хочет освоить голландский шаг. И я поверил ему. Я ошибся. Не смог оценить его способности.

Он задумался.

— Голландец теперь твой. На прощанье скажу только одно — никогда! Никогда не бросай управление. Я видел. Он бросил дельту и закрыл голову руками. Это его и убило.

И Сивец ушел из клуба. Больше мы о нем ничего не слышали.

Прошло несколько лет. Я смотрел, как мой двенадцатилетний сын с такими же, как он, ребятами делает подлеты на учебном дельтаплане.

Елена готовила чай на костре и смотрела в ту же сторону.

— Как ты думаешь, у него получится? — спросила она.

Я повернул голову к ней.

— Летать или любить?

Она встала, подошла ко мне и обняла меня теплыми руками.

Ее лучистые глаза, сияющие, как звезды, самые прекрасные на свете глаза, окутали меня своей нежностью!

— Прекрасно летать и чудесно любить, мой Король!

И ее глазами улыбалось само Небо.

АНАТОМИЯ НЕНАВИСТИ

Они были в черном. Я не знаю, почему. Почему они любили именно этот черный цвет? Цвет смерти. Неужели есть такие люди, для которых черное — это красиво. Были еще какие-то надписи на их одеждах и черных знаменах. Но я особо в них не разбирался.

Они так и выглядели: черные тараканы, ползающие по желтому песку. И дети, играющие в свои игры возле них. Кажется, эта игра называлась «Асыки». Какие-то кости от баранов, раскрашенные в разные цвета. Они кидали их на песке по каким-то своим правилам, придуманным их предками много лет назад.

Злые, безжалостные убийцы. И все-таки люди.

И был приказ. Договориться о сдаче или уничтожить их. На мое усмотрение.

— С Бешеным Гаданфаром¹ невозможно договориться, командир.

¹ Г а д а н ф а р (арабск.) — лев.

Сириец в моем отряде знал, что говорил. Невозможно. Слишком ярый террорист.

Они прикрывали себя детьми. До какой низости нужно опуститься, чтобы прикрываться детьми, как щитом.

Я рассматривал их в полевой бинокль из-за скалы, за которой мы прятались. Деревня была примерно в двух километрах от нас. Пустынное место перед деревней хорошо простреливалось. Дозоры с пулеметами были выставлены. Так что атаковать их было невозможно. И наши снайперы не достанут. Тем более, там были дети.

Со мной тридцать три бойца. «Мои тридцать три богатыря», как говорил прадед в гражданскую. Это мое любимое число. У меня был приказ — освободить деревню.

— Надо начинать штурм, командир. Вызовем «вертушки» и самолеты. Это сказал мой заместитель.

Они привязали к столбу на деревенской площади какого-то мужчину. Рядом стояла женщина с детьми.

Когда в мужчину боевики стали кидать камни, женщина и дети закричали. Очевидно, это был отец семейства. Здесь криков не было слышно. Слишком далеко. Я опустил бинокль.

— И каковы наши шансы?

— Где-то процентов пятьдесят мирных жителей сумеем сохранить.

— Не факт. Может, и меньше.

— Тогда накроем их ночью. Когда будут уходить.

— Да. Но днем они перебьют всех. Оставят человек сто в заложниках и поедут с ними в другую деревню. Все продумано, капитан.

«Проценты... — подумал я. — Что значат все эти проценты по сравнению со смертью хотя бы одного ребенка?»

Я поднял бинокль. Окровавленный мужчина повис на веревках, которыми был привязан к столбу.

Я взял ракетницу и выстрелил красной ракетой. Красная звезда зажглась в небе, оставив дымный белый след. Нас заметили.

Я снял гимнастерку, фуражку, жетоны и документы отдал заместителю. Оставил только нательный крест.

— Все. Времени нет. Принимай командование, капитан. Я иду к нему. Хочу поговорить.

— Как ты мог его отпустить? — спросил сириец у капитана. — Одного и без оружия.

Капитан опустил бинокль и включил свой планшет.

— А он и есть оружие.

Они прикрывались детьми. Знали, что делать. Ведь русские — это не американцы. Те не будут долго думать. Если в деревне террористы, они просто сжигают деревню. Так проще. Никаких тебе переговоров, гуманитарных коридоров, воды, продовольствия. Просто нажимаешь кнопку, падают бомбы, летят ракеты, и деревни нет. Это называется освобождение по-американски. Так было в Корее, так было во Вьетнаме, в Ираке, в Ливии, так и здесь. Стиль есть стиль. И он не меняется. Так дешевле. Для них война — это просто бизнес. Ничего личного.

Боевики знали, что мы русские. Их отряд, где-то сто пятьдесят человек, занял деревню. Они были на броневиках. И хорошо вооружены. Местные жители их кормили. Они не ждали случая, чтобы выскользнуть из окружения. Ведь боевики хладнокровно убивали всех.

Я разделся до пояса, чтобы они видели, что на мне нет пояса шахида и вообще нет оружия. Но рук я не поднимал. И белый флаг я тоже не брал.

Громы в плен не сдаются.

Я шел по этой каменистой пустыне, и у меня было несколько минут, чтобы подумать. В любую секунду могла прилететь пуля. И все. Меня больше нет. Но пока не стреляли. Все-таки любопытство сильная вещь.

Чужая пустыня. Чужое небо. Двадцать первый век. Война.

Отец говорил: ищи во всем промысел Божий, тогда будешь знать, как поступать.

Но я шел по пустыне и пока не знал. Зачем иду? Ради тех, кого сейчас будет убивать Гаданфар? Или ради тех, кого он еще не убил? И почему это зло лезет изо всех щелей? И почему войны на планете то затихают, то опять начинаются? И мир — это не мир, а всего лишь перемирие между войнами. И почему, если отрубить голову злу, на его месте вырастает десять голов? Кто разводит на планете всех этих шахидов, талибов, игиловцев? Этих убийц! Или война становится для них одним из видов развлечений? Для тех стран, которые наелись, напились, награбились до отвала, чувствуя свою безнаказанность под ядерными зонтами.

Чужое небо, чужое солнце, чужая земля. И только боль. Знакомая до слез. Боль несправедливости. Когда чужие приходят в твой дом и решают, кому жить, а кому умирать. И топчут коваными сапогами твою землю.

Мы это знаем. Это у нас в крови.

Они называют себя по-разному — террористы, экстремисты, ультрас, радикалы. А суть всегда одна. Зверь в рогатой каске со свастикой. Оскаленная пасть с каплюющей с клыков кровью. Не дай зверю проснуться в твоей душе. Ибо станешь таким же. Фашизм всегда фашизм. Какими бы идеями и знаменами он не прикрывался. Красными, зелеными, черными, желтыми, звездно-полосатыми...

А по пустыне катились вечные перекасти-поле. Колючие шары-путешественники. Куда подует ветер, туда и покатится этот странник пустыни, рассыпая колючие семена по дорогам судьбы. Все хотят жить.

Деревня приближалась.

И я начал читать. Ту молитву, которую читал отец перед битвой, которую читал дед, прадед и все мои предки.

— Живый в помощи Вышнего, в крове Бога Небесного водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси, и Прибежище мое, Бог мой и уповаю на Него...

— Ты зачем пришел на мою землю, русский? Оставил свой дом, жену, детей? Ты хочешь умереть здесь?

Каменный столб посреди деревенской площади с привязанным к нему мертвым мужчиной был забрызган кровью. Святой кровью. Того, кто не согласен.

— Я не желаю мира твоему дому, Гаданфар*. Потому что это не твой дом. И не твоя земля. Я увидел то, что ты делаешь с теми, чья эта земля и чей дом, и мой гнев воспламенился против тебя. Значит, ты мой враг. И я пришел к тебе, к моему врагу.

— Да. Я предлагаю этим людям стать воинами Аллаха. Тех, которые не соглашаются, я казню. А также убиваю их жен и детей. Забираю их скот, имущество. Это угодно Аллаху. Неверные должны умереть. Они пыль пустыни, мерзость перед его очами. А некоторых детей я привяжу к своим броневикам и поеду в следующую деревню, чтобы судить неверных. И меня никто не остановит. Ибо я — Гаданфар, воин великого Аллаха. И чем больше я убью неверных, тем большим человеком я буду в раю, и тем больше у меня будет богатств, рабов и прекрасных женщин.

— А вот мой Бог сказал мне, для того чтобы я попал в рай, я должен полюбить врага своего. Помоги мне. А то я сам не могу найти в тебе то, за что тебя можно любить.

Он усмехнулся презрительной улыбкой.

— Твой Бог — Бог слабых, русский. Аллах сильнее. Он убивает неверных без сожаления. И тебя ждет то же самое. Смерть. Вы русские — слабые. Семя слабый, детишка не рожает, мальчик — как баба. Зачем живешь? Зачем приехал? Сидел бы дома, пил водка.

— Мир изменился, Гаданфар. Теперь русские не будут ждать, когда зло придет в их дома. Они будут останавливать зло везде, где оно появится.

Меня зовут Гром. Запомни, Гаданфар.

Я воин Христа. И я здесь, чтобы остановить тебя.

Уходи. Я вызову автобусы, тебя и твоих людей увезут в Идлиб со своим оружием. Броневики надо бросить здесь...

Их смех — это смесь брешущей собаки, которая давится костью, и несмазанной скрипучей арбы. Но восток — это восток. Я их позабыл. Я просто был мышкой, с которой играла кошка, перед тем как съесть.

— Ты мне нравишься, русский!

Это сказал Гаданфар.

— Я вырву твое сердце. И брошу его собакам.

Я посмотрел ему в глаза. Но он стоял далеко от меня в окружении своих боевиков. Мне он нужен был ближе.

— Так ты говоришь, что твой Бог сильнее?

— Да, русский! Аллах велик.

— Тогда давай сделаем так. Я вызываю тебя на бой. Только ты и я. Если твой Бог сильнее, то тебе нечего бояться. Если ты победишь меня, я умру. Если я побеждаю, ты и твои люди садитесь в автобусы и уезжаете. Согласен?

Он презрительно осмотрел меня с головы до ног. И опять заперхал своим особым смехом. И все рассмеялись.

— Ты посмотри на себя, русский. Разве ты достоин, чтобы сразиться с Бешеным Гаданфаром?

Да. Супергероем я не выглядел. Но это мне было только на руку.

— Можешь меня испытать. Здесь есть русские, которые приняли ислам?

Из толпы вышел один. Светловолосый, в чалме и с бородой. Борода тоже была светлая.

— Я с тобой сражусь, — сказал он, сбрасывая оружие.

— Как тебя звали раньше, добрый молодец?

Издеваясь над ними, я все больше разжигал в них ненависть. Если бы они только знали, что в ненависти нет силы.

— Звали Михаилом. А теперь я Махмуд.

Гордо сказал. Все одобрительно загудели. Я говорил на местном диалекте, чтобы все слышали.

— Ну и почему Христа предал?

Глаза его полыхнули огнем.

Он достал из кармана пачку долларов.

— Вот почему! Аллах мне дает все и сразу. Без этих твоих милосердий или любви ближнего. Убил, и все твое!

— Я понял тебя. Каешься?

— Ха-ха-ха! — посмеялся он. — Никогда!

Опять этот довольный гул одобрения.

— Я заметил, что ты доллары держал правой рукой.

— Ну и что?

— Значит, это правая рука соблазнила тебя?

— Да плевать! Аллах Акбар! — закричал он и бросился на меня.

Он вопил животным воем, когда я сломал ему правую руку. Кричал и катался по земле, разбрызгивая кровь. Он сжимал левой рукой правую, пытаясь остановить кровотечение.

Их лица стали злые и черные. Смеха уже не было.

Гаданфар подошел к раненому, обнял его по-братски, прижав его голову к себе и... свернул ему шею. Раздался хруст и сдавленный крик. Тело рухнуло на землю.

Воцарилась тишина. Только ветер шевелил редкими кустами.

— Аллаху не нужны слабые воины.

Это сказал Гаданфар.

— Есть еще православные, принявшие ислам?

Это спросил я.

Все молчали, глядя на мертвого, лежащего на земле в луже крови, с высунутым языком.

Гаданфар снял ремни, положил на землю оружие.

— Аллах Акбар! — закричал он яростным, страшным голосом.

— Аллах Акбар! — закричали все.

Он набросился на меня, как бешеный носорог. Со всей своей злостью и ненавистью. Вот он, момент истины. Хрустели кости, кипела кровь. Он кидал меня на каменистую землю и дышал на меня своей злобой.

Они орали от восторга и ярости. Как же — их командир, их вождь наказывает неверного, оскорбившего всех своей дерзостью.

Одного он только не знал, этот раб ненависти и ярости. Что тот, в ком затих голос гнева, может слышать голос Бога.

«Да не придет к тебе зло, и рана не приблизится к телеси твоему...»

Он крушил мои зубы и кости, яростно и часто дышал мне в лицо, бил ногами и кулаками, вкладывая в свои удары всю свою ненависть.

«Яко ангелам своим заповесть о тебе, поведут тя на всех путех твоих...»

Я знал, чего хочу.

Есть разница: когда смотришь на своего врага через оптический прицел снайперской винтовки и когда смотришь своими глазами в его глаза.

Глаза в глаза.

Лоб в лоб.

Дыхание в дыхание.

Он не знал.

А я знал.

Когда в меня пахнуло смрадом его легких, брызги его пота и слюны полетели мне в лицо.

И я начал дышать, как он. Двигаться, как он, смотреть, как он. Думать, как он.

Он ломал меня и крушил. А я поднимался и все ближе был к цели. И вот. Свершилось.

Я обхватил его голову руками, уткнулся своим лбом в его лоб, и наши глаза встретились.

И грянул Гром.

В глубине его черных зрачков я увидел Его. Того, кто управлял им. Ненавистника всех людей. Того, кто управлял всеми маньяками, убийцами, гитлерами, наполеонами, потрошителями... Яростные глаза преисподни.

Не дай зверю проснуться в твоей душе. Иначе он вселится в тебя.
И тогда я ухмыльнулся своими окровавленными губами.
— Изыди, Тварь. Да воскреснет Бог.
И настала тишина.
Только ветер шелестел над нашими головами.
— Обачи очима твоими смотриши, и воздаяния грешников узриши...

Он стоял напротив меня с окровавленными кулаками, и глаза его застыли в ужасе.

— Шайтан!
Закричал он. Он, кажется, понял, кто я такой.
— Шайтан! Шайтан! Шайтан!
Но теперь он был просто человеком.
— На аспиду и василиска наступиши, и попереши льва и змия...
И тогда я набросился на него.

Я сбил его с ног и поставил его на колени, лицом к ним. Я держал его за горло левой рукой, а правой, схватив за волосы, задрал ему голову. Он вращал своими бешеными глазами, налитыми кровью, дышал, как загнанный конь, весь в крови и пыли, пытаюсь сбросить мою руку своими руками. А я железной хваткой сдавливал ему кадык.

Они смотрели молча. И никто уже не кричал «Аллах акбар».

Стоило кому-нибудь из них только дернуться, и я вырву ему трахею. Даже если они откроют огонь из всех своих автоматов, я, мертвый и продырявленный пулями, на последних ударах сердца все равно убью его.

Но никто не поднял оружие.

Его тело затихло.

Я бросил на землю полузадохнувшегося Гаданфара и поднялся.

— Я Гром! Запомните, мусульмане! Я воин Христов.

Они расступились, и я прошел сквозь них не оборачиваясь. Я не стал смотреть, когда они поволокли Гаданфара к столбу и привязали веревками. Я знал, что это единственный выход для него. Позор страшнее смерти. Это была их любовь.

Последнее, что я видел, как слезы текли по его лицу. И как он смотрел на меня.

Железная птица высоко в небе кружила над деревней, невидимая глазу.

Я поднял руку и показал большой палец.

Через некоторое время прибыли автобусы. Боевики сели в них и уехали по дороге, поднимая шлейф желтой пыли. Пятеро боевиков из их отряда остались. Они вступили в сирийскую армию. А Гаданфар остался на столбе, глядя пустыми глазами на деревенскую площадь. Над ним кружили вороны.

Врачи меня часто собирали по кускам. Как мозаику. Как легио. Как конструктор. Ну, правда, кое-что добавляли. Недостающие детали. Так что я частично железный дровосек. Многие кости из титана, кардиостимулятор, часть черепа из какой-то пластмассы и так далее. Но что самое интересное, я все-таки живой.

Ну, ничего. Не впервой. Надо подлечиться.

Я сидел в кресле-качалке на веранде в доме матери в нашей деревне и смотрел, как моя двенадцатилетняя дочь режет лук.

Странно. У нас в роду рождались одни мальчики.

У отца и деда, и прадеда. Все становились воинами.

А у меня родилась дочка. Неужели род воинов прекратился? Мы назвали ее Гроза. Моя мать настояла. У нас была традиция в роду. Мальчиков называли именами дедов и отцов. Теперь она Гром Гроза Громовна. Жена звала ее Грымза. Ну или Грозулька. Это зависело от настроения.

Морщась от острого запаха, она резала луковые клубни, всхлипывая. И вытирала тыльной стороной ладони слезы.

— Доченька?

— Да, пап.

— А кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

Дочь закончила резать лук, вытерла нож и стала задумчиво поигрывать им, глядя сквозь меня, куда-то вдаль.

— Не знаю, пап, может, швеей-мотористкой. Или каким-нибудь менеджером по продаже парфюма.

— Ну да, понятно.

Очевидно, у меня был кислый вид. Она рассмеялась.

Столовый нож полетел в деревянную колонну веранды и воткнулся в бревно.

Дочь повернулась ко мне и хитро посмотрела в мои ошарашенные глаза.

— Пап, я подала документы в кадетский корпус военной разведки. Разве мама тебе об этом не успела сказать?

Я поглядел на звенящий нож и вдруг понял, что моя дочь — это моя дочь. И все теперь только начинается.

Игорь Владимирович Лукьянов (1947–2020). Родился в Пхеньяне (КНДР). Окончил Борисоглебский государственный педагогический институт. Служил в армии. Работал на стройке, помощником мастера на трикотажной фабрике, журналистом борисоглебской районной газеты. Автор 13 поэтических сборников, многочисленных публикаций в журналах «Подъём», «Аврора», «Наш современник». Член Союза журналистов и Союза писателей России.

Игорь Лукьянов

ЛЮБОВЬ, ДОРОГА И ПОЛЫНЬ

* * *

Забутые старые раны
И свежие поздние раны
Мне стали дороже удачи,
Они мне победы милей.
Лишь с ними
Я что-нибудь значу —
Сурово молчу или плачу
Среди золотого тумана
Рассветных осенних полей.
Лишь с ними
Средь тихого луга,
Когда предночная округа
Домишками дальними блещет,
За лес провожая закат,
Могу я задумчиво слушать,
Как грустно считает кукушка
Далекие лучшие годы,
Что вновь повторятся навряд.

* * *

Ту люблю пустоту
И в себе, и во вне,
Где она, словно луч
На вечерней волне
Вечной далью блестит,
Вечной далью поет.
Ни о чем не грустит,
Никуда не зовет...

* * *

Светлане

Окраина — и луг за огородом.
На нем тропинка — прямо до реки.
Под солнечным иль звездным небосводом —
Составов задушевные гудки.
Я в них не раз летел
 к огням далеким,
В душе тревогу
 до предела сжав.
Но вот пришли,
 пришли иные сроки,
Где всех дорог дороже
 воздух трав.
Над ними птиц
 несущиеся тени.
И ветра ниоткуда — благодать.
Пред ними встать готов я на колени
И ничего о будущем не знать...

* * *

Банален мир от кочки до небес.
Банален и застоем, и прогрессом...
Как волка не корми — он смотрит в лес,
Как жизнь не возноси — мы смотрим в детство.
Спасибо ей за все, что приобрел:
За ту в листе садовую дорожку,
За тесный с керосинкой коридор,
Где бабушка мне жарила картошку...

* * *

Послевоенные года...
Еще отчетлив гул последних
Боев для сверстников отца —
Фронтовиков двадцатилетних.
Они сойдутся за дымком
«Казбека» или «Беломора».
И снова — небо,
Снова — гром
В атаку прущего мотора.
Ложится память на крыло,
Летит до дымного Берлина.
В Европе пятый год светло.
Спасенный мир
 глазами сына

Глядит.

Сиренью льнет в окне.
Но долго ль это будет длиться...
И репродуктор на стене
Гремит о перелетных птицах...

ВЕЧЕРНЕЕ

О чем я думаю бессвязно,
Когда в темнеющем окне
Стволы оледенелых вязов —
Как бы от жизни в стороне.
В какие верю я посулы,
Когда, как счастья берега, —
Чуть розоватые сосульки,
Чуть розоватые снега...

ЛЕДОХОД

Геннадию Залетову

Рвались к речке ручьи напролом.
Никогда не забыть эти воды,
Где дрожали во дни ледохода
Окна в стареньком доме моем.
Вижу, домик по детству плывет,
Парусами белеют березы.
Навернулись у бабушки слезы
Оттого, что гремит ледоход.

* * *

Глупцов и дур обрыдливые слова,
В них честь и совесть —
Брюху на потребу.
Держись, душа —
За нами не Москва.
За нами — русский дух
Земли и неба.
Держись, душа,
Когда мещанства спесь
Со всех сторон
Берет в кольцо, ликуя.
Держись, душа.
Еще Россия есть,
Какую я люблю,
Какой дышу я.

РУССКАЯ САГА

Себя в себе не одолеть.
Их споры сотрясали крышу.
Она кричала — ненавижу,
Но за него пошла б на смерть.
И это, зная всей душой,
Он всей душой ценить старался.
Он за нее на все б пошел,
Хоть никогда в любви не клялся.
Ее не стало. Став другим,
Без той любви, без той опеки,
Он на кладбищенской скамейке
Сидит подолгу недвижим.

* * *

Когда мне плохо, я читаю Гоголя.
В нем, как нигде, России колорит.
В нем, как нигде, божественно-убогая —
Божественно-великая летит.

С кувшинным рылом, со свиньей в луже,
С украденной шинелью в жизнь ценой...
Деревнею сереющей простуженно
С ее тоскою, вздохом и слезой.

* * *

Жизнь порою — такая отравы.
Но постой,
 вот маэстро придет.
Все, что было
 мертво и коряво,
У него зазвучит, запоем.
Это все ты увидишь,
 услышишь
В тихом снеге
И в буйстве ветвей.
Ты поверь
 в эти глупые вирши,
Как последней надежде своей.

* * *

Не хотел я
Обидеть тебя,
Но обидел
Невзначай,
как спугнул стрекозу.

Не хотел я
 обидеть тебя,
 но увидел
 эту тихую-тихую
 каплю-слезу.
Мне не жалко рыдающих,
 шлющих проклятья,
Я не верю истерикам
 в их слепой некрасе,
Но так больно...
И нету меня виноватей,
 отраженному
 в горькой
 безмолвной слезе...

* * *

Поймалась птица,
 и крылом
О злую проволоку била.
Кричала жалобно,
 молила,
Невиноватая ни в чем.
Ловили мы
 щеглов, чижей,
А тут она —
 не в том размере...
И трепыхались средь ветвей
Ее малиновые перья.
На этот крик
 рванули вскачь,
Беднягу
 тут же отпустили.
Но этот
 птичий женский плач
Из детства —
 до сих пор он в силе...

ОЗЕРО

Дочери Ирине

Озеро, окруженное
Елью, березой, сосной,
Холодно, отстраненно
Блещет осенней волной.
Дремлют забитые дачи.
В лес — предвечерний, чужой —
В лай отдаленный собачий
Вслушиваюсь душой.

Малость побуду. Уеду.
И не вернусь никогда.
В сердце заплещется следом
Озеро — небо, вода...

СТАРИК

Вздохнет старик
у грозного
у моря.
Вздохнет по-русски
Не от зла и горя.
А от того,
что в непогодь такую
старуху жаль
и рыбку золотую.

* * *

Ударили скрипки.
И все, что дремало,
Молчало покорно у сердца внутри,
Задетое звуком,
Взнеслось, встрепетало,
Как летнее поле на пламя зари.
Из лет улетевших, из дней незабвенных
Смычки выносили дыханье лица.
С ним — счастье,
что жизнь озаряло
в мгновеньях,
И горе, с которым идти до конца.

* * *

*У забытых могил
пробивалась трава.*

Александр Блок

Небесные Господни своды
Влекут, лучась, иль мрак клубят.
Никто не делает погоды.
Погода делает себя.
Из волн, из облаков, из ветра,
Из океанов и пустынь,
Где высшая дана нам мера —
Любовь, дорога и полынь...

Дмитрий Георгиевич Протасов родился в 1962 году в городе Борисоглебске. Окончил филологический факультет Борисоглебского педагогического института, факультет географии, геоэкологии и туризма, факультет журналистики Воронежского государственного университета. Работал журналистом, руководителем пресс-службы администрации Борисоглебского района, главным редактором Борисоглебской районной газеты, маркетологом. В настоящее время — зам. директора охранного предприятия. Публиковался в региональной печати. Автор восьми книг прозы. Живет в Борисоглебске.

Дмитрий Протасов

ОСАДА ЛАВРЫ

Рассказ о былом

Ранняя погожая осень. Солнце яркое, и небушко чистое, словно умытое! Лес стоит весь в золоте и багрянце. Прекрасны дары обманщицы-осени, но до тех пор, как она все не отберет обратно.

Неописуема красота сего божьего храма. Временами замирая от восхищения, любясь могучими лесными великанами, монастырский служка Митяй бродил по лесу — собирал грибы. Их в этих краях всегда было много, но нынче высыпало этой лесной благодати видимо-невидимо. Ползая по небольшой опушке среди деревьев и наполняя здоровенный кузов, Митя неожиданно услышал приглушенный говор и топот множества конских копыт. Поднял голову и обомлел. Прямо перед ним двигалось множество вооруженных людей в иноземном платье. Мальчишка не разбирался в одеяниях польских солдат, немецких наемников, литовских воинов, но сразу смекнул — это идут враги. Его самого спасло лишь то, что он ползал по опушке на карачках. Потому его и не было видно за невысоким подлеском, отделявшим грибную палестинку от звериной тропы, по которой двигались чужие воины.

Пятясь задом, все так же на четвереньках, кусая себе губы, чтобы не заорать от страха, паренек задвинулся в самую чащобу. Там вскочил и опрометью бросился

к лавре. Он летел, словно ветер, забыв среди грибного царства свою переполненную корзину. Через час, запыхавшийся, влетел в монастырские ворота, закричал, предупреждая о нашествии, и упал, задыхаясь.

Было то на следующий день после начала нового 7116 года от сотворения Мира в Звездном Храме по Круголету Числобога. (До принятия Петром I европейского календаря в 1700 году на Руси существовал другой способ летоисчисления.) Это поляки и литовцы, да свои тушинские предатели шли воевать Троице-Сергиеву лавру. Судьба множество раз испытывала Русь на прочность. Но вот на рубеже шестнадцатого и семнадцатого веков она ниспослала ей особое, ранее невиданное, суровое и великое испытание — Смутное время.

Сергий Радонежский основал Троицкий монастырь в 70 верстах к северо-востоку от Москвы в 1345 году. Уже в XVI веке он стал важнейшим духовным и культурным центром Московского княжества, правители которого при деятельной поддержке митрополитов всея Руси кристаллизовали в единое централизованное государство разоренные, ослабевшие, погрязшие в распрях старые русские княжества. Троице-Сергиев монастырь стал ключевым звеном в системе обороны средневековой Москвы, являясь ее главным форпостом на северо-восточных подступах.

К периоду Смутного времени монастырь уже был влиятельным религиозным центром, обладателем богатейшей сокровищницы и первоклассной военной крепостью. В 1540–1550 годах он был огражден несокрушимыми каменными стенами длиной более километра с 12 башнями. Могучие стены высотой от 8 до 15 метров имели толщину до 6 метров. На стенах и башнях было 110 пушек, имелись многочисленные метательные устройства, котлы для кипятка и огненной смолы и приспособления для их опрокидывания на неприятеля.

Укрепившийся в Подмосковье в городе Тушине (откуда и пошла известная на Руси поговорка про Тушинского вора) очередной самозванец и претендент на Московский престол Лжедмитрий II (настоящее его имя история для нас не сохранила) и поддерживавшие его польские силы предприняли попытку организовать блокаду русской столицы. Если бы им удалось занять Троице-Сергиеву лавру, то это обеспечило бы полную блокаду Москвы с востока и контроль над всеми северо-восточными районами Руси. А уж захват сокровищ монастыря еще и позволил бы значительно укрепить финансовое положение смутьянов. Кроме того, привлечение на свою сторону влиятельной монастырской братии сулило окончательное крушение авторитета русского царя Василия Шуйского и последующее венчание на царство Лжедмитрия. Для этого осенью 1608 года к монастырю и отправилось объединенное польско-литовское войско гетмана Яна-Петра Сапеги, усиленное отрядами русских союзников: предателей-тушинцев, переметнувшихся к полякам, и изменников-казаков под командованием полковника Александра Лисовского.

— Да сколько же их?.. — изумленно пробурчал невысокий, но очень широкоплечий ратник, продолжая смотреть сквозь бойницу вдаль.

Монастырский отрок Митя, тайком забравшийся на крепостную стену, тоже смотрел туда, где из рыжего леса полк за полком выходила иноземная пехота, сотня за сотней выкатывались тяжелые польские гусары с крыльями за плечами. Везли и пушки — правда, немного. Иностранное войско и наемники составляли 6–7 тысяч человек. Тушинцев

было почти столько же. Всего 12–15 тысяч. По тем временам это огромная армия.

Монастырь не был беззащитен пред лицом неожиданного врага. Предусмотрительный Василий Шуйский успел заранее отправить в Троице-Сергиеву Лавру отряды детей боярских, верных правительству казаков и стрельцов под командой воеводы князя Григория Долгорукого-Рощи и московского дворянина Алексея Голохвастова. Они быстро оборудовали крепостные сооружения, оснастили их всем необходимым и вместе с «усердными иноками» во главе с архимандритом монастыря Иоасафом успели приготовить лавру к долгому сопротивлению. Всего оборонявшихся насчитывалось к началу осады не более 2000 человек ратных людей и еще около 1000 крестьян соседних сел, укрывшихся в монастырских стенах, паломников и работников монастыря, принявших активнейшее участие в его защите.

Руководители польско-литовского войска не ожидали встретить упорной обороны простого, хотя и известного, монастыря, оказавшегося пред лицом огромной армии захватчиков. Поэтому отказ русского гарнизона сдать Троице-Сергиеву лавру их просто изумил, а еще поставил в затруднительное положение. Пришлось спешно сооружать собственный укрепленный лагерь и готовиться к трудностям штурма, ожидая приближающуюся зиму. Одновременно Ян Сапега пытался все же вступить в переговоры с осажденными. Он даже направил в монастырь письмо, в котором обещал всяческие благодеяния за сдачу и жестокие кары и неминуемую гибель при сопротивлении. «Если мирно сдадитесь, то будете наместниками Троицкого града и владетелями многих сел богатых, в случае бесполезного упорства, падут головы ваши...» — писал он.

Воевода Григорий Долгорукий-Роща, нагнувшись, вошел в темную келью архимандрита Иоасафа. Тьму рассеивали несколько плашек с горящим жиром. Да на большом дубовом столе горела уже оплывшая свеча.

— Звал, владыка?

— Да, Григорий Борисович, — низко прогудел старец, — прочти.

Воевода быстро пробежал письмо Сапеги.

— Обещает всех вырезать, если не сдадимся. Даже баб с ребятишками.

— Что делать будем? — спросил воевода. — Надо бы от людей скрыть письмо это окаянное, а то ведь страх в душе поселится.

— А вот давай у народа и спросим, — тихо сказал архимандрит.

— Да ты что, владыка, — опешил Долгорукий. — Такое говорить нельзя...

— Плохо же ты, воевода, наш народ знаешь! — выпрямил согбенную спину патриарх и вдруг оказался весьма немалого роста. Из-под кустистых бровей его полыхнул такой лютой огонь праведного гнева, что Долгорукий отшатнулся. В голосе монаха неожиданно зазвенела булатная сталь.

— Идем, — бросил архимандрит своим стальным голосом, и воевода даже не посмел его ослушаться.

На соборной площади под звук набата быстро собрались люди: стрельцы, казаки, ратники, монахи, окрестные крестьяне с женами и детьми, паломники, застигнутые войной в монастыре. Когда отец Иоасаф громко прочитал всем письмо поляков, сначала установилась тишина.

— Что делать будем, братие мои? — сурово вопрошал патриарх. — Покоримся врагам, сдадим крепость и тем жизни свои суетные сохраним? Или же вам — православным, аки и мне, — мерзко будет покорить-

ся сим католикам поганым и жить потом под их пятою, в чужеземной вере?

Некоторое время молчали люди.

— Да не бывало такого на Руси Святой никогда, — вскричал вдруг один из монахов.

— И не будет!

— Не бывать этому!

— Не сдадим лавру! Биться будем до смерти! Не убоимся ляха! Умрем, а не сдадимся! — полыхнуло множеством голосов по всему монастырю.

— Не страшимся! — кричали простые русские мужики, которые совсем недавно сами сожгли свои собственные посады у монастырских стен со всем скарбом, чтобы они не достались врагу.

И за стенами лавры, в польском лагере, были слышны эти крики. И там их сразу поняли.

Поздняя осень. Показала теперь старая колдунья все свое уродливое естество. Листва в лесу уже облетела, и деревья стоят угрюмые и нагие, в одном сером рубище своем, устремив в немой мольбе скрюченные руки-ветви в стылое свинцовое небо. Меж ними запуталась рыхлая необъятная туша седого тумана. Ползет он день за днем по телу земли, укрывая гибель и смерть человеческие, слизывая их кровь. По несколько дней кряду идут печальные слезливые дожди, превращая рыжую глинистую землю в непролазную топь. Блестящие от влаги мощные стены и высокие башни монастыря непоколебимо устремлены ввысь. У их подножия копошатся многочисленные люди в вымокшей чужеземной одежде. Это поляки ведут правильную осаду лавры.

Архимандрит Троице-Сергиевой лавры Иоасаф в ответном послании Сапеге подтвердил, что воины и монахи будут защищать обитель, православие и землю нашу — Святую Русь, не щадя живота своего. Текст послания Иоасафа полякам на стрелах забросили далеко за стены монастыря. Там их подобрала верные люди — русские лазутчики — и доставили в другие места. Копии этого послания в виде грамот широко распространились по всей Руси. Их читали на городских площадях при огромном скоплении народа. Люди слушали глашатаев и плакали, потом несли последние сбережения в общую воинскую казну. Письмо архимандрита лавры стало блестящим ходом. Оно сыграло колоссальную роль в росте национального самосознания всего русского народа. И потому оборона монастыря с самого ее начала приобрела в глазах самих осажденных и всего русского общества общенациональный и глубоко патриотичный характер, умноженный на значение вооруженной защиты одной из главнейших православных святынь.

Уже с третьего октября иноземцы начали обстрел монастыря. Много недель гремела канонада. В крепость непрерывно летели каленые ядра, вызывая пожары. В обители народ ходил крестным ходом: оставалось только молиться. В день архистратига Михаила во время вечерни ядро ударило прямо в железные двери Троицкого собора, пробило их и оставило след на доске образа святого чудотворца Николая. Народ пришел в ужас, слезы орошали церковный помост, пение замедлялось от плача. Но во время той же вечерни изнемогшему от уныния архимандриту явился сам архангел Михаил. С лицом сияющим и гордым, со скипетром в руках и грозя врагам он говорил: «Вскоре Всесильный Бог воздаст вам отмщение»!

Круглое сквозное отверстие во воротах лавры показывают и ныне.

Поляки стреляли по монастырю из 63 пушек непрерывно, но вскоре обнаружили, что стены цитадели им таким способом не разрушить. Могучие бастионы лавры, выстроенные умелыми русскими мастерами, чаще всего просто отражали ядра: они отскакивали, как мячики. Сапегу и Лисовского это взбесило, но не обескуражило. Они начали разрабатывать план хитрого подкопа и в строгой тайне приступили к работе.

13 октября в стане поляков была большая безобразная пьянка, которую они называли пиром. Много было выпито всякого заморского вина. Одновременно тушинцы готовили длинные штурмовые лестницы, передвижные щиты на колесах, фашины — плотно увязанные охапки хвороста — для прикрытия от пуль и заваливания рвов. Сразу с заходом солнца хмельные чужестранцы под громкую боевую музыку бросились на штурм. Вскоре они ненароком подожгли одно из передовых русских деревянных укреплений. И тут пламя пожара осветило порядки наступающих войск — и враг стал виден как на ладони.

И тогда русские встретили плотные штурмовые колонны интервентов дружными залпами пушек и пищалей. Прицельным огнем многочисленной русской артиллерии идущие на приступ были остановлены, а затем и обращены в бегство. Поляки побросали лестницы и фашины и отступили с большими потерями. Но утром ляхи, как ни в чем не бывало, послали парламентариев, чтобы вновь предложить якобы выгодные условия сдачи. Конечно, им отказали. И вновь чужеземцы пошли на штурм, и опять неудачно. Русские воеводы недоумевали — что за странная осада? И Долгорукий и Голохвастов почуяли неладное и стали засылать в стан врага лазутчиков. Вскоре в Мишутинском овраге русские разведчики добыли языка — литовского ротмистра Брушевского. Допрашивали его с пристрастием, так что под пыткой тот все же поведал-таки главную тайну Сапег: поляки ведут подкоп под стену.

Подкоп, завершившись под стеной, будет начинен порохом, и тогда все — оборона завершится! Защитники крепости немедленно предприняли контрмеры. Русский умелец, зело искусный в горном деле, монастырский слуга Корсаков сделал под башнями «слухи» — ямы, в которых постоянно сидели люди и слушали шумы и стуки под землей. А затем осажденные под его же руководством соорудили секретный ход из-под стены в ров. В одну из холодных, угрюмых ноябрьских ночей русские, выйдя через ров из крепости, сами напали на врага. Они овладели старой мельницей недалеко от лавры и нашли-таки рядом с ней подкоп. Двое смельчаков — Шилов и Слоба (летописи, к сожалению, сохранили для нас только его прозвище) — забралась внутрь и заложили в него порох. Но тут поляки очухались и контратаковали.

Разгорелся жестокий бой. Подходили все новые и новые польские и литовские отряды. Надо было срочно уходить в крепость, но подкоп оказался уж очень длинным. Русские были вынуждены отступить, а Шилов и Слоба, понимая, что они не успевают вернуться, подожгли порох. Раздался взрыв, подкоп весь рухнул, и навсегда в нем остались погребенными двое простых русских людей, добровольно отдавших свои жизни за Веру, Отчизну и свою Святыню. А бой продолжался. Воодушевленные взрывом защитники лавры дрались яростно. «Не страшимся! Отмстим за все!» — выкрикивали они в ходе злой сечи.

В том бою русские вывели из строя почти полторы тысячи человек из войска Лисовского, но и сами потеряли 174 бойца, а 66 были ранены. А

еще наши отбили у врага 8 пушек, много пищалей, самопалов и даже несколько бочек пороха, которого уже не хватало в крепости. Подожгли, отходя обратно в монастырь, осадные туры и разрушили батареи.

Эта удачная вылазка гарнизона, дорого стоившая полякам, вынудила Сапегу и Лисовского изменить тактику. Они перестали штурмовать монастырь, чтобы уменьшить потери, и перешли к плотной осаде. Теперь они решили задуть проклятых русских голодной блокадой.

А руководители окруженной лавры продолжали придерживаться тактики активной обороны. В декабре 1608-го — январе 1609 года дерзкими вылазками русским удалось отбить у осаждавших даже часть скота и запасы сена. Были также разрушены ряд застав, подожжены некоторые укрепления противника. Однако при этом русские воины и сами понесли значительные потери, составившие только в декабре 325 человек убитыми и пленными. И все же, несмотря на все страшные тяготы блокады, Троице-Сергиев монастырь продолжал стойко обороняться. Как вспоминал потом один из поляков, лавра была вооружена «людьми, железом и мужеством».

В январе 1609 года одна из вылазок осажденных едва не закончилась трагедией. Противник атаковал их из засады и отрезал от монастыря, а конница осаждающих ворвалась прямо в открытые ворота и даже в саму лавру. Положение вновь спасла многочисленная русская артиллерия, точным огнем сбившая пыл противника. Благодаря этой поддержке участвовавшие в ночной схватке стрельцы смогли вернуться в монастырь, потеряв, правда, свыше сорока своих товарищей только убитыми. А ворвавшиеся в лавру конники противника были перебиты крестьянами и паломниками. Они забросали их камнями и бревнами в узких улочках между постройками, бились насмерть дубинами и косами, стаскивали врагов с коней крючьями и истребили их всех до единого.

Монастырский отрок Митя, вытянувшийся за зиму во вьюношу, тоже ходил смотреть на лежавших бесконечными рядами убитых поляков. Цветные иноземные кафтаны мертвецов были густо вымазаны кровью. Парнишку поразило, что у многих были разбиты, а то и вовсе деформированы головы падением тяжелых бревен. Потом всех погибших передали представителям Сапег.

Обстрелы и приступы сменяли друг друга. Таяло число защитников лавры. Заканчивалось продовольствие, ощущалась нехватка воды. Люди страдали от ран и от холода, ибо дровяные запасы также подходили к концу. Но по-прежнему наготове были котлы с кипящей смолой, пушки сурово смотрели в сторону захватчиков, и крепко держали оружие крестьяне, стрельцы и сами монахи. Люди погибали в бою на крепостных стенах, умирали от ран и болезней. Но и силы поляков с их союзниками были на исходе. Польский гонор постепенно сменялся озабоченностью, непониманием, страхом и, наконец, отчаянием. А эти немногочисленные, но очень упрямые проклятые русские все не сдавались и не сдавались...

Зима. Конец всем обманам природы. Теперь в лесу умерло все — словно навечно! Все дороги замело снегами, реки сковали морозы. Русская зима, как всегда, встретила иноземных захватчиков лютыми холодами. В небо тянутся столбы дыма от бивачных костров и облачка пара от дыхания людей и животных. Ляхи мерзнут, но стараются не падать духом от бесконечной осады. Вот уже больше четырех месяцев они топчутся у стен лавры. Греются винами и горилкой. Провизии им хватает — огра-

били все окрестные села, сожрали почти всю скотину. Пол-леса извели на дрова. Им ведь здесь ничего не жалко!

У защитников монастыря положение совсем другое. Еда практически закончилась, не хватает даже чистой воды. Русский предатель сообщил Сапеге о том, что, спустив один из монастырских прудов, он может оставить всех в крепости без питьевой воды. И это было сделано. Но защитники вырыли пруд внутри стен и собирали грязную воду оттуда.

В лавре не хватало дров — поляки зорко следили за крепостью и убивали дровосеков. Воеводы уменьшили ежедневный паек. Скученность людей грозила эпидемией. И вот нагрянула цинга. Люди пухли и гнили заживо, умирали, а живые задыхались от смрада. Сначала в день умирало человек по десять. Потом — по двадцать. А потом каждый день стало умирать человек до пятидесяти.

Пощады болезнь не давала никому, словно была в союзе с поляками — таяли ряды защитников лавры. А русская зима — она очень долгая! Живые копали во дворе большие, с запасом, могилы и с утра до вечера хоронили мертвых. Архимандрит Иоасаф писал кесарю Авраамиию Палицину отчаянные письма в Москву. У гарнизона заканчивался и порох. Василий Шуйский, слушая мольбы о помощи, ничего не мог сделать. Лжедмитрий сидел по-прежнему в Тушине и готовился штурмовать саму столицу.

И все же Русь не забывала своих сыновей-ратников. Русский царь выслал в помощь осажденным небольшой отряд с вооружением. К сожалению, полякам удалось захватить гонцов, которых старшина обоза отправил в крепость для координации плана действий. Под пытками гонцы раскрыли известные им сведения. В результате в ночь на 16 февраля 1609 года обоз попал в засаду, подготовленную поляками. Охранявшие обоз казаки вступили в неравный бой. Смертный бой! Кого им было просить о помощи? Только других русских! Шум и грохот ожесточенной битвы был таков, что его услышали на стенах монастыря. Кто-то из дозорных даже расслышал крики: «Братья, спасайте!»

Заслышав шум боя, воевода Долгорукий немедленно принял решение, несмотря на риск провокации, предпринять вылазку. В результате ночной жестокой баталии засада ляхов была рассеяна, а ценный обоз прорвался в монастырь. Атаман Останков пробился сквозь кольцо блокады, привез несколько бочек с порохом — всего лишь сто двадцать пудов удалось сохранить в сражении. Помощь была малая — около восьмидесяти новых бойцов привел в лавру атаман. Но люди взбодрились, они поняли, что о них помнят, стараются поддержать. Надежда озарила суровые лики воинов.

А раздосадованный неудачей полковник Лисовский приказал наутро вывести под стены монастыря и зверски казнить захваченных русских гонцов и взятых в ночном бою четырех пленных. На виду у всех защитников лавры их зарубили и посекали на части.

Воевода Долгорукий смотрел на все это молча, недвижимо, медленно закипая лютой ненавистью. Смуглая рука сжалась в тяжелый кулак. Вздучились вены, едва не порвав кожаный темляк. Когда с последним русичем было покончено, князь Григорий медленно развернулся к своим людям. На его лицо было страшно смотреть.

— Привести сюда всех пленных: и ляхов, и тушинцев, — сурово приказал воевода. Слова словно выплескивались из уст его вместе с ненавистью.

И свершилось. Зло породило зло. На стены вывели всех имевшихся в

монастыре пленных — 61 человек. Многие были здесь уже несколько месяцев. Относились к ним нормально. Кормили скудно, но так же, как и своих. Теперь их жизнь пресеклась. В ответ на злодеяние поляков Долгорукий-Роща приказал зарубить их всех: и поляков, и казаков-изменников, иностранных наемников.

На армию захватчиков это возымело действие. В ней вспыхнул мятеж против самого Лисовского, которого тушинцы и иностранные наемники обвинили в том, что он спровоцировал русских на ответную жестокость, и потребовали казнить его. Бунт тушинских отрядов Сапеге удалось подавить, но с этого времени раздоры в лагере врага стали усиливаться.

Вот и закончилась страшная цинготная зима. Немногие из защитников лавры смогли ее пережить. Стало тепло, болезни отступили. Теперь с нерушимых стен им было видно, как вновь оделся лес в зеленые наряды. Прошла весна, за ней наступило жаркое лето, а осада все продолжалась.

К маю, когда цинга отступила окончательно, в лавре в живых оставалось всего 500 человек. И с ними-то и играл в «огненную потеху» Ян Сапега. Каждый месяц — новый штурм! 28 мая упорный бой длился всю ночь. Много часов бились и стрельцы, и иноки, и крестьяне. Руки уже не в силах были держать бердыши и алебарды, а над стеной возникали все новые и новые усатые опухшие рожи. Монахи лили на них кипящую смолу, и дико оружие, объятые пламенем почерневшие тела скользили вдоль равнодушных стен вниз. Крестьяне бросали сверху камни, отталкивали лестницы. Утром поляки все равно отступили, усеяв телами убитых все подступы к крепости.

А еще через месяц к пестрой армии осаждавших вновь пришла подмога — из-под Тушина прибыл с войском пан Зборовский. Посмеялся он над Лисовским и Сапегою, провозившихся у стен монастыря почти целый год, и написал в письме к остаткам гарнизона: «Москва-то уже Дмитрию (Лжедмитрию) покорила». — «Красно лжете, но никто не имеет вам веры...» — кратко, но твердо отвечали ему русские воеводы, у которых оставалась буквально горстка бойцов — всего лишь 400 человек.

В крепости по-прежнему не хватало пороха и продовольствия. Знаящий о трудностях осажденных Сапега предпринял очередную подготовку к новому штурму, а для гарантии успеха направил в монастырь перебежчика, своего личного лазутчика — поляка Мартьяша. Ловкий и вероломный перевертыш имел задание: любым способом войти в доверие к русскому воеводе, а в решающий момент вывести из строя хотя бы часть русской крепостной артиллерии. Мартьяш участвовал с русскими в вылазках в поле, недрогнувшей рукой палил из пушек по своим, учил стрелять русских пушкарей. Коварный поляк тем самым действительно втерся в доверие к воеводе Долгорукому. Одно время предатель даже спал с ним в одной келье.

Но накануне штурма, назначенного на 8 июля, в монастырь перебежал православный ливтин, сообщивший о злокозненном лазутчике. Слово рука Господня привела его в монастырь за два дня до возможной беды. Мартьяш был схвачен и под пыткой сообщил все известное ему о предстоящем штурме. Хотя к тому времени силы гарнизона лавры уменьшились более чем втрое с начала осады, правильная расстановка в местах ударов противника и на этот раз позволила отстоять монастырь. Штурмующие были отбиты в ночном бою, а при последующей вылазке в плен было захвачено более тридцати иноземцев. Но и число воинов среди осажден-

ных стремительно уменьшалось. В строю их оставалось чуть более двухсот человек.

Поэтому Сапега сразу же стал готовить новый штурм. За счет присоединения действовавших в окрестностях отрядов тушинцев он довел численность своего войска почти до 20 000 человек. На этот раз атака должна была осуществиться сразу со всех четырех сторон, чтобы добиться полного раздробления сил ничтожного гарнизона. Сигналом для атаки должен был стать пушечный выстрел каленым ядром, от которого начнется пожар в крепости. Если пожар не начнется — то второй выстрел. А если и тогда огонь не возникнет — то третий выстрел и будет сигналом. Штурм был назначен на 7 августа 1609 года. Видевший приготовления к нему воевода Долгорукий-Роща вооружил всех живых: стрельцов, крестьян, монахов, но надежды на успех практически не было...

Осажденных могло спасти только чудо. О нем, о заступничестве Божьем, дено и ночью молились в монастыре. И чудо свершилось!

Сложная и запутанная система сигнала к штурму сыграла свою роль — одни отряды врага бросились на приступ сразу после первого выстрела, другие — после последующих. И длань Господня вмешалась в битву, смешав врагов и столкнув их друг с другом. В глубокой тьме порядки штурмующих перемешались. В одном месте немецкие наемники услышали за спиной русские крики тушинцев и, решив, что это вышедшие на вылазку осажденные, вступили с ними в бой. В другом месте при вспышках выстрелов польская колонна увидела заходящий ей во фланг отряд казаков и сама открыла по ним огонь. Артиллерия осажденных начала вести огонь по всему огромному полю сражения, усиливая суматоху и возникшую панику. Сражение между осаждающими перешло в кровавую резню друг против друга. Численность погибших исчислялась сотнями!

— Сам Господь смешал их, — перешептывались люди на стенах.

С этого, без преувеличения сказать, критического момента шаткое единство в огромном и разноязыком воинстве осаждающих окончательно разладилось. Часть отрядов тушинцев просто покинула лагерь Сапеги и ушла в другие районы — грабить всегда проще, чем ожесточенно сражаться. Чуть позже ушли иностранные наемники. В оставшихся отрядах польской вольницы усилилось дезертирство. А немногочисленные защитники лавры, наоборот, были абсолютно уверены, что чудесное спасение святыни было результатом Божественного заступничества и Господь их теперь уже ни за что не оставит своим покровительством.

31 августа, когда русские отразили еще один штурм, пан Зборовский и вовсе перестал смеяться. Штурмы прекратились. В сентябре осажденные ухитрились отбить у поляков целое стадо скота! Жить в лавре стало веселей. А 19 октября в монастырь прорвалось подкрепление — около тысячи воинов с воеводами Давыдом Жеребцовым и Григорием Валуевым, которых прислал русский полководец Скопин-Шуйский. Теперь гарнизон смог вновь вернуться к активной обороне. Во время очередной ночной вылазки стрельцы, которые поляков ненавидели за их повсеместные грабежи, сожгли половину осадных сооружений противника. По-прежнему существовавшее численное превосходство врага не позволило русским ворваться в сам лагерь иноземцев, но уже становилось понятно, кто выйдет победителем в этом единоборстве. Теперь полякам стало совсем плохо. В январе Сапега и Лисовский вместе с Зборовским стали снимать осаду. Вторую зиму их износившиеся и наполовину перебитые войска уже не выдержали бы.

Высокий худощавый юноша, чистый лицом, в чужом истрепанном стрелецком кафтане, смотрел своими ясными глазами на лагерь поляков и недоумевал: похоже, они собирались уходить. Не верилось — вдруг это новая уловка коварного врага. Мало кто узнал бы сейчас в молодом воине монастырского отрока, повзрослевшего за эти полтора года. Впрочем, русские мальчики удивительно быстро взрослеют...

— Слава тебе, Господи! Дождались! — раздалось сзади.

На стену поднимался вызванный караулом воевода.

— Дожили-таки мы, Митя, до этого, — тихо произнес князь Григорий, опершись рукой в латной рукавице на каменный парапет. — Пусть же ляхи поганые знают, что никогда русские не покорялись врагам!

Четыреста лет назад русским народом была одержана великая победа. После шестнадцати месяцев беспримерной осады неприятель бежал от стен Троице-Сергиевой лавры! Все попытки польско-литовских захватчиков и помогавших им русских «воров» овладеть цитаделью русского православия провалились. Благополучное окончание осады оказало небывалое влияние на настроение населения всей огромной страны. Столь решительный отпор ненавистным оккупантам поднял дух и всех русских войск.

Всего под предводительством князя Григория Долгорукого-Роши и Алексея Голохвастого около тысячи восьмисот русских воинов, в числе которых было немало монахов, а также около тысячи русских мужиков из окрестных деревень бились против почти 20-тысячного вражеского войска: частных армий польских и литовских магнатов, разноплеменных наемников, русских «воров» — приспешников тушинского самозванца, татар из причерноморских и крымских орд, воровских казаков с низовьев Днепра. Бились полтора года и выстояли!

Цена победы была очень высока: погибли девять из каждого десятка защитников православной твердыни — монахов, мирных людей, сбежавшихся в монастырь от европейских «освободителей». Воинов, находившихся в лавре с самого начала, уцелело лишь чуть более сотни! Монахов осталось в живых шестеро!

А духовные наследники защитников лавры, дети земли русской — наши воины Света — и в последующих временах так же твердо стояли до последнего, смерть презрев, ради Отчизны святой и любезной. Стояли они насмерть под Полтавой и на Бородинском поле, на бастионах Севастополя в 1855-м и в 1942-м. Умирили, но не сдавались они в Брестской крепости, в Ленинграде и Сталинграде. Погибли, но не уступили русские десантники на базе афганских моджахедов Бодайбера в 1985-м. Боролись и погибли воины 131-й мотострелковой бригады в Грозном в новогоднюю ночь в 1994-м... Как сражаются наши парни сегодня в Донбассе...

Так было всегда. И не бывать по-другому на земле Русской!

Николай Бурцев родился в 1980 году в городе Калининграде. С 1982 года проживает в Борисоглебске. Окончил Борисоглебский государственный педагогический институт. Трудился на самых разных работах, с 2005 года — в СМИ г. Борисоглебска: газета «Сударыня», телекомпания «Светоч», телекомпания «ТНТ-Борисоглебск», РИА «Глас-Медиа», «Блокнот-Борисоглебск».

Николай Бурцев

ОЦИФРОВАННОЕ ВРЕМЯ

* * *

Мы детство провели без соцсетей.
Без гаджетов, без «лайков» и «репостов».
И не было счастливее детей,
Хоть и росли на стыке 90-х.

Мы собирали с вишен вязкий клей,
Срывали зелень яблок прямо с ветки,
И в небо улетал бумажный змей,
А мяч футбольный — по окну соседки.

Был каждый Робин Гуд и д'Артаньян,
Мы в турпоходах пели под гитару,
Лечились подорожником от ран
И бронзовыми были от загара.

По вечерам нас было не загнать,
Одеты были все не по погоде,
И было страшным: «Ужинать и спать!»,
Когда вокруг так много происходит.

Как мотыльки слетались мы к реке,
Когда гремят вдали раскаты грома,
Когда во двор в красивом ободке
Пришла Наташка из 7-го дома.

Я эти строки дочери пишу
И сыну, всем детишкам по соседству.
Как будто бы прощения прошу
За их, сплошь оцифрованное, детство.

БЕЗЫМЯННЫЕ

За чередой парадов и потех,
Салютов, громких песен и застолий
Порой, увы, не вспоминаем тех,
Кто там, в окопах, корчился от боли.

Кто там остался навсегда лежать,
Землей покрывшись и травой духмяной,
Кого потом оплакивала мать,
Кого потом назвали «безымянный».

Им орденов и премий не дадут,
Гвоздик на плиты скорбно не уронят.
Они поныне где-то в рощах ждут
Когда отыщут их и похоронят.

И, откопав останки, словно клад,
Найдут родню: где жил, где призывался...
И *Имя* обретет тогда солдат,
Что в «безымянных» годы оставался.

За чередой парадов и потех,
Застолий, песен пьяных под баяны,
Мы забываем: это праздник тех,
Кто ради нас остался «безымянным»!

* * *

Восьмидесятые. Седьмое ноября.
Бумажную гвоздику держат пальцы.
Я — маленький, я утром встал не зря:
Я с дедушкой иду на демонстрацию.

Колонны флагов, женщин и мужчин,
Я — на плечах у деда, в самой гуще.
И мы идем — без масок и вакцин
В неведомое, «светлое грядущее».

ПОСТНОВОГОДНЕЕ

Растаял новогодний звон,
Салюты в небе отстреляли,
И будней повседневных сон
Оцепит город фонарями.

И будем мы опять копить
Свои мечты, желанья, страхи,

Пытаясь как-то «новым» жить,
Одевшись в старые рубахи.

И только счетчик-календарь
Роняет с темпом пулемета:
Январь, февраль... Опять — январь.
Опять среда, четверг, суббота.

И вновь — как в детстве, в темноте
Ищу, растерянный и жалкий,
Я тех людей, что уж не те,
И елку, что давно на свалке.

Валерий Николаевич Баранов (псевдоним Сербин) родился в 1949 году в селе Сербино-Веденяино Балашовского района Саратовской области. Служил в Советской армии на космодроме Плесецк. Окончил Борисоглебский педагогический институт. Многие годы работал во ФСИН УВД Воронежской области, а затем более 20 лет — в АО «Борхиммаш» на различных инженерных должностях отдела маркетинга. Публиковался в журнале «Воспитание и правопорядок» и региональных изданиях.

Валерий Сербин

СЕРАЯ

Рассказ

Я окончил четыре класса начальной сельской школы. Лето. Тепло. Солнечно. Свобода и никаких обязанностей. Бегал по тракторному отряду, благо там работал мой отец, ходил на тырло смотреть обеденную дойку, где доярки предлагали попить сладенького парного молока. С ребятами купались в прогретой солнечными лучами прудовой воде, играя в догонялки...

Однажды мой сосед дядя Витя предложил прокатиться верхом на лошади, закрепленной за ним по его работе, — занимался он доставкой почты. Подробно объяснил: к лошадям нельзя подходить сзади, близко ставить ногу к копыту, размахивать руками. При верховой езде без седла одной рукой нужно крепко держаться за гриву, другой — за повод узды. Показал, как обращаться с треногой — веревкой для связывания передних ног животного. И, самое главное, как снимать и надевать узду, управлять с ее помощью лошадью. Выслушав бывалого лошадирика, я согласился.

И вот я на коне. Натянув повод, произнес: «Но!» Чувствуя неопытного, неуверенного наездника, лошадь, переступив с ноги на ногу, задергав мышцами спины, медленно зашагала по двору. Я наслаждался катанием. «Как, нравится?» — спросил дядя Витя. Кивнув головой, я гордо отве-

тил: «Да!» — «Ну, слазай. Продолжим обучение, — улыбнулся дядя Витя. — Чтобы хорошо держаться на лошади, нужны навыки. Слушай для начала, как надо взбираться в силу твоего возраста и роста на любого коня: левой рукой берешься за гриву, правой за холку, затем быстро вскакиваешь левой ногой на коленную чашечку передней ноги лошади и, помогая левой и правой руками, выпрыгиваешь вверх. При этом закидываешь правую ногу на ее круп».

Я приступил к тренировкам. Сразу не получилось, пробовал еще и еще до тех пор, пока не усвоил необходимую науку.

Потом были выездки под неусыпным оком дяди Вити, где и проявился у меня настоящий интерес в верховой езде.

Дядя Витя был среднего роста. Жил с женой. Детей им Бог не дал. Имел он инвалидность с рождения: одна нога была короче другой. Передвигался, работал только с помощью тросточки, которую сам смастерил. С торсом, в отличие от тощих, немощных ног, ему повезло: развитые мышцы груди и спины рельефно выпирали. Широкие плечи. Ладони рук большие, с загрубелыми мозолями. По дороге дядя Витя шел широко раскачиваясь, как маятник, тяжело припадая на трость. В компании, где накрывали на стол с бутылкой «белоголовки» по поводу и без, откупоривать доверяли только ему. Делал он это артистично-мастерски — одной рукой брал за горлышко, а другой с размаха бил ладонью в донышко. Пробка с шумом, крутясь, отскакивала, увлекая за собой брызги спиртного. Многие не раз пытались повторить его трюк, но безуспешно...

В один из вечеров дядя Витя попросил меня пригнать из табуна его кобылу. Выслушав напутствия, схватив узду, сахар для лакомства, с радостью помчался.

Соседская лошадь была очень красива: голова с горбинкой, на которой четко просматривались прожилки, маленькие торчащие ушки, тонкие, короткие ноги, широкая, мускулистая грудь. Она имела интересный окрас: ноги от копыт до колен, хвост, грива — вороного цвета, а все остальное — серого. От того и незамысловатая кличка у нее — Серая.

В табуне Серая покорно подпустила меня. Я снял с передних ног трену, обвязал вокруг ее шеи, надел узду и протянул на ладошке белый кубик. Ноздри лошади, выдохнув струю теплого воздуха, задергались, толстые, мягкие губы зашевелились при приближении к сахару и... одним мускульным движением отправили его в рот. Челюсти сжались, раздался хруст, как будто раздавили стеклянный пузырек колесом автомашины. Поняв, что угощение принято, взнуздal кобылу, оседлал ее, медленно поехал.

Страха, что лошадь может меня укусить, понести, не было. Чувствовал что-то новое, приятное и даже полезное в моей жизни.

Поднявшись из балки, направились на дорогу с небольшим спуском к жилым домам. Лошадь затрусилa, жестко подбрасывая меня, и тут же взяла в галоп. Я обеими руками схватился за гриву, интуитивно стараясь удерживать равновесие. На взгорке она перешла на шаг. Моей радости не было предела. Это была моя первая самостоятельная езда верхом на коне. Душа ликовала. С улыбкой от счастья подъехал к дому хозяина кобылы. Дядя Витя подошел с неразлучным бадиком в руке, взволнованным голосом спросил: «Гнал Серую?» Я ответил: «Нет, она сама побежала...»

Каждый раз я прибежал к соседу, когда лошадь стояла в конюшне. Дядя Витя всегда встречал меня радушно. Общались мы с ним и разгова-

ривали на разные темы. Но меня в первую очередь тянуло к коню. Сосед это заметил и доверил больше: чистить железной щеткой плотную короткую шерсть лошади, расчесывать большим деревянным гребнем гриву. Сыпать овес. Убирать помет. Он даже разрешил брать лошадь, когда она в табуна, и кататься на ней, но недолго.

Я любил купать Серую в пруде и, держась за гриву, плыть вместе с ней, чуя, как она перебирает в воде ногами.

После водных процедур выезжал на ковыльный степной простор и неся галопом. Иногда, давая отдохнуть лошади, спрыгивал с нее и ложился спиной на траву, устремив взор к небу. А вокруг звенели жаворонки, пересвистывались перепела, копчик, как заводная детская игрушка, трепеща крыльями, зависал над нами. Орел степенно парил в выси: не то, высматривал зорким глазом себе пицу, не то наслаждался восходящим потоком воздуха. Серебристые облака, словно айсберги, медленно проплывали, унося куда свое сказочное величие...

Однажды во время очередной скачки, когда мы прилично удалились от табуна, Серая стала тянуть назад в балку, на пастбище. Я пытался ее удержать, но, чуя слабость поводка в моих руках, она не подчинялась и все больше набирала ход. Промчавшись равнину, устремилась вихрем к склону, где еще прибавила резвости и вдруг... шумно упала, ударившись, всей своей массой о землю. Я, словно камень, выпущенный из большой рогатки, крутясь, полетел вперед с одной мыслью: «Только бы не убежала далеко лошадь!» Очухавшись, стал ловить Серую, но она не подпускала меня, а храпела и носилась среди обеспокоенных коней, мотая головой, то и дело наступая передней ногой на висящий повод узды.

Измученный, с болью в теле и в груди, не зная, что делать, сел я на холмик. Поглядывая на табун, заметил, что моя взбешенная лошадь успокоилась, заципала траву. Уверенно подошел к ней, снял узду, спутал передние ноги и пошел прочь.

Но тут вдруг что-то заставило меня оглянуться.

Вижу, что Серая не пасется, а виновато смотрит в мою сторону. Мне стало жалко ее. Я вернулся, погладил лошадь своей тоненькой рукой по лбу, шее. Она принялась меня обнюхивать, пытаюсь перекинуть большую голову за мое плечо и как бы обнять. Я посмотрел ей в глаза. Они были у нее полны какой-то прощальной грусти.

Прибежав домой, стал играть с младшим братом. Летний теплый день сменился тихим вечером. Соседи, прогуливаясь возле своих домов, ждали пастуха с коровами и овцами. Напротив некоторых домов горели костры — это на казанках готовился нехитрый ужин. Запахи дыма от горящих дров, кизяков и жареной картошки наполняли все окрест.

Вдалеке на тропинке показался отец. Он шел с работы быстрой, недоброй походкой. В душе у меня возникла какая-то непонятная тревога. Я, как мышонок, юркнул в сени, но отец, забежав, схватил меня за одежду, сорвал, висевший на стене кнут для выгона скота, зажал в угол и стал хлестать меня, приговаривая: «Я тебе сейчас дам лошадь! Я тебе дам лошадь!» Откуда-то заскочила мать, набросилась на отца, заголосила: «Деспот, ты что делаешь?! Зачем бьешь ребенка?!» Отец, задыхаясь, выпалил: «Его час назад чуть лошадь не раздавила! Разогнал он ее под гору, а она споткнулась, и он вместе с ней катился, кувыркаясь через голову! Еще раз увижу у лошадей — засеку!»

Мать, не отпуская меня, ласково прислонилась ладонью к моей щеке, слезно прошептала: «Ну, как же ты так, сы-но-чек?!»

Всю смертельную опасность моего полета с лошади видел дед по прозвищу Коршун, сидевший на завалинке дома. Он и рассказал все отцу.

В это лето к началу учебного года наша семья переехала в село со средней школой. Больше я не подходил к лошадям и никогда на них не катался...

Повзрослев, когда, случается, вижу репродукцию картины Петра Водкина «Купание красного коня», я как бы радостно окунаюсь в свое далекое детство. С благодарностью вспоминаю Серую и наше с ней опасное падение. Но вот плакал ли я от боли, когда отец отучал меня от любви к лошадям, не помню...

Павел Юрьевич Петров родился в 1956 году в городе Борисоглебске Воронежской области. Окончил Борисоглебское медицинское училище, по профессии военный фельдшер. Срочную службу служил на Краснознаменном Северном флоте. Издавна занимается литературным творчеством, увлекается бардовским искусством. С женой создали бардовский дуэт «Созвучие», который неоднократно признавался лауреатом региональных и федеральных конкурсов и фестивалей.

Павел Петров

ИМИДЖ

Рассказы

Петр Иванович, как обычно, проводил свой вечерний досуг в гараже с приятелями. Приняли на грудь водочки, шлифанули пивком, и пошел у них разговор о бабах. Спиртное развязало язык, и все, перебивая друг друга рассказывали о своих подвигах на любовном поприще. Только он один молчал, да и что говорить...

С женой Петр Иванович прожил долгую жизнь, вначале любили, а потом быт как-то все притупил. Налезо он не ходил, не в его характере это было, да и стеснялся он женского пола. А вернее сказать, просто боялся, что его лахудра узнает и выгонит к чертовой матери из дома, а куда идти...

Вот так и жил: работа, гараж и потрепанный старый диван, с женой они уже давно спали раздельно.

Нет, слабаком он не был, просто храпел иногда, с приятелями водочкой баловался, да и юношеского энтузиазма давно к жене не было и, судя по всему, и у нее тоже. Так и жили по инерции и все. За внешностью своей уже не следил, зарос пегой щетиной и ходил в чем придется. Бывало, слышал от жены: «Ты бы хоть на себя в зеркало посмотрел... бомжара!» В общем, хвалиться было нечем.

Вот так и сидел Петр Иванович, сутулясь, отхлебывал из кружки теплого, противного пива и молчал.

— Что приуныл, Петро? — как бы издалека донесся до него голос соседа по гаражу Кольки Слепкина. — Иль рассказать нечего товарищам? Твоя-то еще баба ничего! Был у нее в магазине, свежо смотрится! Да и глазки умеет строить.

— Да ладно тебе, Коль! — ответил Петр Иванович. — Это она на работе такая, а дома — мегера болотная, доброго слова не услышишь. Все вокруг «мачо», а я для нее «чмо». То не так, это не так, не там стоишь, не так сидишь...

— Это ты сам, Петро, виноват, — многозначительно сказал Николай. — Вот послушай одну историю. Жил был мужик, тоже типа «чмо», да надоело ему все это и решил он имидж поменять. Умылся, побрился, постригся и приоделся. Как-то вечером приходит домой, потихонечку открыл дверь, заходит, значит, а жена на кухне жарчку готовит. Подкрался так, обнял нежно и давай целовать ее. А жена его аж трясется вся, глаза закрыла да ласкается, жметесь... Тут мужик ей и говорит: «Ну, как тебе, дорогая, мой новый имидж?» Она глазки-то открыла — да и говорит: «А, это ты, козел...» Вот так, Петро, оно в жизни бывает. Не сердчай, ты-то у нас мужик еще о-го-го! Тебе бы тоже имидж сменить, и бабы сами на шею бы вешались. Ха-ха-ха... — рассмеялся он.

На следующий день был выходной, и Петр Иванович решил последовать Колькиному совету. Нет, его не задел этот анекдот из уст пьяного соседа, просто самому это все опротивело, захотелось чего-то нового, необычного.

Он встал рано, жена еще спала. Принял душ и тщательно побрился. Собрал все заначки в своей комнате, припасенные на запчасти для старого «москвича», и пошел по магазинам. Прежде всего, он решил купить новые брюки, выбор пал на джинсы.

— Ой, как вам идут! — запела продавщица, когда он вышел из примерочной. Потом он купил водолазку, модные летние туфли и дорогую туалетную воду. Последним приобретением стал роскошный букет алых роз.

Процесс перевоплощения «чмо» в «мачо» происходил в гараже. «Да, и правда, я еще ничего...» — подумал Петр Иванович, рассматривая себя в зеркало заднего вида.

Тихого проникновения в дом не получилось. Жена поставила замок на защелку, и ключ не провернулся. Немного потоптавшись на месте, Петр Иванович нажал кнопку звонка.

— Вам кого надо, молодой человек? — раздался за дверью голос жены, видимо, она рассматривала его в дверной глазок.

— Вас, Людмила Федоровна... — сдавленным от волнения голосом, как на первом свидании, пролепетал Петр Иванович.

Дверь открылась. Глаза жены расширились до предела, а из рук на пол выпала ложка.

— Петя, что с-с... тобой? — заикаясь, спросила жена. В голове у Петра Ивановича все поплыло...

— Да люблю я тебя, Люся! — сказал он хриплым голосом, как когда-то двадцать с лишним лет назад. Букет роз попал между ними и больно кололся, но они уже не обращали на это внимания...

Проснувшись утром и глядя на сладко посапывающую рядом жену, Петр Иванович подумал: «А все-таки имидж — великая вещь!»

ВОЛЧОНОК

Хуже нет для рыбака полного отсутствия клева, да к тому же заря прошла, солнце палит нещадно. Лягушки давно прекратили свои утренние концерты и попрятались от наступающего зноя в прибрежной куге. Даже назойливые комары — и те поспешили смыться в тень лесной прохлады и не докучали больше своим писком. Сидим с Егорычем на берегу и без всякого энтузиазма взираем на давно застывшие концы удилиц наших донок. «Да... — многозначно произнес Егорыч. — Не повезло нам сегодня, Пашка, буря че ль на солнце разыгралася, а мож, давление упало, а мож, поднялось, ты там барометр не смотрел? Че ей надо-то, рыбе этой? И горох свежий напарил, гля, какой душистый, а не хочет жрать, зараза!»

На противоположной стороне реки показались мальчишки на велосипедах с удочками, все проспали горе-рыбаки.

«Дядя, тут рыба есть?» — спросил один из них, долговязый подросток в резиновых сапогах, наверно, самый старший из всей ватаги. «Мальчик, тут рыбы нет», — ответил я цитатой из киношного «Ералаша», чем вызвал дружный гогот соседских рыбаков. Но это ребят не смутило, и они деловито начали разматывать снасти.

«Ну, че, Пашка, делать-то будем, пойдем-ка чаи погоняем», — задал вопрос и сам же на него ответил Егорыч.

«Пошли в мою палатку», — предложил я.

Егорыч больше привык к свежему воздуху, как он пояснял, и палатками принципиально не пользовался. Но быть на жаре его тоже не устраивало, а в лесу — комары, которые сидят под каждым кустом и только ждут, когда завтрак в лице нас с Егорычем сам к ним пожалует. Приятель мой не возражал.

Разложили нехитрый наш скарб. За время дружбы мы уже как-то привыкли питаться вместе, налили из термоса крепкого чая и принялись трапезничать.

«Вот я все думаю, Паша, — начал он. — А есть ли у зверья мозги?» — «Конечно, есть, — улыбаясь, ответил я. — Они ж не безголовые, а значит, какие-никакие, а мозги-то есть». — «Да я не о том, я о разуме их, вот че меня беспокоит». — «Что это ты вдруг о разуме их забеспокоился?» — заинтересовался я. «Да тут, понимаешь, на неделе племяш Сашка гостил, интересный случай рассказал. Года три это назад было, аккурат в июне, только земляника на пригорках раскраснелась. Пошел, значит, Сашка с друзьями по ягоду ту. Смотрит, а в кустах вот кто-то поскуливает, так жалобно-жалобно, заглянул, а там волчонок, да такой махонький, только глазенки прорезались, худющий ужас, видать, то ли маманю его кто пристрелил, то ли потерялся. Сашка и забрал его домой, жалко стало ему животину мелкую. Принес домой, значит, тут его все давай ругать, дескать, зачем зверя дикого домой приволок, волк чай, хоть пока и маленький, так он же вырастит, что ждать от него-то? Недаром народ говорит, как волка не корми, все в лес смотрит. Но уперся Сашка — и ни в какую: мой, говорит, волк, и все тут. Ну, подумали, все же решили, коль такое дело, что пацан к нему так прикипел, оставить, пока подрастет, а там видно будет. А он, волчак-то, еще и есть-то не умеет — Сашка его из соски поил. Назвал он его Волчок, вот так назвал, значит. Месяц прошел, два, окреп звереныш и подрос, Сашка с ним по селу гуляет, на веревочке за собой таскает, а собаки-то сельские аж разрываются все, вот как у них.

Волк-то махонький еще да с человеком, а чувят уже. Тут соседский волкодав сорвался, через плетень — и к волчонку. Сашка возьми да упади на него, значит, закрыл его своим телом. Тот кабель бегал кругами, лаял да клыки скалил так, аж слюна летела, но человека не тронул. Хозяин его домой загнал. А Сашка сел, значит, после этого всего на землю, ноги трусятся, не идут, а волчонок прижался к нему, головку под мышку засунул и лизнул Сашку в нос! Это же не собака, волк! А вот такие нежности, гляди, благодарил Сашку за спасение. После того случая они уже на край села и в лес гулять ходили. К зиме вырос Волчок, не совсем, конечно, но уже большой стал, а как курицу задрал, решили все ж его на родину отправить. Пошел Сашка с ним в лес, отвязал, толкает его, значит, иди, а он — ну никак. Тогда он его легонько по заду шлепнул. Только не хочет тот уходить — и все. Сел Сашка и заплакал, а волчок ему подмышку нырь, лизнул опять в нос — а потом улегся, не оглядываясь.

Зима в тот год суровая была, снежная, и волков в лесах полно развелось, в селе безобразничать стали. Бывает, к ночи Сашка выйдет на порог, а за околицей вой волчий. «Мой Волчок по мне скучает...» — проговорит с печалью.

К весне вовсе достали волки, и решили мужики известить их совсем, охотников пригласили. Река уже вскрылась, но снега в лесах еще полно было. Прижали они стаю к реке флажками и перестреляли почти всех, аж семь туш положили. Только двое, говорят, под флажки сунуться осмелились и через реку вплавь ушли, не достали их.

Мужики убиенных волков в село привезли, то ли похвалиться, то ли просто показать народу трофеи. Прибежал Сашка, смотрит, а они все одинаковые, мертвые-то. Походил и говорит, мол, нет тут моего Волчка. С чего ты решил, Сашка, народ спрашивает. Знаю, уверенно говорит он, мой ушел через реку.

Весна прошла, лето уж к концу. Как-то пошел Сашка на рыбалку. Сидит, вот как мы, тоже не клюет. Заскучал да вдруг чует, кто-то ему в спину тычется. Оглянулся — и обмер. Стоит рядом матерый волчище и на него, не мигая, смотрит, а недалеко, на пригорке, еще один сидит и тоже смотрит. Тут, это, волк просунул свою головушку Сашке подмышку и лизнул в нос. У Сашки само собой слезы катятся, кинулся он обнимать его: «Волчок, мой Волчок!» — приговаривает. Потом достал котлету, что мать положила, и отдал волку. Он так нежно у него ее взял и отнес на пригорок — значит, волчица там его ждала. Потом вернулся опять к Сашке, постоял немного, и ушли они с волчицей в лес. Больше не слышно в тех краях волчьего воя, навсегда ушли, видать. Вот, а ты говоришь, Пашка, мозги. Видать, не только мозги у них есть, я так думаю».

Заслушавшись Егорыча, я и не заметил, как давно закончилась наша еда, допил только остатки чая в кружке. «Ты, Пашка, пойдешь, проверь там наши удочки, а я тут немного поваляюсь».

Я вышел, через минуту палатка уже буквально тряслась от храпа Егорыча.

Павел Иванович Курятников родился в 1962 году в городе Бийске Алтайского края. После окончания Одесского высшего артиллерийского военного училища служил в Германии, в Воронежской области. Более 8 лет нес военную службу в ВВС МО РФ. В настоящее время военный пенсионер, работает на одном из предприятий Борисоглебска. Публиковался в газете «Красная Звезда», региональных изданиях и альманахах. Автор нескольких сборников стихотворений, прозы и сказок. Трижды участвовал в фестивале русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба».

Павел Курятников

НЕНУЖНАЯ ПАССАЖИРКА

Быль

Серега погромче врубил «Радио “Шансон”» и от нечего делать стал пялиться на фигуристых студентов, что в пятничный полдень сновали мимо его такси с автобусной остановки к железнодорожным кассам и обратно, желая уехать домой на выходные. «И этот день, как и вся прошедшая неделя, похоже, будет неудачной на клиентов!» — расстроено размышлял Серега. Теперь вся его недельная прибыль вместе с заначками от жены Лидки не окупят ремонта рулевой колонки и замены рулевых тяг! Ни лихих вахтовиков, ни богатых дачников, никакого другого щедрого пассажира Серега, как ни жаль, за неделю не встретил.

Прибыл очередной поезд... Несколько пассажиров сошли с перрона и сразу же нырнули в поджидавшие их машины. «Невезуха!» — вздохнул Серега и вдруг увидел, как по привокзальной площади, растерянно озираясь, семенит к стоянке такси худенькая старуха. Одетая она была в темно-синюю, в черный горошек, сатиновую кофту и в черную же, до пят, сатиновую юбку. На плечах у нее, как пионерский галстук из старых фильмов, была повязана белая хлопчатобумажная косынка. В руках старуха держала нехитрый свой скарб — довоенный фибровый

чемоданчик с окованными облезлым никелем углами да узел из старой, в коричневую крупную клетку, фабричной шали. Длинные седые волосы старухи были заколоты сзади отполированным щербатым костяным гребнем.

«Эта бабка точно из музея сбежала!» — подумал Серега, наблюдая, как та тяжело уселась на свой чемоданчик перед стоянкой такси. Других пассажиров явно не ожидалось, и Серега, лихо рванув с места, подкатил к старухе: «Куда тебе, бабуля?» — «Да мне в Северный микрорайон надо! — прошамкала та беззубым ртом и извиняющимся тоном добавила: — А автобусы тут не ходют?» — «Ходют, ходют! — успокоил ее Серега, запихивая бабкин скарб в багажник. — Только трамваев с троллейбусами нет!»

Выруливая по разбитым проулкам от привокзальной площади, он украдкой в зеркало рассмотрел свою пассажирку: бледное, с глубокими морщинами лицо, красные воспаленные веки и слезящиеся глаза. Голова бабки произвольно качалась временами из стороны в сторону, как будто она про себя спорила с кем-то и не соглашалась. Кончиками застиранной косынки пассажирка, непонятно зачем, постоянно вытирала уголки своих серых морщинистых губ. «Лет за восемьдесят, точно», — мысленно подытожил Серега. Вскоре подъехали.

— Какой дом? — уточнил он у старухи.

— Да то ли симнасатый, то ли восимнасатый, — неуверенно прошепелявила пассажирка.

«Надо же, — удивился Серега, — кому-то из моих соседей “счастье” привалило!» Высаживая пассажирку между указанными домами, Серега объявил ей: «Вот семнадцатый, а вот напротив как раз восемнадцатый! Я уеду, а ты тут сама разбирайся! Полтинник с тебя, бабуля!» Старуха откуда-то из глубины складок своей длиннополой юбки достала носовой платок, завязанный узелком, и трясущимися, с выступившими синими венами, руками стала развязывать. Серега нетерпеливо наблюдал. Когда узелок поддался, на мятой ткани он увидел все пассажиркины «капиталы»: сложенная в восемь зеленоватая бумажная десятка, пара металлических пятирублевков да несколько медяков.

Старуха сосредоточенно отсчитала пятьдесят копеек и подала их Сереге.

— Ты че, бабка, офонарела?! Пятьдесят рублей давай! — захлебнулся от такой наглости Серега.

— Так ить, я на автобусе хотела, — растерянно прошептала старуха.

— Знаешь, что? Садись! Где взял, туда и верну! — еле сдерживая себя, чтобы не заматериться, запихнул он старуху и ее вещи обратно в машину. — Сейчас и за пять рублей-то оттуда на автобусе не доедешь, а ты попробуй за пятьдесят копеек!

Выгрузив старуху вместе с ее скарбом на прежнее место, он поехал потаксовать в город, может, там повезет? Везло не очень... Пару клиентов знакомая диспетчер конкурентов по дружбе подкинула, да пару опаздывающих на поезд на соседнюю станцию доставил. Вернувшись домой уже в сумерках, злой и усталый Серега сел ужинать. Лида, накрывая на стол, пожаловалась мужу:

— Перед обедом брат звонил двоюродный, Борька, ты его знаешь, изпод Орла. Им там государство после летних пожарищ домик отстроило, так он вчера свою мать, бабу Наталью, к нам отправил, говорит, что ему свою жизнь устраивать надо. А на чем отправил? Во сколько? С кем от-

правил? Я так и не поняла! Пьянящий, бубнит что-то, ничего не разрешишь! Сколько ни звонила, не берет трубку.

— А сколько ей лет?

— Да, по-моему, восемьдесят три, что ли? — неуверенно ответила жена.

— Так, собирайся, поехали! — кинулся выгонять машину из гаража Серега.

Подъезжая к еле освещенной привокзальной площади, Серега увидел глубоко царапнувшую его душу картину: съездившись от холода, ровно на том самом месте, где он ее высадил несколько часов назад, сидела его дневная пассажирка...

Потом, дома, Серега, сидя за столом напротив бабы Натальи, молча наблюдал, как она окоченевшими от холода, трясущимися руками пытается взять кусок хлеба, набрать ложкой горячего супа. Лида все заботливо хлопотала возле нее: то тапочки под ноги подсунет, то шаль на плечи накинет...

Ничего о своем дневном с Серегой знакомстве баба Наталья Лиде не сказала. Только все бормотала, извиняясь, сквозь слезы: «Да я к вам ненадолго. Вы простите меня, денег совсем нет, Боря мою пензию получает. Я ее на него перевела. Вот он устроится там, и меня обязательно заберет. Я ненадолго...»

А Серега вспомнил свою давно умершую любимую бабушку Варю... Как она ласкала его большими теплыми руками, угощала мятными тульскими пряниками с вареньем и как он ревновал ее к своим двоюродным братьям, ревел и не хотел отпускать к ним. Вспомнилось, как однажды зимой, будучи еще совсем маленьким, он шел по свежевывавшему снегу за ней след в след...

Серега налил бабе Наталье полстопочки водки, себе стакан, затем, махнув его залпом, вытер наворачнувшиеся слезы и обнял свою старенькую гостью:

— Бабуль, ты прости меня! И не переживай, разберемся! Все будет рядышком...

Елена Анатольевна Николаенко родилась в городе Борисоглебске. Окончила Липецкий педагогический институт. Работает в управлении здравоохранения Липецкой области. Литературным творчеством увлекается со школьных лет. Публиковалась в региональных журналах, интернет-изданиях. Лауреат многих всероссийских и региональных конкурсов, в том числе «Наследие», «Муза Новороссии» и др.

Елена Николаенко

СЕГОДНЯ СНИЛСЯ ШУМ ДОЖДЯ

ХОРОШО БЫ...

Сегодня снился шум дождя.
И весть тот сон душе приносит —
Что август, тихо уходя,
Зовет себе на смену осень.
Пока ж над суетной рекой
Дремотой, ленно и глубоко,
Полуденный, палящий зной
Навис без времени и срока.
Нигде не скрыться от жары —
Из утра в ночь бегу по кругу.
Нет вездесущей мошкары.
Сушь захватила всю округу.
Недолго зорь холодных ждать,
Красы малиновых закатов,
Былое вспомнив, помечтать:
— А хорошо бы, как когда-то...
Вприкуску с хлебом пить вино,
Присев на узкое крылечко.
Лукавить, будто все равно,
Как жизнь земная скоротечна.
Чтоб грела бабушкина шаль,
Дрожало пламя свечки зыбко,
Веселяла тихую печаль
Сверчка расстроенная скрипка.
В ладони август звезды мне
Последним даром сыпал с неба...
При полной тайн седой луне
Шептал на ухо ветер небыль,
И в свежем воздухе витал

Созревших яблок дух здоровый.
Паденья стук их разбивал
Вечерней тишины оковы...
Сегодня снился шум дождя —
Лило, прощаясь, слезы лето.
Последний день до сентября.
А жар... едва спадет к рассвету.

БАБУШКЕ МИЛЕ

Павловской Людмиле Митрофановне

Забрезжило. Как капли серебра,
Роса лежит на задремавших травах.
Ночной грозы раскаты до утра
Терзали небо, ветер гнул дубраву.
Казалось — непогоду не унять,
Сдержать ее земной не хватит силы...
Но стихла, будто повернула вспять,
Едва зажегся солнца лучик Милый.

Так, после мглы, рассвет являет мысль
Вослед душевной буре и смятенью,
Что охладит чело, откроет смысл —
Даст разуму покой и сновиденье.
Потоки слез зальют степной огонь.
Опустишь лоб на влажную подушку,
И кажется — то бабушки ладонь...
Незримо мне погладила макушку.

ХОПЕР

По Хопру облака, как огромные белые лодки,
Уплывают тонуть за раскрашенный в синь горизонт.
Говорок ветерка, в зной июля особенно робкий,
Провожает их в путь, кроясь в тени дубовых ротонд.
А вода все светлей — солнце рыжие кудри качает,
Поцелуи кропит повстречавшихся с берегом волн.
В череде летних дней час полуденный ярко пылает.
И безмолвье хранит небосвода торжественный сонм.
Облака по реке уплывают, не зная причалов,
Среди древних лесов отыскать заповедный чертог.
Без забот, налегке... От ключа, что Хопру стал началом,
Белоснежен покров бесконечных небесных дорог...

В ТЕЛЕРМАНОВСКОЙ РОЩЕ

Февраль, постой, не уходи.
Лежать снегам еще немного,
Прошу, позволь. Не лей дожди,
Распутицей не рви дорогу.

Подарком мне — морозный день,
Снег уцелевший, бег на лыжах,
В ветвях дубовых птичья звень.
И лес, кругом от солнца рыжий.
Чтоб упиваться вышиной,
Где в васильковом небосводе
Сквозной узорчатой волной
Деревьев кроны мерно ходят.
Пусть щедро льется синева
Цветным на белизну покрыва,
Тень от кустов, что кружева,
Лежит под лапою еловой...
Есть в снеге радость бытия,
От слов в стихи короткий мост.
Спешит к снегам душа моя —
И снова жизнь как чистый холст.

ВСЕРОССИЙСКОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

Фестиваль русской словесности и культуры
«Во славу Бориса и Глеба» как первичная матрица
традиционной культуры Отечества

В августе 2023 года в Борисоглебске в 9-й раз пройдет уникальный Всероссийский фестиваль русской словесности и культуры «Во славу свв. Бориса и Глеба».

Во время этого форума Борисоглебск становится культурной столицей не только Черноземья. Он собирает участников из различных регионов нашей страны и ближнего зарубежья. Поэты, писатели, педагоги, ученые, активисты общественных объединений, деятели искусства, художники, духовенство становятся единым целым для достижения общей цели — поддержки и пропаганды русской культуры, всех видов творчества, отражающего патриотизм и любовь к Отечеству.

Идея проведения фестиваля принадлежит творческой группе членов Воронежского отделения Союза писателей России: известному в стране поэту Александру Нестругину, писателю и публицисту Святославу Иванову, поэту-земляку Федору Григорьеву и издателю Игорю Комову. В основе его лежит история духовного подвига первых русских святых Бориса и Глеба. Сыновья равноапостольного князя Владимира Борис и Глеб являются небесными покровителями города Борисоглебска. «Целомудренный Борис» и «незлобивый Глеб» летом 1015 года предпочли принять смерть от рук убийц, подсланных братом Святополком, нежели допустить насилие и тем самым положить начало междоусобной брани в Отечестве. Они «отогнали поношение от сынов русских, столь долго косневших в язычестве». По сути, они задали духовные и нравственные координаты такому явлению, как жертвенность и любовь к Родине. В лучших образцах русской литературы эти нравственные ориентиры бережно сохраняются по сей день.

Фестиваль обращен к патриотически ориентированной творческой интеллигенции, ценителям русской словесности и культуры, к аудитории, интересующейся русским языком и русской литературой, театром, живописью, православием. Основные мероприятия Фестиваля направлены на поддержку и пропаганду работ деятелей русской культуры, русских поэтов, прозаиков, литературных и театральных критиков и адресованы широкому кругу зрителей разных возрастных категорий. В шаговой доступности от центра города, на берегу реки Вороны, возводится интерактивная площадка из соломы «Князь-град». На ней на протяжении всех дней фестиваля для борисоглебцев и гостей города организовываются театраль-

зованные представления, выставки, творческие мастер-классы, ярмарки мастеров декоративно-прикладного творчества, концертные программы. Во время фестиваля в городе работает множество тематических площадок, посвященных поэзии, театру, художественному слову. Открываются художественные выставки, проходят форумы, встречи, конференции, освещающие серьезные вопросы истории, культуры и духовно-нравственного развития общества. Для участников фестиваля организовываются литературные практикумы, лекции, конкурс на соискание литературной премии. Ключевое событие фестиваля — заседание круглого стола по заранее определяемой для каждого нового фестиваля теме, в котором принимают участие гости фестиваля — члены Союза писателей России, других писательских организаций, литераторы, литературные критики, поэты, ученые, общественные

деятели, издатели, художники, представители духовенства из разных регионов нашей страны.

Благодаря всесторонней поддержке фестиваля департаментом культуры Воронежской области, администрацией Борисоглебского городского округа и, в первую очередь, главой администрации Андреем Владимировичем Пищугиным, Всероссийский фестиваль русской словесности и культуры «Во славу свв. Бориса и Глеба» оставляет яркий след в культурной жизни округа, области и всей России.

Предлагаем читателям произведения лауреатов и участников фестиваля.

Александр Цыганов,
*член Союза писателей России,
обладатель Гран-при фестиваля
«Во славу Бориса и Глеба»,
г. Вологда*

НОЧЬЮ МЕСЯЦ ПЁК

Рассказ

Памяти мамы

Летней полночью она вдруг пробудилась от непонятного и яркого, как днем, света, казалось, заполнившего всю избу от самого подполья и до верхушки крыши. С трудом поднялась с кровати и, держась за деревянную переборку, добралась до передней комнаты к окошку.

Даже сквозь тюлевую, пообтрепанную от времени занавеску ее едва не оттолкнуло этим световым пучком, точно захотевшим проникнуть в самую человеческую душу. Но несмотря на преклонный возраст, она по-прежнему была не из робкого десятка и, торопливо перекрестясь, вгляделась через шторку в это диковинное ослепляющее свечение.

Прямоком издалека, от самого Иткольского, над всем бескрайним лесом все равно что вживую пекло — настолько беспощадно светило там от зависшего в темени месяца, выглядевшего каким-то болезненно зрым и совсем желтым, насквозь прозрачным.

Причем вел себя месяц странно: постоянно двигаясь то влево, то вправо, он внезапно срывался вперед, играя светом, и вновь также стремительно возвращался на свое неприкаянное место.

«Месяц-то как разошелся, — опажнуло ее, когда она вернулась обратно на еще купленную покойным мужем кровать. — Вовсю пекет: может, холодно будет».

И сразу неведомым образом ее унесло туда, в пору самого настоящего лютого холода, когда еще с тремя малолетними сыновьями-погодками им зачастую доводилось даже полуодетыми спасаться зимними вечерами на морозных задворках собственного дома от вечно пребывающего во хмелю хозяина, способного запросто отправить любую человеческую душу на вечный покой. Может, потому самый младший как-то настолько крепко простудился, что вскоре незаметно и истаял, а остальные ребятки,

лишь встали на свои ноги, сразу покинули эти края; и больше о них не было ни слуху, ни духу, даже об отцовской кончине ничего не ведают.

И только мать в родимой до последнего травяного проулка Славянке продолжала неустанно охранять для них свой дом, теперь оставшийся единственно жилым в этой когда-то большой и веселой деревне.

Между тем, сейчас который день всю парило: воздух в избе был пугающе тяжел, не давая толком раздышаться, и в этом мареве все кругом чудилось сырым и неясным, зыбким. Но даже это не сравнилось бы с той тяжестью, что опять в который раз и обрушилась на нее, накрывая удушающим пологом прошедшего, но никогда не забываемого...

В ту пору она здесь же, в спальне, лишь на полу, на старых фуфайках, решительно закрыла своих спящих крошек от взмахнувшего над ними топором своего незабвенного хозяина; и с той минуты, внезапно став белее белого снега, ее цыганисто-вьющиеся волосы навсегда сделались длинными неряшливыми нитями, не сразу промываемые даже речной проточной водой.

«Окстись с Богом», — только и сказала она тогда, так посмотрев ему прямо в глаза, что он, хвативший смертельного лиха еще в армейском прошлом и уже накрепко, до беспамятства друживший с горькой, опустил губительное железо и, наверное, впервые для себя отшагнул назад.

Но с некоторого времени, давно уже не первый год, это самое железо, правда, изрядно поржавевшее, и пребывает неизменным спутником у ее одинокого изголовья: нынче, куда ни ткнишь, везде не до покоя — повсюду случаются лихие люди, такие настали времена.

И больше уже никогда не взиграет на всю округу знаменитая кирилловская трехрядка в зарастающих без разбора бурьяном и непобедимодикой крапивой в этих некогда светоносных краях. И незамедлительно, будто в подтверждение этого, из привычного вневременного состояния ее чутко вернул обратно сюда какой-то сторожкий и одновременно отчетливо-закононый звук, и это уже было не забытьем, а самой обычной явью. Сейчас там, на избных задворках, что-то безотрывно и осторожно копошилось: может, кто-то чужой в самом деле задумал сотворить что-нибудь неладное с ее жилищем?

А тогда с какой стати не один раз кряду еще недавно приносила сюда нелегкая чужих мужиков с какими-то бумагами, пока она, не осерчав, и собралась было начальству пожаловаться?.. И ныне, вновь поднявшись с кровати, она нашарила в изголовье ту самую поржавевшую, когда-то разрушительную железягу. После чего медленно, шаг за шагом, она двинулась по избе, к выходу на крылечко, не выпуская из рук расхлябанного, отполированного годами топорища.

А закононо-серебристое свечение уже успокоенно, с лунным равнодушием разлилось на всем окружающем, безрадостно показывая скудное комнатное убранство вовсе безликим и тусклым, безжизненным.

Даже случайный отсвет, знобковато скользнувший с улицы в прихожую, где она размнала литой ржавый крючок с запираемых на ночь дверей, только мимолетно, ровно нехотя коснулся седой негнущейся женщины в исподнем и с широко расставленными немигающими глазами.

Зато крупная, лопаткой, завертка в крытом тесном крыльце отмыкалась запросто и свободно, выказывая взору летнюю улицу — глухую и пыльную, давно безлюдную. Здесь, на воле, во всеохватной темени слег-

ка шелестели березовые листья в палисаднике, а еле угадываемая деревенская дорога была, как всегда, на все стороны тиха и пустынна.

Привычно, для отпугивания всякого лиха, она сначала обстучала обухом передний угол избы и шагнула было к отводу с покосившимся штакетником, туда, к задворкам дома, но невольно замерла на месте.

Перед глазами разом, едва не въяве, и встала эта самая улица, кажется, еще вчера со всей округи заполненная гостями, от души гулявшими от одного края и до другого, век не забудется. Веселее выборов, даже самих «майских» праздников, отмечалось лишь главное деревенское торжество — Девятая: девятая пятница после Пасхи.

И до самого утра, до первых заполошных петухов гуляющий люд старательно обмахивался пьянящими, сводившими с ума своим запахом густыми ветками сирени, тогда еще дружно разросшимися до самого князька их дома, по-хозяйски расположившегося посередке деревни.

В бледно-серой крепдешиновой юбке и ситцевой, во всю расшитой голубыми листочками кофте, и она неожиданно для самой себя в одночасье вылетела на перепляс с закадычными подружками, поначалу долго не решаясь.

Но только дошло до дела — и в новых, из парусины, синеньких туфлях, гордо вскинувшись и всплеснув руками, она лихо пошла дробить возле своего цветущего огорода по вытоптанной добела тропке.

В теперешнюю пору один лишь Святой Дух и остался тут, а по их дороге с двумя десятками нежилых домов заедет сюда в горку разве что продуктовая автолавка, да еще раз в неделю сельсоветская «помогалка» покажется: наскоро подсобить немощной женщине по ее немудреному хозяйству. И она, беззвучно шепча родные, спасительные для всякого крещеного слова, открыла заскрипевший отводок и в обход, шажками направилась на задворки, хотя с той стороны, похоже, подозрительное копошение к этому времени подзатихло, уже не слышалось.

И при дневном свете было бы нелегко двигаться этим огородом: недолго оступить, либо вовсе растянуться, моргнуть не успеешь. Захваченный в полон вездесущим сорняком и, в полный рост, розовыми кустами иван-чая, он был наподобие ловушки из-за прожорливо вылезших изпод земли многочисленных корней, что повсюду расползлись заматеревшими, длинными щупальцами.

Но она, держась самой стены, обшивки дома, опять же неторопливо обошла громоздкую в темени избу и оказалась у хлева на задворках, откуда тотчас обдало ее легкой свежестью, с пустых деревенских полей на несло.

А еще под горюшкой, в самой низине их огорода, одинешенько притулилась баня, кособокая и никому не нужная, отрезанная от большой дороги полусгнившим забором из ольхового и березового кольца.

Бог знает, когда и каким ветром были занесены сюда, на задворки дома, летучие семена вишни, рябины и черемухи с яблонями, но нынче они волшебным образом превратились в небольшой, сказочно живой сад, не только радуя глаз, но и надежно закрывая дом от любой непогоды.

А рядом, втесну к самой стене, присоединилась еще ладно выстроенная широкая лавка: еле успел хозяин до своего ухода управиться, даже кустик красной калины посадил, долго возился.

И потом до последнего дня его самого отчего-то неудержимо тянуло в это нелюдное покойное место, где из знаемой лишь им молчаливой жизни все одно что насквозь была хорошенько видна вся их округа. И

особенно — тот край Пятницкого кладбищенского заворота, где с незапамятных пор покоился по его образу и подобию самый младший, единственно любимый сын, что, не успев толком порадоваться на белом свете, в одноразку и свернулся на его руках, навсегда уже вынув отцовскую душу.

А обнесенная сверху и с боков тесаными досками эта лавка была еще уютно обита войлоком и заботливо обустроена для подзголовья диванной спинкой, лучшего места для отдыха и не найти.

«А как у нас дювья-то стало, — даже с какой-то забытой радостью подумалось ей тогда. — Ведь стойно в раю: только бы жить да жить».

И именно с этой вольной райской стороны она однажды в многолетней давности и увидела будущего суженого, разве такое забудется?.. После своей демобилизации он сразу и появился у них на гулянке, подпало как раз к девятой пятнице после Пасхи.

Из-за реки, со своих неблизких иткольских краев, как в той знаменитой песне, он тоже в защитной гимнастерке и «спустился с горочки»: невысокий и ловкий, в фартовых хромовых сапогах и лихо заломленной военной фуражке на черноволосой голове. А когда еще с шутками и прибаутками очутился с переплясом в их круге, так взглянув на нее, разом вспыхнувшую в своей ситцевой расшитой кофте, что подружки и сами быстренько уступили место этой не по-деревенски баской паре.

С того самого дня для нее больше не было никого дороже: этому лучшему на свете улыбчивому иткольскому парню она отдала на всю жизнь весь жар своего молодого и верного девичьего сердца.

В это время сюда к ней, на окрайку дома, заглянула с другого боку неугомонно-прозрачная луна и, наскоро облив все вокруг холодным светом, вдруг наткнулась на подготовленный костерок: в двух шагах от остановившейся хозяйки был, такой и немудрено с ходу прозевать в темени.

Оставалось только поднести огонь к умело собранному стожку из нажористого сушняка да прочего дворового мусора, и тогда уже в два счета было бы тут одно пустое место. Все говорило о том, что кому-то совсем уже невмоготу понадобилось нынче нарушить это жилище, сровнять его с землей.

Придя в себя от увиденного, она мертвой хваткой сжала надежное длинное топориче и, осмотревшись, изо всех сил прислушалась к любому маломальскому шороху. Но долгая, не нарушаемая даже птичьим посвистом тишина этой зыбкой летней ночи подтвердила, что если кто-то и был в их заулке, то успел быстро и незаметно раствориться в неизвестном направлении, вспугнутый бесстрашной хранительницей дома.

И тогда она, потихоньку отдышавшись, решила, что никуда больше отсюда не денется: несмотря ни на что, будет обязательно находиться в своем огороде хоть до утра, до самого рассвета, сколько понадобится.

И, продолжая все так же нашептывать спасительные, столь нужные каждому крещеному слова, она решительно села на хозяйскую лавку, держа крепко-накрепко, как солдат — оружие, свое поржавевшее железо на длинном и тяжелом топориче.

В последнее время и без того уже больно много развелось желающих за чужой счет поживиться — не свое к рукам прибрать; так, сама того не ведая, она, может, и насовсем сумела в этот день отвести неминуемую беду от их осиротевшей Славянки.

А на недостижимой высоте загадочно спящего в этот предрассветный час мироздания, не иначе, как ей в помощь, на смену уже бойко не пекшей луне, внезапно светло и ясно распахнулось бездонное небесное покрывало. И торжественно запереливалось на всю округу серебристо вспыхивающими праздничными иголками.

И где-то далеко внизу, в самой благодатной глубине этого неповторимо-светящегося мира, на одной маленькой и вгустую переполненной земле, отныне увиделся осиянный уголок и для одинокой женщины в белом одеянии, что с ангельской жертвенностью была готова беззаветно стеречь свой кров от каких бы то ни было несчастий столько дней и ночей, насколько жизненных сил ей было отмерено свыше.

*Стихи
участников
фестиваля «Во славу
Бориса и Глеба»*

ИДИ ТУДА, ГДЕ СОЛНЦЕ И ТРАВА

Василий Краснов

ТРОИЦА

Перекрестившись, кружку кваса
Он залпом выпил, а потом
Потрогал кисть, поправил рясу
И страх оставил за бортом.

Доска, пропитанная грунтом,
Девицей красною ждала.
Вся без зазоринки, без шпунта,
Тиха, как ангел, и светла.
И было первое касанье —
Мазок — божественнейший вдох.
Бессмертное произрастанье
Творения сквозь тьму эпох.

Монахи в келью заходили,
Шептались за спиной, дивясь
Тому, в какой тогда был силе
Андрей — иконописи князь.

А он, измученный постами,
Стеснялся лишней раз вздохнуть.
Между землей и небесами
Прокладывая людям путь.

* * *

При подведении итога
Пути земного своего
Душа предстанет перед Богом,
Не опасаясь ничего.

Земную сказку сделать былью
Она, конечно, не смогла.
Ее истрепанные крылья —
Как два изломанных весла.

По ветру или по течению
С другими не держала путь.
Хотя случались приключенья
Такие, что не продохнуть.

Себя, родную, не любила.
Всю без остатка отдала.
Но совесть — честности мерило —
На всякий случай сберегла.

*г. Жердевка
Тамбовской области*

Светлана Пешкова

МОНОЛОГ ТРАВЫ

*...Ты была
Смелей и легче птичьего крыла,
По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбегала и вела
Сквозь влажную сирень в свои владенья...*

А. Тарковский

Застенчива, светла, благословенна —
Являешься откуда-то извне.
Твои стопы соскучились по мне.
Я вижу, как взлетает шмель степенно,
Как змейка ускользает из-под ног,
А ты несешь ромашковый веночек
Торжественно, как царскую корону.
Я кланяюсь. Твою лодыжку тронув,
Стелюсь под ноги и опять встаю
Живой стеной, назло небытию.

Зови меня травой, но не отравой,
Ступай, беги, не бойся придавить —

Мой сок для ног твоих не ядовит,
Я мурава. Но если мыслить здраво —
Меня когда-то здесь посеял Бог,
Чтоб я была свидетелем эпох —
Зимы и лета, суток и мгновений,
Влюбленности, замужества, старенья,
Беспечной босоногой суеты,
Нечаянной разлуки и беды.

Я помню дом, печалью утомленный,
Вороний крик и бабий вой: война...
Четыре года ты была больна
Тревожным ожиданьем почтальона.
А я была ненужной. И со зла
Густела, созревала и росла,
Мужала. А когда меня косили,
То будто придавали новой силы.
Мы выжили. И давняя беда
Связала наши корни навсегда.

НАЧАЛО

Не стой в дверях, иди за стол, солдат.
Сейчас не нужно помнить старых дат,
Чтоб выпить. Жизнь берет свое начало —
Сегодня обнулят календари.
Рассвет в тревожном мареве горит,
Но небо тишину пообещало.

Давай же, пей, солдат. А после пой
Про шелковый платочек голубой,
Засевший крепко в памяти усталой.
Про синие карельские леса,
Про маму — с белой прядью у лица,
Про девушку — с далекого Урала.

Ликует май — твой новый мирный май,
Давай, солдат, вторую наливай...
Цветут сады, смотри, сирень какая!
А солнце, закаленное в бою,
Кладет ладонь на голову твою,
Из памяти плохое выжигая.

* * *

Когда ты стал во многом виноват,
Иди туда, где солнце и трава,
Где некого винить, по крайней мере.

Где бабочка трепещет на цветке,
Где ветер потерялся в сосняке,
Побудь собой. И Бог в тебя поверит.

Скрипят стволы, на них трещит кора,
Никто тебя не станет укорять,
Здесь беды забываются скорее.
Смотри, как жук хлопочет о простом,
Как новый лес выходит на простор...
Господь придет — простит и пожалеет.

г. Липецк

Валерий Казаков,
*член Союза писателей России,
участник фестиваля
«Во славу Бориса и Глеба»,
Кировская область*

МОЖЖЕВЕЛОВЫЙ КУСТ

Рассказ

Тот, кто не пробовал на вкус акварельные краски, никогда не сможет стать настоящим художником. А мои краски просто невозможно было не попробовать, потому что они назвались «медовые».

Сейчас мне кажется, я стал рисовать только потому, что мне понравилось облизывать кисть, на кончике которой крупной каплей висела акварельная краска.

Особенно сладкой показалась мне краска желтого цвета. Она чем-то напомнила настоящий мед, который хранился у деда в липовой кадлушке. По этой причине на моих первых картинах большую часть неба обычно занимало солнце. Можно было рисовать солнце и облизывать излишки краски.

Потом под желтым солнцем я рисовал зеленую траву, потому что светло-зеленая краска была вкуснее синей. И только после этого приторно горькой синей краской я раскрашивал небо.

Коричневая краска, с помощью которой я изображал тучные стволы деревьев, тоже была съедобной, хотя и оставляла во рту кисловатое послевкусие.

Но особенно отвратительной казалась мне тогда розовая краска. Она была не просто вяжущей и горькой — она имела резкий и неприятный запах, который пробивался даже сквозь аромат меда. Поэтому розовой краской я никогда ничего не рисовал. Она внушала мне опасение, предостерегала...

Позднее я узнал, что розовая краска и правда была очень ядовитой. Она включала в себя кадмий.

Рисовать свои первые картины я уходил за огород, туда, где начиналось бесконечное колхозное поле с одуванчиками. В начале июня это поле становилось совершенно желтым, забрызганным яркими капельками живого солнца. В этом желтом поле я садился под одинокий куст темно-

зеленого можжевельника, который рос рядом с нашим огородом, и рисовал. От можжевельниковой хвои исходил смоляной дух, а перед глазами была солнечная поляна — уходящая вдаль желтизна.

На листе бумаги акварельными красками я пытался изобразить тот восторг, который меня переполнял при взгляде на эту солнечную равнину, но как ни старался — у меня ничего не выходило. На белом листе появлялось зеленое поле с вкраплениями вкусной желтизны, синее горьковатое небо и белые, совершенно безвкусные облака.

Я смотрел на свою картину и не понимал, почему она не передает мои ощущения? Почему в ней нет того обилия света, от которого рябит в глазах?

Немного позднее я решил, что не могу добиться желаемого, потому что рисую акварельными красками, а настоящие художники всегда пользовались масляными. Все картины Шишкина и Васильева написаны именно маслом.

После этого я стал приставать к отцу, чтобы он поскорее купил мне масляные краски. Мне казалось, что если у меня появятся масляные краски, я тут же начну создавать шедевры, подобные тем, которые принадлежат кисти Левитана и Поленова. Ведь в масляных красках, пусть они и неприятные на вкус, скрыто нечто мистическое. Они заставляют оживать даже портреты людей, не говоря уже о природе. Природу изобразить масляными красками так же легко, как раз плюнуть.

И, что самое удивительное, отец купил мне масляные краски.

Я взял лист картона, краски в свинцовых тюбиках, скипидар и убежал со всем этим богатством за огород в поле. Только теперь на этом поле уже не было одуванчиков. Зато оно ярко пестрело белым ковром ромашек.

Я сел под можжевельниковый куст, положил перед собой лист картона и стал рисовать на нем зеленую траву, белые ромашки, синеватые соцветия цикория, красноватые метелки иван-чая, темный клен возле сеного сарая, крапиву вдоль забора. И, кажется, все у меня получалось как нужно, картина выходила цветной и яркой, только какой-то неживой, ненастоящей. Она не вызывала того восторга, который появлялся в душе от реального вида природы. Она не передавала чего-то очень важного, что невозможно изобразить ни линией, ни мазком, ни лессировкой.

И тут я понял, что никакими красками этого чувства не выразить. Тут надобно стать поэтом, как Пастернак или Есенин.

Короче говоря, через несколько дней я снова сидел под можжевельниковым кустом и писал первое в своей жизни стихотворение.

Начиналось оно так:

В желтом цвете зверобоя
И сплетении трав высоких
Есть волнение прибоя,
Приливная сила соков...

Мне казалось, что стихотворение не закончено, оно должно продлиться, но порыв вдохновения почему-то иссяк. Потом я еще долго пытался найти в своей душе что-то совершенно новое, присущее только мне, и не мог больше ничего придумать. Разочарованно поднялся с земли и, заложив руки за спину, стал картинно разгуливать вдоль забора туда-сюда, как это делают настоящие поэты... Но в голове и на этот раз почему-то было совершенно пусто. Я сел на землю возле колючего можжевельникового куста и решил, что лучше буду писателем. Писатель может излагать свои

мысли, не заботясь о рифме и ритме. Он может оставаться самим собой всегда. А чтобы быть самим собой, не обязательно хорошо учиться в школе, иметь пятерки по русскому языку и литературе. Писатель вполне может быть плохим человеком, пьяницей или трусом. Таких примеров достаточно. Важно научиться все видеть и все замечать. Важно вести дневник и записывать туда все свои впечатления, интересные детали, разные смешные мелочи, которое в дальнейшем могут пригодиться.

Ну конечно, жаль расставаться с масляными красками, которые так ароматно пахнут, с кистями и палитрой. Но призвание не ждет. Призвание дороже. Чем скорее я начну к нему приближаться, тем лучше.

Я кинулся перечитывать Бунина и Набокова, Чехова и Куприна. И в какой-то момент мне показалось, что я могу писать не хуже. Вот возьму и напишу короткий рассказ, такой же смешной, как у Чехова, но при этом такой же пронзительный, как последние рассказы Ивана Бунина из книги под названием «Темные аллеи». Вот возьму и напишу.

И в это время как-то неожиданно мне исполнилось шестнадцать. Я начал писать роман о любви, как все настоящие писатели, и неожиданно... влюбился сам. Я никого любить не хотел, но почему-то все чаще стал посматривать на Гаю Полушкину, у которой были густые русые волосы, синие глаза и румянец во всю щеку.

Галя Полушкина была девочка полная и милая, но вовсе не самая красивая в нашем классе. Зато она была очень скромной, хорошо училась и всегда производила на меня впечатление тени проплывающей. Потому что никогда не поднимала на меня глаза. Мне кажется, эти ее опущенные глаза и поселили в моей душе загадку. Я не понимал, почему она не может смотреть на меня так же, как все остальные девочки. А когда я на нее смотрю — она быстро отводит взгляд.

Осознание того, что я могу кому-то нравиться, стало для меня полной неожиданностью. Я был тогда худой, нескладный, темноволосый, с каким-то неопределенно тонким голоском, длинными руками и носом, как у Николая Васильевича Гоголя. Я вовсе не рассчитывал произвести на кого-либо хорошее впечатление — и вдруг такое...

Короче говоря, первое свидание я назначил Гале у можжевельного куста.

Я думал, что она не придет. Ну кого может заинтересовать долговязый худой юнец с маленькими бегающими глазками и большими оттопыренными ушами, который постоянно носит в кармане брюк грязный маленький блокнот, куда записывает все свои глупые мысли. Первая запись в этом блокноте гласит: «Галя Полушкина. Пышка. Придет или не придет»?

Ожидание тянулось недолго. Но даже за это короткое время я успел подумать о том, что лучше бы она не приходила. Тогда все останется как прежде. Если Галя не придет, то ромашковое поле и можжевельный куст навсегда будут только моими.

Но она пришла. Она пришла, не поднимая глаз. Она приблизилась ко мне так нерешительно, так осторожно, что мне тут же захотелось ее обнять. Такая она была милая и угловатая. Я никогда не обнимал девочек, я считал, что в этом нет ничего интересного, но на этот раз со мной творилось что-то невообразимое.

— Здравствуй, — сказала она, хотя мы уже виделись в школе.

— Здравствуй, — ответил я.

— Чем ты здесь занимаешься? — снова спросила она.

— Я иногда здесь рисую, — ответил я.

Она стояла рядом со мной, теребила в руке тонкую травинку, но глаз не поднимала. Она смотрела себе под ноги и пошевеливала носком темной туфли блестящий камушек. Я мог бы написать «носком темной туфельки», но это было бы не совсем верно. Галя была девочкой упитанной, и туфли у нее были приличного размера. Она была из тех молодых сельских девчат, которые к шестнадцати годам становятся очень похожими на зрелых женщин — на своих матерей. И пахло от нее, как от зрелой женщины. Чем-то плотским и пряным.

— Ты давно меня ждешь? — снова спросила она, все еще не поднимая глаз.

— Да нет, я только что пришел.

— Прогуляемся.

— Да.

— А куда пойдём?

— В поле, — машинально ответил я.

И мы пошли в ромашковое поле. Не знаю, как она, а я выбрал это направление для того, чтобы нас никто не увидел. Мне почему-то казалось, что я выгляжу с рядом этой невысокой и полной девочкой очень неловко. Она упитанная, я — худой. Она румяная, я — бледный. Она стеснительная, а я... И тут я понял, что в этом смысле ничем от нее не отличаюсь. Я иду рядом и взволнованно молчу. Кажется, я все про нее знаю, и она про меня знает все. Я знаю, что у нее волнистые русые волосы и большие синие глаза, прикрытые густыми серыми ресницами. Что она говорит неуверенным мягким голосом, часто дышит, легко переступает стройными ногами. Она не отличница и не отстающая ученица. Но в ней живет тайна.

Вот уже и окраина леса с редко стоящими молодыми стройными соснами вдоль дороги, а мы все так же шагаем рядом и молчим. Мне очень хочется взять ее за руку, но какая-то странная нерешительность, кажется, вовсе не свойственная мне, мешает это сделать. Вот уже лес начался, молодой сосняк сменился березами, в низинах появился папоротник.

— Может, повернем обратно, — вдруг предложила Галя.

— Давай, — отозвался я.

Мы развернулись, и в это время моя рука коснулась ее руки. Я на мгновение замер и как-то совершенно непроизвольно, по инерции, подхватил ее ладонь. И тут же от ее руки мне что-то передалось. Ее ладонь стала теплой и покорной, непривычно доверчивой. Как будто это была уже не рука Гали Полушкиной, а расплавленный воск, мякоть запретного плода, маленькая, похожая на птицу душа.

Мы шли, молчали, а наши руки разговаривали между собой. Ее рука говорила моей:

— Ну вот, наконец-то ты рядом.

— Я тоже рад, — отвечала ей моя рука.

— Ты такой теплый.

— И ты теплая.

— А кто у кого в плену?

— Ты у меня.

— Нет, ты у меня. Разве ты не чувствуешь, как крепко я тебя держу?

— Чувствую. Но это еще не любовь.

— Нет, любовь.

— Почему?

— Мы обменялись теплом. Твое тепло стало моим, а мое — твоим.

Где-то в середине поля мы остановились. Я был уверен, что сейчас она поднимет на меня глаза. Моя рука, мое тепло, мои пальцы ей все объяснили. Сейчас Галя могла быть уверенной, что я испытываю те же самые чувства, что и она, а следовательно, стесняться ей больше нечего.

И она действительно глаза подняла. Это был самый счастливый момент для меня. Она подняла на меня глаза, которые могла в любой момент опустить. И в этих глазах было столько надежды, стеснения и неуверенности, столько внутреннего тепла, что говорить снова стало не о чем. Глаза не сказали — прокричали мне, что я ей нравлюсь, даже такой нескладный, худой, скованный и молчаливый.

Я как-то безотчетно потянулся к ее губам, она — к моим. Мы в первый раз поцеловались. И мне показалось, что этот поцелуй не идет ни в какое сравнение со сладковатой горечью акварельных красок. Что он особенный, не похожий ни на стихию стихов, ни на залежи прозы. Он чем-то сродни той музыке, которая звучала в моем сердце от восторга перед ромашковым полем. Этот восторг невозможно описать словами, его можно только почувствовать.

Потом были новые прогулки до леса и обратно, когда слова уже легко находились, и наш разговор мог длиться бесконечно, когда она тайком наблюдала за мной сбоку. Причем я, кажется, знал, о чем она думает в этот момент. Ее излишняя полнота меня уже не волновала. Наоборот, мне казалось, что все настоящие женщины должны быть такими же аппетитными, как она. Иначе у них на щеках не будет такого яркого румянца, как у Гали, они не будут так ловко переступать стройными ногами, так быстро говорить и так просто излагать свои мысли. От них не будет исходить дурманящий и естественный аромат чуть вспотевшего женского тела. И голос у них будет не влажным, не приглушенным и приятным, как у Гали, а станет резким и сухим, как у загорелых и жилистых деревенских старух.

Я узнал, что Галя тоже пробовала писать стихи, когда первый раз влюбилась в учителя пения Александра Ивановича. Ему в ту пору было тридцать пять, а ей едва исполнилось четырнадцать. До этого момента мне казалось, что ранняя влюбленность — это привилегия мужчин, а тут вдруг выяснилось, что это не так. Когда она рассказывала мне о своей первой любви, ее ладонь в моих пальцах трепетала как пойманная птица, и я едва удерживал ее, чтобы не выпустить на стихию излишней правдивости. В какой-то момент я даже стал ревновать ее к Александру Ивановичу, я стал испытывать к нему неприязнь. Какое он имеет право соблазнять столь юных созданий, этот старый мерин, этот лысый и грузный дядька...

Так продолжалось до середины августа. Мы встречались и расставались у можжевельного куста на пологой возвышенности за нашим домом, там, где начиналось заросшее травой и ромашками колхозное поле. Мы мучили себя поцелуями, какими-то излишне крепкими объятиями, ласковыми словами.

И однажды я не выдержал. Можжевельный куст поманил меня к себе. Там, в середине можжевельного куста, было небольшое чистое пространство, устланное шелковистой травой. Мы начали целоваться возле куста, а закончили внутри него на теплой и мягкой травяной подстилке.

Разочарованно покидая можжевельный куст, Галя сказала тогда:

— Что это было? Я не поняла.

— Я не знаю, — смущенно ответил я.

— Больше так не делай, — попросила она.

— Не буду, — пообещал я, и в ту же минуту почувствовал себя очень виноватым перед ней. Хотя, за что виноватым? Почему? Мне, откровенно говоря, было в то время непонятно. Я толком не знал, но уже чувствовал, что должен нести перед этой девочкой некую ответственность за каждый свой шаг, за каждый поступок. Возможно, я поступаю вовсе не так, как хочет она? Может быть, ее рука тогда в лесу сказала мне вовсе не то, о чем я подумал? То же самое произошло и под сенью можжевельового куста. Вероятно, она ждала от меня вовсе не телесной близости, а чего-то совершенно другого. Или вовсе ничего не ждала? Думала, что все будет, как раньше. А я захотел поскорее приблизиться к финальной точке, за которой — бездна неизвестности, бездна вопросов, на которые придется искать ответ...

Но самое удивительное произошло еще через пару дней.

Мы снова долго гуляли, снова много говорили и целовались, а когда пришло время прощаться, когда я уже готов был оторваться от ее теплых губ и направиться к дому, она вдруг взяла меня за руку и потянула к можжевельовому кусту. Я покорно шагнул за ней, и когда сделал этот первый шаг, уже понял, что сейчас, сегодня у меня начнется какая-то другая, взрослая и непонятная жизнь. Совсем не такая, какой она была до этого. И будет ли в той другой жизни место восторгам перед ромашковым полем, перед дурманящим и медовым запахом цветущего иван-чая, я не знал...

*Стихи
участников
фестиваля «Во славу
Бориса и Глеба»*

МЫ ВСПОМНИМ, КАК ТЕПЛЫ СЛОВА

Юлия Крылова

* * *

Стынет вечер. Мокрая дорога
Приведет нас в запустелый дом.
Поклонись рябинам у порога,
Позлащенным ясным октябрем!
Прохудилась крыша в старой бане,
Хлев присел воротами на снег,
И кобылу увели цыгане,
Подглядев ее раздольный бег.

Дед грустил...

Ведь сам был страстный конник
Да кузнец — ладней не сыщешь рук,
Сколько раз поплеывал в ладони,
В мякоть поля окуная плуг!
Сколько раз рукой мосластой гладил
Конской гривы непокорный пук
И чесал свалявшиеся пряди,
Распуская ремешки подпруг.

А теперь давно уснул под горкой,
Наломавшись за крестьянский век...
Так же за селом гудит моторка,
Затерявшись в поймах долгих рек,
Так же август щедро сыплет медью,
Так же безутешно пьют дядья,
И все рвусь из города и впредь я
Прикатить: как родина моя?

Прибран сад и тянет сладкой прелью
Поздних яблок, вымокшей травы,
И налиты чистой акварелью
Зеркала небесной синевы.
К сонной Волге прибежали ивы
Мыть лодыжки спутанных корней,
И, как встарь, житьем неторопливым
Полны ведра из колодцев дней.

Перелески, низенькие чащи,
Мелкий дождик из вихрастых туч —
У земли, до боли настоящей,
Сердце бьется кротко, словно ключ
Из глубин живых дремучих недр...

И, сшибая сучья по лесам,
Ветер,
грубый,
как ладони деда
Гладит луг по желтым волосам...

* * *

Весь превратишься в слух,
Когда приходит слово.
Его подводный гул
Острее всех личных драм,
Мы только — рыбаки
У берега морского,
Где рыбы плавники
Показывают нам,

Сверкают чешуей
И просят из бездны,
Оттягивая нам
Мережки страстных душ,
И кажется улов
Редчайшим и чудесным,
Как аммолит листвы
В стекле замерзших луж.

Ты снова удивлен,
Мой радостный причастник,
Как вкусно языку
От тайнства стиха!
И как легко в душе
Вновь расцветает праздник
Танцующим огнем
На крыльях мотылька.

И тем, кто жизнь свою
Отлил из монолита,
Ты тщишься рассказать
Про это волшебство:
Когда горит огонь,
Когда душа открыта,
Когда ты сам — творец,
Вот только и всего!

Им не дано понять,
За что ты годы бьешься,
Какой подспудный смысл
Рифмованной строки?
Почаще смейся, друг,
Ты просто остаешься
У берега времен,
У вечности реки...

Превыше всех страстей,
Любви стального плена
Бесплотный и святой,
Блестящий слов косяк!
И слово было — Бог,
Спасающий от тлена, —
Так говорил Христос,
Он тоже был рыбак.

Глядящий в глубину,
Шагающий сквозь стены! —
Не жемчуг и агат,
А звуков тайный строй...
Смотри: идет отлив
И море по колено,
Но берег твой в дарах,
Протяжный и сырой...

РОДИНЕ

Не проклинай и не суди —
Люби ее, как любят дети.
За все, что будет впереди,
Мы прошлым навсегда в ответе.
Сказать последнее «прости!»
Ей легче легкого, мой милый.
Железный хлеб дожуй в пути,
И будет день — родятся силы:
И затворятся двери дна,
И мы пойдем, зачем так жили,
Когда напишут имена
Тех звезд, что нас в пути хранили,

Когда мы вспомним, как теплы
Слова, что в нас она рождала,
И как надежны здесь тылы,
И как ее любили мало.
Что ветер горьких перемен
Не зря здесь не промчался мимо,
Что ей пора вставать с колен
Рассветной, грозной, несудимой...

*г. Ржев
Тверской области*

Анна Харланова

ПРАБАБУШКА АНИСЯ

Ты как ребенок говоришь слова:
Коверкая, свои вставляя слоги.
И вся уже седая голова.
И зуб один, и еле ходят ноги.
Из-под кровати банку достаешь,
В которой много липких карамелек,
В ладонь мне насыпаешь до краев,
И я на печку лезу как Емеля.
Темно и много старого тряпья,
Там сухари на черный день хранятся,
Подушки позабытые пылятся.
...А за окошком хрюкает свинья,
Кудахчут куры. Радио поет,
А ты заснула в солнечное утро.
На кухне чугунок, стоит посуда,
И мышь давно под печкою живет.
Пока ты спишь, я принесу воды
И у порога вытряхну дерюжки.
Соседи пилят, пахнет свежей стружкой.
И вяжут рот черемухи плоды.

ЛУКОВАЯ ШЕЛУХА

1

Надо признать: я совсем не принцесса.
Серая морось — слова.
Дождь, спотыкаясь, шагает по лесу,
Небо — его голова.
Страшно обжечься, подую на воду.
Тянутся шлейфом грехи.
«Лес, ты прекрасен в любую погоду», —
В уши шепчу — лопухи.

2

Радуга выткана сотней иголочек,
Трудятся сосны, гудят.
Дятел, стучишь? Разложи-ка по полочкам,
Все мне на небе простят?
Как хороши эти сосны смолистые,
С теплой и желтой корой.
Небо — высокое, радостна — истина.
Лютиков — солнечный строй.

3

Дикий чеснок, черемша неприметная,
Пьет дождевую росу.
Ты говоришь, подойдет к винегрету,
Ладно, домой унесу.
Мы измельчим огурцы и морковочку,
Свеклу, картофель и лук.
Ветер апрельский, ворвавшийся в форточку,
Тихо лежит на полу,
Отодвигает ладонями нежными
Луковую шелуху.
Я так хочу, чтобы было, как прежде!
Слышите там, наверху?

г. Липецк

Виктория Беляева,
*лауреат ряда литературных премий,
участница фестиваля «Во славу
Бориса и Глеба», г. Ростов-на-Дону*

СЧАСТЬЕ СО ВКУСОМ СЕВЕРА

Рассказы

Я села в душную маршрутку, чтобы добраться в ту часть города, которая считалась местными богом забытой. Там дачные участки рассыпались вокруг старого завода и постепенно стали целым новым районом. Несколько лет назад я с родителями переехала жить на юг. Семейные перипетии вмешались в географию жизни, но сердце так и осталось в лесных уральских местах.

А тут посреди липкого, июльского зноя моя голубушка-тетушка навела суматоху. Узнала, что ее соседи отправляются в наши места, и собрала для «своего дитятка всякого-разного угощения от медведя-братца».

И теперь я, вареная, тащилась к знакомым тетушки забирать гостинцы с русского севера.

Середина лета жарила и превращала людей в вялых мух. Маршрутка ползла, кланяясь светофорам и остановкам, и я, обливаясь потом, злилась на эту чистосердечную затею Нюрочки.

В самом деле, ну дались ей эти гостинцы через всю страну? На юге летом фруктов пруд пруди. Но сердцу все же тот вкус памятнее, дороже.

Ведь фрукты фруктами, а уральские ягодки, точно из сказок Бажова, — что ни глянть: самоцветы кисло-сладкие. Эти россыпи в лукошках все детство кормили витаминами.

А уж пирог тетушкин с молотой черемухой — и вовсе ароматное чудо. В нем и в ягодных бусах пряталось детство. Склоны уральских гор, озеро Таватуй, поселок моих предков и тетушкин бревенчатый дом, что построил дед. Там родились несколько поколений нашей семьи. От воспоминаний о светлых днях детства стало радостно. Захотелось вдохнуть тот самый воздух босоногих лет, пробежаться вслед за шалопаями-мальчишками по поселку вдоль крепких, старинных домов с резным кружевом ставень.

И я улыбнулась, вспомнила, как тетя Нюра в ответ на мои возражения проокала в мобильный телефон: «Ну-ну, вольница, неужто гостинцев наших-то не ждешь. Я тебе дам за то горшок с золой, чтоб ты не была злой».

Сквозняк форточек немного освежил, и я, утонув в воспоминаниях, добралась до нужной остановки. Огляделась. Предстояло плестись сквозь неприветливый частный сектор, чтобы разыскать дом, где меня ожидала корзинка-путешественница.

Южные суховеи были совсем не похожи на северную прохладу. Воздух там звенел чистотой, здесь же пылил и скрипел на зубах. А уж по вечерам в поселке у жемчужно-сизого озера и вовсе дышалось хрупкой тишиной.

Головокружительные запахи таватуйского мира смешивались с запахом домашнего хлеба, что пекла нам Нюра в русской печке. Аромат ржи, леса и воды вдруг едва уловимо проплыл рядом. Я вспомнила сладость колодезной водицы и поняла, что хочу пить.

Я вытащила из рюкзака пластиковую бутылку с остатками теплого кваса, поспорила с навигатором и захотела другого напитка. Его делал дядя Паша, муж Нюры.

Это был резкий, сочного цвета квас. Даже в самый жаркий день он оставался прохладным от того, что хранился в погребе. Резкий, честный вкус свободы, чуток хмельной, но такой настоящий.

Немного покружив вдоль тесных улочек, я отыскала нужный адрес и осторожно стукнула по калитке. Тут же из глубины двора залаяла собака и басом сообщила, кто здесь главный. Ее возмущение прервал звонкий, молодежливый голос.

И двери мне открыла белолицая, круглая женщина с васильковыми глазами и веснушками-звездочками. Она сразу обняла меня, словно знала всю жизнь:

— Виконька, детонька, а я Маруся, соседка Нюры и Павлухи. Пройди, проходи. Мы тут к сыновей семье приехали.

Я размякла от этого искреннего и теплого порыва и вошла в зеленый дворик, где свежесть победила пыльный город. Огромный мохнатый пес неожиданно лизнул мне руку, словно сказал: «Не трону!»

Время в этом месте растаяло. Маруся с мужем Василием принялись наперебой тараторить о дороге, оттягивая ударения на концы слов и протяжно окая. Маруся закружила меня в обеденной суете. На улице накрыла стол с льняной скатертью, расставила тарелки со щами и семенами укропа, что привезла с собой, отломив кусок ржаного хлеба, а Василий отрезал манник и налил чай с боярышником и жимолостью. Этот напиток я узнала бы и с закрытыми глазами, он пах руками тетя Нюры и нашими вечерами под причудливо изогнутой березой.

Мелодия беседы Маруси и Василия так отозвалась во мне, что все прежнее недовольство от жаркого дня и далекой поездки улетучилось, растаяло вместе с ложкой липового меда в травянистой чистоте напитка.

Стало уютно и спокойно — так же, как на пожарной резной каланче, таватуйке. Деревянная постройка помнила колокол, собирающий людей на пригорок в случае важного события, помнила и нас, ватагу шаловливых детишек, разновозрастную солянку.

Мое уральское детство неожиданно навестило меня здесь, в палящем городском муравейнике. Север доставил гостинец любви прямоком, без затей, как он умеет.

Я окунулась в озеро воспоминаний, коснулась шершавых стволов хвойного леса, вернулась к морщинистым рукам Нюрочки. И захотела обратно, к соснам и березам, к небу, что можно достать рукой.

Только лишь когда солнце стало садиться за бледную линию горизон-

та, я вспомнила, что пора прощаться со славными людьми, вернувшими мне самую простую радость:

— Спасибо, Маруся и Василий, тетушке кланяйтесь, тут вот вам и Нюре от нас сазаны вяленые, донские. Не окуни, конечно, таватуйские, но ничего, жирные, маслянистые.

Маруся сморщила нос, отгоняя любопытную пчелу, ударила по мягким коленкам и закачала головой:

— Ешки-матрешки, самое главное-то чуть не забыли!

И вынесла широченное лукошко ягод, подмигнула, указывая на каждую:

— Так-то это княженика, ты-то знать должна, самая наша лучшая ягодка, так-то это морошка-красавица, так-то это голубика-чаровница.

Я широко улыбнулась и закивала.

Василий встал, серьезно спросил:

— Неужто уже пошла? Ну, пора так пора. Ты к Нюре приезжай, хорошо жить на Урале, и небо, и птицы, и свобода — все наше, все настоящее.

А затем подошел и медленно перекрестил меня на дорогу. Как-то просто и уверенно.

Я попрощалась с чистыми, как воздух северного поселка, соседями тетушки и вернулась с таватуйскими дарами домой.

Янтарно-желтый сок морошки смешивался во рту с малиново-свежим ароматом княженики, а по сердцу разлилось лето северной, доброй, лесной песней.

«Так-то это счастье!» — подумала я.

ВКУС ЛЮБВИ

Левка родился в послевоенном Тбилиси. Летняя часть, в которой служил отец, была расположена вблизи этого пестрого города радости.

У русских саратовцев появился смуглый, кареглазый бутуз. Люди в шутку поговаривали, что мать крутила шашни с красивым грузином. В него Левка и уродился.

Когда в полтора года мальчишка откусил сочную мякоть огненного перца и даже не пискнул, к сплетням стал прислушиваться даже отец.

Вскоре в семье родился еще один сын. Он был полной противоположностью Левика. Бледный, с соломой желтых волос и тихой синевою глаз. Родители назвали младшего мальчишку Васей.

Чем старше становились братья, тем очевиднее была их непохожесть. Старший рос шумным, быстрым и открытым. Младший — тихим, хитроватым. Их скорее можно было принять за случайных знакомых, чем за родных.

Старший радостно поглощал обжигаящий суп харчо, хинкали, пропитанные базиликом, кислую глубину ткемали.

Монументальная тетя Нино любила Левкин аппетит. Соседка часто, потирая руки о ситцевый фартук, кричала Льву в форточку двора: «Важишвили, иди за стол!»

Мальчишка, бросая шумную улицу, радостно вбегал в двери ее радушной квартиры.

Уютной ладонью гладила Нино жесткие Левкины кудри, приговаривая: «Геамот, сынок!»

Важишвили тети Нино погиб на войне — так же, как и муж. Поэто-

му всю свою материнскую нежность она дарила Левке. Иногда он просто приходил к соседке, чтобы ощутить себя кому-то нужным.

Мальчик обожал Нино, ее смешную, пропитанную колоритом речь, кухню, заполненную банками со специями, мудрые и понимающие глаза. Однажды Левка, смачно разжевывая хачапури по-аджарски, сказал тете:

— Вот бы ты была моей настоящей мамкой. Жили бы мы душа в душу.

— Лев, ты и так — моя душа.

— Вот все говорят, что я грузин наполовину, особенно потому, что острое люблю и сулико пою лучше местных. Может, правда, тетя Нино?

— Русский, грузин — какая разница. Главное, чтоб человеком хорошим рос. Ты ешь, милый, не разговаривай, а то подавишься, не приведи Всевышний!

Левка кивнул, а упругие кудри запрыгали в такт.

Его родная мать всецело была поглощена младшим Васюткой.

Пропадающий на аэродроме отец не вникал в особенности воспитания сыновей. Старшего он вообще старался не замечать. Лишь изредка, выпив терпкой чачи, бросал жене: «Может, в роддоме напутали?»

Во дворе Левку звали «сыном грузинского народа» или просто грузинчиком. Скорее из уважения, а не для обиды. Мальчишка отстоял свое право быть заводилой в отчаянных драках с местной шпаной. Чтобы скрыть их следы, Нино отстирывала и зашивала мальчишкины вещи, попутно прикладывая к ранам мази, пахнущие мятой и кориандром.

Простая русская картошка с укропом и подсолнечным маслом, оладьи с медом и молочный суп нравились только Васке.

Старший же с наслаждением уплетал хлеб, обожженный горлом грузинской печи. Нино готовила для сорванца с теплой заботой. Молниеносно он поглощал начиненные грецким орехом баклажаны. Горячая крауха пури купалась в шафрановом огне сацибели.

Но больше всего Левка любил чурчхелу. Плотные ядра фундука и инжира, спрятанные в густую пену виноградного сока, были его слабостью.

Этот кисло-сладкий вкус впитался в его память навсегда. Даже спустя много лет он иногда снился Льву.

Когда эскадрилью отца отправляли на север СССР, Левка рыдал. Он даже хотел сбежать из дому, чтобы остаться с тетей Нино, но мальчишки во дворе сказали, что их вместе за это могут выслать из Грузии как «преступных элементов». Такого для своей Нино он допустить не мог, потому передумал. Он крепко обнимал соседку на вокзале, не отпуская с перрона. Глядя на это, родители ежились, избегая взглядов проводника и соседок по вагону.

— Лева, ну, будет уже. Неудобно как, отпусти Нино.

— Ничего, Лариса, ничего. Я ухожу уже.

Левка, вытирая ладонями круглые слезы, шептал тете:

— Я вернусь к тебе, вернууусь!

Соседка перекрестила его и прижала к сердцу:

— Не плачь, важишвили, даст Всевышний, свидимся!

Поезд на Дальний Восток вез их неделю. Левка почти не слезил с верхней полки. Он знал, что в глубине рюкзака лежит завернутый в газету «Правда» подарок тети Нино. Пастила, чурчхела, козий сыр и ветка кинзы пахли теплыми руками соседки.

Рельсы сбегали из Грузии, но Левка знал, что когда-нибудь обязательно возвратится к вкусу этой большой любви.

Лариса Георгиевна Бредихина родилась в станице Мирская на Кубани в семье рабочих. Более 40 лет работает в системе охраны памятников истории и культуры, с 1993 года — в должности регионального госинспектора Государственной инспекции охраны историко-культурного наследия Воронежской области. Инициатор присвоения в 1990 году Борисоглебску статуса исторического города. Автор многих книг и публикаций по краеведению и истории родного края. Председатель Борисоглебского Совета ветеранов войны и труда. Почетный гражданин Борисоглебского городского округа.

Лариса Бредихина

ПРОЙДУСЬ ПО УЛОЧКАМ ИЗЯЩНЫМ И АЖУРНЫМ

*Благословитися местоу семоу
и основатися граду и сохранитие емоу...*

Молитва на основание города

Н а удивительных местах умели ставить города наши пращурь.

Есть памятные даты и события, которые ложатся на сердце светлой радостью и гордостью. Имя Петра Великого прочно связано с рождением нашего города. По его указу при слиянии рек Вороны и Хопра, где ныне живет и здравствует наш город, в 1698 году была построена крепость, получившая название Павловской. Место было выбрано удобное, красивое. Могучая Теллермановская дубрава, слияние рек Вороны и Хопра, плодородные земли...

В конце XVII века, когда царь Петр повелел «морским судам быть», при впадении Вороны в Хопер была построена верфь, которая получила название Хоперской. Работами на этой верфи руководил первый учитель Петра I по гравиметрии и фортификации Франц Тиммерман.

В короткий срок три военных корабля — тридцатипушечные «Безбоязнь», «Благое начало», тридцатипушечная «Уния» — сошли со стапелей.

Ул. Советская, 14, Дом оптового торговца. *Начало XX века.*

Над двустворчатой филенчатой дверью — двускатный навес на фигурных кронштейнах. Тимпан под навесом. Чешуйчатые водосточные трубы, а также оригинальные дымоходы в виде вазочек.

Божьим проведением определено название нашего города.

Первая деревянная церковь Бориса и Глеба была построена в 1704 году. Борисоглебск был наречен в честь святых мучеников князей Бориса и Глеба, чьи жизни и смерть сльвут символом высокой нравственности, чистоты, верности долгу. Та любовь и почитание князей Бориса и Глеба, что всегда жили в народе и память о них, служили предостережениями от братоубийственных распрей, подлости и вероломства.

Мы горды, что наш город величают Борис-о-Глеб-ск!

Говорят, что города — как люди, у каждого свое лицо, свой нрав, своя судьба.

Судьба у Борисоглебска богата и неповторима. Но в ней, как в капле прозрачной воды, отразилась сложнейшая и противоречивая история России. Выпало ему на долю немало и горького, и славного, знавал он и взлеты, и падения. Это были времена величайших страданий и скорби от пожаров и лихолетья, периоды застоя и расцвета. За более чем три века Борисоглебск прошел путь, ставший его судьбой, от крепости, стоящей в течение 17-го столетия на страже южных окраин

земли русской, до административного, промышленного и культурного центра.

Неповторим облик Борисоглебска. На нем печать времен и поколений. Облик города во многом до наших дней не сохранился, но почувствовать его древнюю красоту можно и сегодня.

Пройденный путь отражен в названиях церквей, монастырей, улиц, памятниках, мемориальных досках, которые дошли до нас и донесут до наших потомков славные дела предшественников, негасимый свет далеких событий. Да, прошлое не ушло бесследно, его надо увидеть, услышать, понять. Оно застыло в крепостном вале, руинах монастыря, городских кладбищах, степных курганах, в архитектурном облике каменных купеческих домов, усадеб с торговыми лавками, зданий учебных заведений, земских больниц, театра.

Планировка города проста и удобна. Улицы широкие, прямые, застроены правильными размеренными квадратами со стороны Вороны, создавая впечатление уходящих в бесконечную даль перспектив.

Да, прошлое не исчезло. Еще можно увидеть восхитительные уголки в нашем городе, полюбоваться редкими элементами декоративной отделки зданий. Это и крылечки с ажурными кружевами навесов, и железные воронки водосточных труб, напоминающих корону или «чешуйчатую змейку», и металлические ограждения балконов, парапетов, парадных лестниц, которые придают этим зданиям такую неповторимую красоту, что мимо нее равнодушно пройти просто невозможно. А сохранившиеся интерьеры во многих бывших купеческих домах вызывают восторг и радость. Особенно хороши лестницы с точеными из дерева или узорными

металлическими ограждениями. Привлекает внимание и обильная лепнина потолков и карнизов. Великолепны сохранившиеся изразцовые печи с ярким растительным и геометрическим орнаментом. Кузнецы проявляли тонкий вкус художника при создании оград, решеток, козырьков. До чего же талантливы они были!

А как формируют облик нарядного Борисоглебска деревянные здания! От пропиленной резьбы, украшающей дома, веет удивительным теплом и добротой.

*«О, город, из древней семьи городов!
Ворота резные, крылечки косые».*

Выразительны и своеобразны украшения из дерева.

Каким же талантом и мастерством нужно было обладать, чтобы вот так виртуозно резать кружева из сосны и ели. Это подлинные произведения искусства. Узорная резьба и оригинальные композиции вызывают восхищение.

И все это еще можно увидеть, потрогать, прикоснуться душой и даже послушать...

Звонят колокола... Льетса чистый, праздничный звон, наполняя сердца чувством единения, радости, сопричастности к российской истории.

Четырнадцать церквей и два монастыря украшали Борисоглебскую землю. Обилие церквей и колоколен создавало незабываемый облик города.

Сказочно красив был Борисоглебск!

В городе остались четыре православные опоры, четыре храма веры, надежды, любви.

Сохранившиеся церкви — свидетели давно минувших дней.

Идешь по улицам города, словно страницы его истории читаешь. Что ни дом, то памятник архитектуры, что ни дом, то памятник истории. Когда идешь по улицам города, то появляется ощущение сказочности, необычности, простора, душевного покоя и гармонии.

Борисоглебск тем и хорош, что в нем неповторим каждый дом, все соразмерно и созвучно человеку: и масштаб застройки, и ширина улиц, и разнообразие архитектурных стилей.

Вот нашему взору открывается великолепный вид главной святыни города.

«...Успенская Старособорная церковь... построена в 1792 на средства прихожан. Престолов три: главный — Успения Божией Матери, придельные — св. князей Бориса и Глеба и Дмитрия Солунского...».

Церковь восстала из руин.

Подходим с особенно волнующим чувством, ибо это единственная ниточка, связывающая нас с истоками нашего прошлого.

Успенская церковь — одно из самых древних и примечательных по своей судьбе зданий.

«...Борисоглебск... В 1703 году в нем построена деревянная церковь во имя св. мучеников Бориса и Глеба, в которую при укреплении этого острога царем Алексеем Михайловичем пожертвовано Святое Евангелие. В 1705 году церковь эта сгорела и вскоре заменена также деревянною, для которой Петром Великим пожертвованы богослужебные книги, а для колокольни ея — колокол в семь

Ул. Народная, 58 Большой балкон с ажурной металлической решеткой. II пол. XIX в.

Деревянные резные наличники.
Козырьки над парадными входами в жилые здания

пудов с половиною. Эта церковь истреблена пожаром. И в 1766 году вместо нее на другой год поставлен деревянный собор, который в 1784 году перенесен на кладбище и перестроен во имя Богородицы Скорбящих Радости.

В это время усердиями борисоглебских граждан заложен каменный Успенский собор, который существует доселе: в нем два придела, один в память прежнего собора во имя мучеников Бориса и Глеба...

Церковь Бориса и Глеба привлекает нас тем духом прошлого, который прочно овеял это святое место.

Улица Свободы (бывшая Большая).

Входим на территорию кладбища конца XVIII века. Оно стало последним пристанищем нескольких поколений борисоглебцев. Это место вечного покоя наших предков. На кладбище были похоронены первостроители города, свет от их деятельности лежит до сих пор на душах наших. Большинству из них город обязан своим архитектурным обликом, театром, библиотекой, музеем, гимназиями, больницами.

Многие духовные и материальные ценности города рождены благотворительностью таких семей как Аверьяновы, Батыревы, Брумберги, Волостных, Гавриловы, Дерибезовы, Жевандровы, Каверины, Мягковы, Поповы, Смирновы, Хренниковы и других.

Сюда, на территорию кладбища, был перенесен деревянный собор, построенный вместо второй сгоревшей церкви в 1766 году. Он был перестроен во имя иконы Божьей Матери «Всех скорбящих радость». На этом месте теперь возведена символическая часовенка.

Яркие страницы в героическую летопись борьбы нашего народа в 1941–1945 гг. вписали наши земляки.

В то суровое время жестокой войны из Борисоглебского района ушло на фронт свыше 25 тысяч человек. Борисоглебцев можно было встретить на всех фронтовых дорогах. Они били врага под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, гнали его до Берлина и добились в собственном логове. Освобождали от фашизма народы Польши, Болгарии, Югославии, Румынии, Венгрии, Чехословакии...

В годы Великой Отечественной войны город Борисоглебск был прифронтовым. На его территории и в районе располагались 17 эвакуогоспиталей. Умерших от ран бойцов и командиров хоронили в восточной части старого городского кладбища.

Здесь в 1974 году был сооружен мемориал «Мать-Родина». У постамента скульптуры, символизирующей мать, мир, счастье, горит в памятные дни Вечный огонь.

Это от всех живых — павшим! Образ Матери-Родины — символ много пережившей, но не сломленной Отчизны.

За скульптурой — серая стена, на ней установлены чугунные плиты, на которых отлиты фамилии, инициалы бойцов и командиров Красной Армии, умерших в госпиталях города. Одна тысяча сто семьдесят человек...

За серой стеной — гражданско-воинское кладбище, где захоронены офицеры, инструкторы, курсанты 2-ой летной школы, позднее Высшего военного авиационного училища летчиков, погибшие при исполнении воинского долга или во время тренировочных полетов.

Здесь захоронен сын легендарного комдива Василия Ивановича Чапаева — Аркадий Васильевич, старший лейтенант, летчик. Последний приют на этом кладбище нашла и семья Павловских.

В 1985 году мемориал «Мать-Родина» был реконструирован. Установлены символические надгробия. На мемориальных досках золотом выбиты фамилии земляков, погибших в годы Великой Отечественной войны. За каждой фамилией — героическая фронтовая судьба. Около 16 тысяч борисоглебцев сложили свои головы в смертельной схватке с врагом. Борисоглебск дал Родине 26 Героев Советского Союза. 26 богатырей с Вороны и Хопра — слава и гордость борисоглебцев. Их имена стали вечно живущей легендой.

Это место свято для борисоглебцев. В дни радости и скорби приходят они сюда, чтобы поклониться погибшим и умершим, почтить их память.

Исторический центр города. Главное здание, которое во многом формирует образ центральной площади. Это торговый дом Дерибезова. Он занимает половину квартала и является украшением города. Был построен на средства купца Дерибезова в конце XIX века.

Да, у каждого здания своя история и судьба. На фасадах, обращенных к улицам, богатое декоративное убранство в духе эклектики. В северном объеме здания из окон часто слышна музыка. Это учащиеся музыкального училища занимаются вокалом. Педагоги приобщают своих воспитанников к сокровищницам музыкального искусства, учат познавать красоту и богатство мира через музыку.

Остановимся у входа в училище.

Навес на чугунных фигурных столбах — единственный в городе. Работая с металлом, создавая красоту, мастера подарили людям радость, дошедшую и до нас. «Кружевной» металл народных умельцев придает дому особую выразительность и поэтичность. В этом здании-памятнике сохранились ажурные металлические лестницы.

Да, отдельные здания города — вехи, которыми отмечается ход его истории. И в «биографии» каждого дома имеются яркие страницы.

«Торговый дом Дерибезова» — тому подтверждение, и он отражает характер своего времени.

Ул. Свободы, 213.
Над входом навес на
чугунных фигурных
столбах

Дом Полякова. Самый изящный особняк города. Особой теплотой веет от этого старого дома. Построен в начале XX века. Самый красивый, самый яркий не только в городе, но и в Воронежской области, представляющий собой образец особняка в стиле модерн.

Сейчас в нем расположена картинная галерея им. Петра Шолохова. В ее основу легла коллекция картин нашего земляка Петра Ивановича Шолохова, подаренная им городу в конце 70-х годов XX века. Эта картинная галерея уникальна.

Борисоглебская земля оказывается настолько благодатной, что подарила нам целую плеяду художников.

Андрей Петрович Рябушкин для нас % вечный ориентир. Его творчество — золотой песок в искусстве. Оно возвышенно, поэтично. Картина «Свадебный поезд в Москве 17-го столетия» находится в Третьяковской галерее. Другие его картины обрели постоянное место в Историческом музее, в Академии художеств СССР.

Александр Васильевич Куприн — известный художник-живописец, заслуженный деятель искусства РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР, профессор.

В экспозициях картинной галереи имеются редчайшие полотна П. Шолохова, Н. Чернышова, Ю. Химича, Л. Карноухова, А. Романова, А. Рудякова, И. Машкова, Л. Федорова и многих других.

Сергей Бокунов, Виктор Бирюков, Анатолий Пономарев... Это молодая поросль художников. А как талантлива! Малая родина для них была и есть тем источником вдохновения, к которому постоянно припадали талантливейшие мастера кисти.

Народный дом — театр им. Н.Г. Чернышевского. Большое, словно плывущее по волнам здание, похожее на красивый корабль, приковывает к себе взгляд. Построен в основном на средства именитого купца Е.Д. Мягкова. Передан в дар городу в 1911 году.

Величественный, гордый своей красотой, помолодевший после ремонта, он эффектно смотрится на главной улице, радует борисоглебцев и гостей.

Театр — гордость борисоглебцев. Для провинциального города иметь свой театр, да еще такой как наш, — это ли не радость? Отметив свое столетие, уверенно он шагнул в свой второй век.

Переулок Сурувикина. Здесь нет и десятка зданий, но он знаменит тем, что является одним из самых старинных уголков города.

Останавливаемся у одного, казалось бы, ничем не примечательного домика. Но на нем установлена мемориальная доска, рассказывающая нам о том, что это одно из первых учебных заведений города. Его открытие состоялось в 1836 году. В этом уездном училище учился Евгений Павловский, будущий ученый-паразитолог; Александр Куприн, ставший знаменитым художником-пейзажистом.

Художник и город...

Художник — и с ним прикосновение к векам, дыханию и голосам ушедших времен.

«Я на памятники, как на живых людей, смотрел — расспрашивал их: “Вы видели, Вы слышали — Вы свидетели!..”»

Мариинская женская гимназия (ныне гимназия №1). Будто французский замок XVI столетия — так борисоглебцы величают бывшую Мариинскую гимназию. Это одно из самых красивейших зданий города. Любуешься этим замком и на душе становится радостно и тепло. За сто с лишним лет это учебное заведение было свидетелем очень многих интересных и ярких событий. О нем можно писать поэмы, драмы, стихи.

Да, замок впечатляет.

В биографии каждого памятника истории имеются яркие страницы.

«Дом общества взаимного кредита» начала XX века. Здание красивое, строгое и поэтичное. Именно такое впечатление производит этот памятник архитектуры и истории.

Здесь в начале XX века в годы гражданской войны бывал Георгий Константинович Жуков, будущий великий полководец, военачальник, Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза. Здесь выступал всероссийской староста Михаил Иванович Калинин. А языком музыки смог передать драматизм и патристический пафос того времени в своих маршах Владимир Петрович Вишневецкий, организатор и первый директор музыкальной школы, открытой в этом здании в лихое время 1919 года. Сейчас здесь располагается профессиональный лицей № 27, где творческий коллектив преподавателей помогает молодым найти свое место в жизни.

Ул. Свободы, 162. Дом Полякова, нач. XX в.

«Дом Безобразова». Дом подобен живописному портрету человека. По его пропорциям и богатой отделке фасада можно представить не только былые времена, но и нравы хозяина, темперамент архитектора.

Элементы декора главного фасада очень разнообразны.

Над венчающим карнизом сохранился парапет из кирпичных столбиков с металлической решеткой из пик и спиралей. Над двухстворчатой филенчатой дверью — двухскатный навес на фигурных кронштейнах. Ребра и конек тимпана под навесом украшены мелким металлическим орнаментом. Изумительны и единственны в городе чешуйчатые водосточные трубы и оригинальные дымники в виде вазочек.

Интерьер и внутренняя планировка здания сохранились до наших дней. Особенно поражают чудом дошедшие до нашего времени камин — изразцовые печи голландского типа. Они двухчастные, до потолка. Изразцы светло-коричневые с рисунком в стиле модерн. Оригинальны и красивы. Сохранились в особняке и лепные карнизы, уголки, розетки с растительным орнаментом и прекрасный паркетный дубовый пол. Одним словом, архитектура и музыка...

«Мануфактурный магазин» конца XIX века. Сейчас здесь располагается почтамт. В нескольких шагах от него — «Торговый дом Артемьева», рядом — бывшая «Гостиница “Россия”». Всем может показаться, что это одно большое здание, а на самом деле после реконструкции произошло соединение прошлого с настоящим, возникла связь архитектурных традиций.

«Торговый дом Тарасова», магазин «Электро-Люкс» — они из XXI века.

Да, здания неразрывны со временем, с историей, они — свидетели событий, выразители вкусов и общественных устремлений.

Старый город должен жить сегодняшним днем, не теряя своих связей с прошлым, чтобы старое и новое существовало рядом, не вытесняя одно другим, чтобы созданные талантом прошлых поколений богатство и красота творений сегодняшнего дня служили последующим поколениям.

Историко-культурное наследие Борисоглебской земли велико и многогранно.

138 зданий являются объектами историко-культурного наследия регионального значения. 136 — объектами историко-культурного наследия местного значения. Город Борисоглебск имеет статус исторического. Еще в советское время, в 1990 году, он был включен в список исторических городов (115), утвержденный постановлениями коллегии Министерства культуры РСФСР, коллегии Госстроя РСФСР и президиума Центрального совета ВООПИиК.

Наступили новые времена, новые веяния. Но Борисоглебск был, есть и останется историческим городом нашей области, нашей страны. Его можно назвать городом-музеем под открытым небом.

Образ города рождается как раз из отдельных улиц, домов, парков, скверов, интересных памятников и замечательных людей, прошедших по судьбе Борисоглебска.

Наш город — это большая поэма, которую надо умело читать и восторгаться.

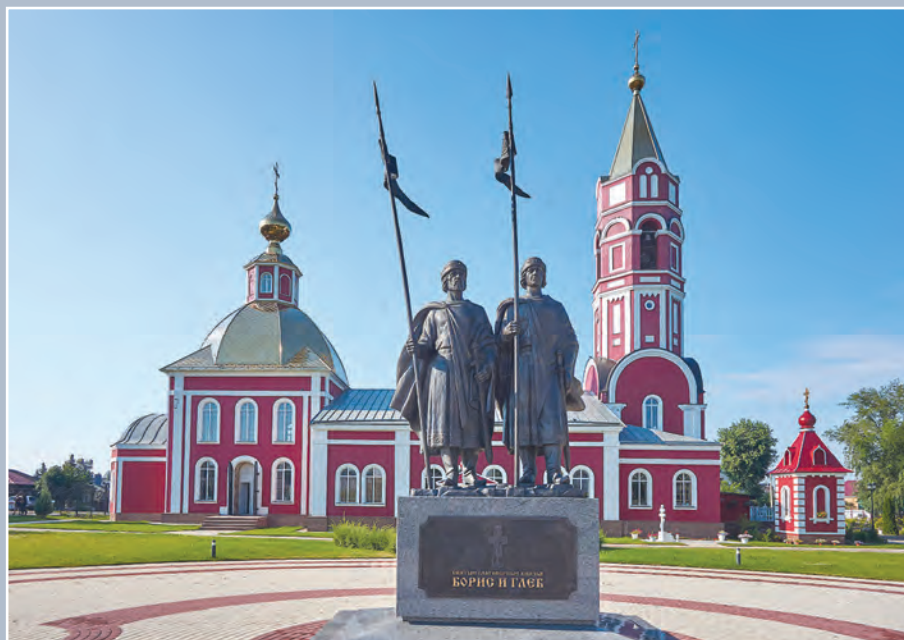
Каким далеким кажется нам сейчас 1698 год — год основания города. Для нас, живущих в третьем тысячелетии, он предстает лишь в нашем воображении. Нам есть чем гордиться и что показать нашим гостям. Конечно, здесь многое изменилось в течение трех с лишним веков, но наш край сохранил свой неповторимый и своеобразный облик. И наш современник сегодня волен сказать свое доверчивое «Здравствуй, град Бориса и Глеба» большому множеству памятников истории, архитектуры, искусства, а значит отдать дань благодарности тем поколениям людей, кто создал, строил, воплощал, оберегал и приумножал красоту Борисоглебской земли.

Козырек над парадным входом

ПРОЙДУСЬ ПО УЛОЧКАМ ИЗЯЩНЫМ И АЖУРНЫМ

*Фотоиллюстрации
к очерку из архива
Ларисы БРЕДИХИНОЙ*

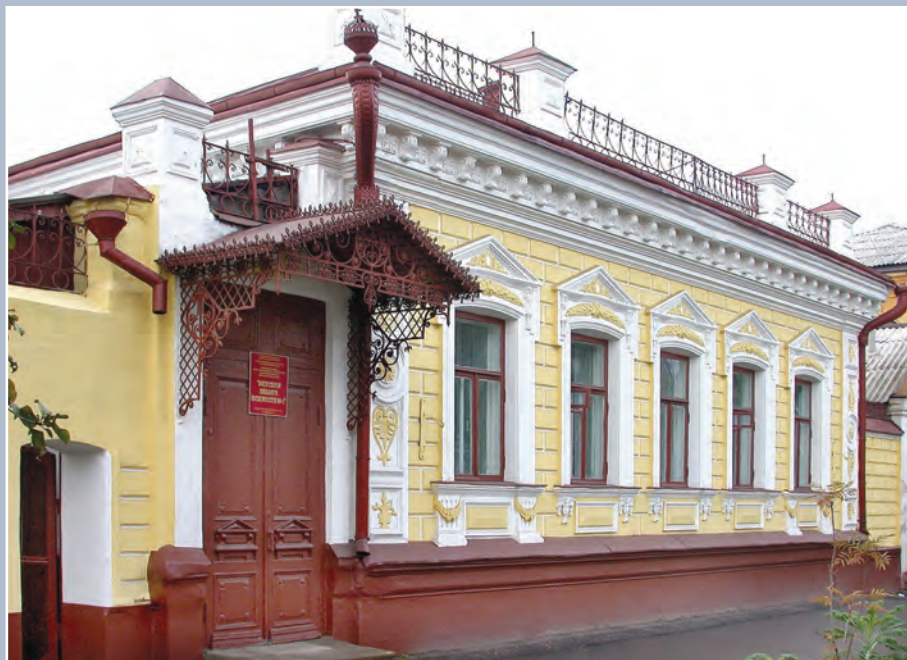
Храм Бориса и Глеба

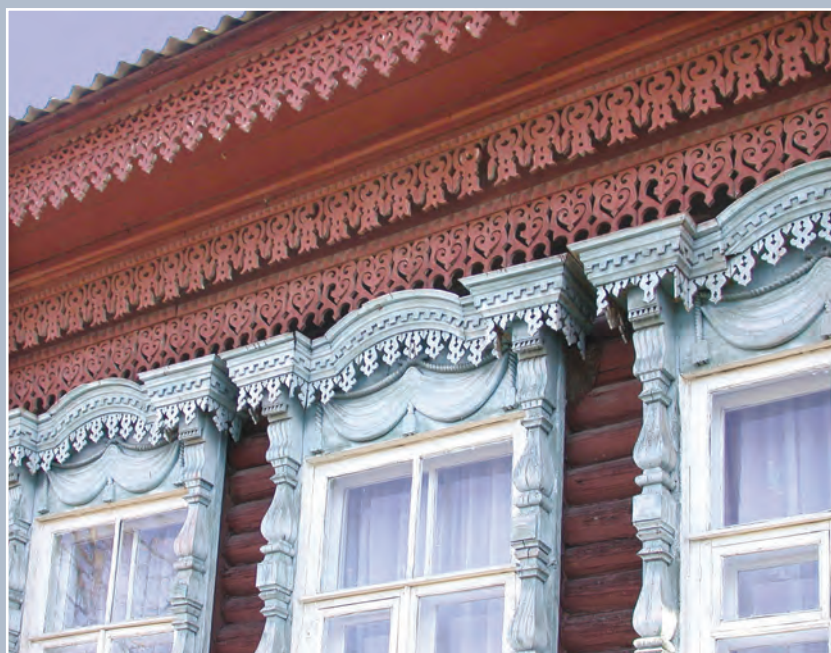
Крыльцо с металлическим козырьком на ажурных кронштейнах

Парадная лестница с ажурными литыми перилами

Детская школа искусств № 1
(дом оптового торговца, начало XX века)

Деревянные резные наличники

Церковь Казанской иконы Божьей Матери. 1895 г.

Школа-гимназия № 1 (здание Мариинской женской гимназии)

**Стихи
участников
поэтического
конкурса «Штрихи
к портрету
Борисоглебска»
в рамках фестиваля
«Во славу
Бориса и Глеба»**

ПОД ПРОСТОРОМ РОССИЙСКОГО НЕБА

Елена Николаенко

* * *

Город милый, здравствуй!
Вот я и вернулась —
В майское цветенье улиц окунулась.
Розовым и белым в ветерке знакомом
Лепестки кружатся по дороге к дому.
Пахнет воздух детства молоком и хлебом.
Церковь, где крестили, — в цвет лазури неба.
Золотом на солнце купола ликуют,
Стайкой у Знаменья голуби воркуют...
Поклонюсь колонке, чтоб воды напиться —
В брызгах струйки звонкой
радуга искрится.
Скрип калитки старой ласков и приветлив.
Клен, раскинув ветви, шелестит заветно.
А под ним — скамейка ждет моих рассказов,
Сколько прочитала здесь я волшебных сказок!
Двор, заросший зеленью,
сохранил «секреты»,
Их с дружкой Сережкой
прятали мы летом —
В ямке неглубокой, будто бриллиантик,
Под стеклом бутылочным
серебристый фантик...
На пороге дома к двери потянулась —
Город детства, здравствуй,
я к тебе вернулась!

г. Липецк

Вячеслав Гришин

БОРИСОГЛЕБСК

Вот так люблю вечерний город —
Ночных авто слепящий бисер,
Экспрессом проходящий скорый
В столичный сити или Питер.

Все так диковинно знакомо:
Мещанский быт, казачий гонор,
Фонтан, аптека, угол дома
И милый южнорусский говор.

Все так загадочно, привычно
И оттого еще милее,
Беседка, старожил кирпичный
В конце каштановой аллеи.

Гирлянды улиц наряженных,
Особняки — эпохи стражи,
Театр, сквером окруженный, —
Душа Руси одноэтажной.

Конечно, не Арбат, не Невский,
Венцы ума и вдохновенья,
Но дома я в Борисоглебске —
Родном и славном Черноземье.

г. Борисоглебск

Зоя Комарова

У РАЗРУШЕННОГО ХРАМА

У разрушенного храма постоять
И послушать, как поют колокола,
Те, которые давно успели снять,
Переплавить на какие-то дела...

У разрушенного храма нет дверей,
И слепые окна смотрят тяжело,
Нет крестов на куполах и нет людей,
Учинивших непростительное зло.

Но когда над храмом солнышко встает,
Лики Божьи проступают на стенах —
И выходит из алтарных из ворот
Тень согбенная — наверное, монах...

И неслышная молитва вверх плывет,
Где сияли в дни былые купола,

Тень согбенная Спасителя зовет,
Просит, чтобы оживил колокола!

Чтобы в небе прозвучал бы благовест,
Возрождая оскверненные места,
А над храмом воссиял бы снова крест —
Невозможно в мире храму без креста!

У разрушенного храма постоять
И послушать, как поют колокола,
Те, которые давно успели снять,
Переплавить на какие-то дела...

г. Борисоглебск

Дмитрий Гуляев

ДЕТИ ПИШУТ СТИХИ

В России опять катаклизмы,
Прогнозы ужасно плохи.
Реформы — оплот пессимизма.
...А дети — пишут стихи!

Кричат: «Свергнуть надо этих,
Поставить нужно других!
Пусть те за все ответят!»
...А дети — пишут стихи!

России пророчат кару
За выдуманные грехи,
За то, что такая, — задаром!
...А дети пишут стихи!

И чтоб ни творилось на свете,
Спасенье от всяких стихий —
В России хорошие дети
Писали и пишут стихи!

г. Борисоглебск

Михаил Кульков

УХОДЯЩАЯ ОСЕНЬ

Вечер слегка намазал тени на черный хлеб
И у березовой рощи судьбу встречал.
Тихий, старинный, спящий город Борисоглебск
Осень оставила — гаснущая свеча.
Сонное солнце ярко в нем золотит кресты,
Но источается тонкая связь с земным,

Ждут облака — зимою засланные сваты:
В красных рубахах, вниз головы наклонив.
Дымкой грядущих судеб взор умащен святых,
Праведной жизни век — истинно торжество.
Шлейф молока тумана кажется золотым
Лишь оттого, что осень...
Лишь оттого, что осень...
Лишь оттого, что осень вошла в него.

г. Санкт-Петербург

Наталья Миронова

ВО СЛАВУ БОРИСА И ГЛЕБА

Под простором российского неба,
На устах раскаленной земли,
Все во славу Бориса и Глеба
Поклониться сегодня пришли.

Славный, добрый, согретый веками,
Приглашенному каждому рад,
Отрывает врата перед нами
Над Вороной-рекою Князь-Град.

Путь соломенный выложен, светел
Ярким золотом русской земли.
Собираются взрослые, дети,
Что сегодня на праздник пришли.

Мастеров сувенирами полон
И талантом умельцев богат.
В новом облике праздничный город
И возникший, как в сказке, Князь-град

Всех собрал под раскатистым летом
Отдающих искусству поклон:
Театралов, певцов и поэтов —
Незнакомых и знатных имен!

Здесь сегодня ликует природа,
Перезвон над рекою дрожит,
И разносится песнь хороводов,
И так хочется, хочется жить!

И торжественность старого храма,
Куполов ослепительный блеск,
Город мой — старинный и славный,
Именуемый — Борисоглебск!

*пгт Грибановский
Воронежской области*

Татьяна Писклова,
*директор Борисоглебского филиала РИА «Воронеж»
(редактор газеты «Борисоглебский вестник»)*

ГОРОДОК ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ...

Борисоглебск — небольшой городок, компактный, расположенный на слиянии рек Ворона и Хопер, с двух сторон окружен хвойным лесом, а с третьей — многовековой дубравой: Теллермановским лесом, древесину из которого использовали для кораблестроения аж при Петре I.

Здесь есть все: природа в шаговой доступности, сетевые магазины и ярмарки со свежими домашними продуктами, вся линейка образования от детских садов до университетов, предприятия, учреждения культуры...

Благодаря ажурной деревянной надомной резьбе, которая украшает фасады старинных особняков, Борисоглебск можно назвать музеем под открытым небом.

Здесь, действительно, можно жить и наслаждаться жизнью — все для этого есть в полном достатке

МЕСТО ДЛЯ ЖИЗНИ

В последние годы Борисоглебск хорошеет на глазах. Идет активное благоустройство территорий для массового отдыха. В каждом микрорайоне города и в каждом селе появились зоны для семейного отдыха, а также спортивные объекты.

В городе на бывшем пустыре площадью в 44 гектара сейчас строят новый микрорайон — Восточный. Уникальность проекта в том, что параллельно с жилой застройкой комплексно возводят социальные объекты, то есть в новом микрорайоне сразу будет предусмотрена вся инфраструктура, в том числе и транспортная.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Борисоглебский округ уникален тем, что в его производственном секторе 60 процентов занимает промышленность. Она представлена нефтегазодобывающим машиностроением, горячим литьем, производством котлов. А трикотажная и швейная фабрики Борисоглебска дают 93 процента валовой продукции легкой промышленности в области. Также у нас работают два спецпредприятия.

Уголок современного Борисоглебска

Наши промышленники успешно действуют на российском рынке и совершенствуют производство. Например, на заводе нефтяного и газового оборудования на одном из сварочных участков внедрили роботизированные технологии. Продукция борисоглебских предприятий востребована в ближнем зарубежье, налажен ее экспорт в Казахстан и Беларусь.

На заводе, занимающимся чугунолитейным производством, работают с горячим литьем. Температура внутри индукционной печи достигает 1800 градусов, раскаленного металла при сливе — около 1500.

Швейная фабрика больше 20 лет работает на оборонную промышленность. Здесь производят то, во что полностью одевают военнослужащих — от нижнего белья, футболок, рубашек, перчаток до обмундирования и спецодежды.

Все это говорит о том, что в Борисоглебске есть престижные рабочие места.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

В Борисоглебском округе насчитывается почти 94 тысячи гектаров земель сельхозназначения, из них 88 тысяч гектаров составляет пашня. 15 процентов от общей площади — это пастбища и сенокосы.

Интересно, что, помимо традиционных культур, в округе выращивают и редкие. Совсем недалеко от города — в селах Миролубие, Танцырей, Третьяки, Петровское, Ульяновка, Губари — летом можно полюбоваться на нежно-голубые цветущие поля. Это плантации льна, которые редко встречаются в нашей области.

В округе работают девять перерабатывающих предприятий. Борисоглебские мясокомбинат и мясоконсервный комбинат находятся в тройке лидеров области по отгрузке продукции. А борисоглебская говяжья тушенка идет в госрезерв. Борисоглебская птицефабрика по производству яиц тоже занимает лидирующие позиции области.

Успешно развивается фермерство. Уроженец Борисоглебска, который постоянно приезжал на малую родину, несколько лет назад выкупил банкротящийся и не работающий до этого десятилетия мелькомбинат, усовершенствовал его и сейчас производит муку высшего качества из собственного зерна, которое также выращивает на Борисоглебской земле.

Цех завода Химмаш

Третьяковский маслозавод

На птицефабрике

Мясокомбинат

ОБРАЗОВАНИЕ

Борисоглебский округ — это единственный муниципалитет Воронежской области, где представлена вся линейка образовательных учреждений. Это детские сады, школы, организации дополнительного образования, техникумы и университеты. Также в Борисоглебске проходят обучение курсанты-летчики Краснодарского высшего военного авиационного училища.

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР

Наличие драматических театров в провинциальных малых городах России большая редкость. А в Борисоглебске драмтеатр в этом году открыл уже 86-й сезон. Зданию, в котором он располагается, — более сотни лет.

Борисоглебский драмтеатр не прекращал работу даже в годы Великой Отечественной войны. И в этот период там служил легендарный Всеволод Санаев — народный артист СССР.

5 декабря 1969 года на сцене Борисоглебского драматического театра состоялась премьера спектакля по пьесе Юлиана Семенова «Семнадцать мгновений весны». Штирлица сыграл служивший тогда в театре несколько лет 33-летний Александр Ульянов, будущий народный артист России.

Кстати, этот спектакль вышел на борисоглебской сцене за четыре года до всеобщей премьеры известного фильма. Да-да, легендарного Штирлица первыми увидели борисоглебцы!

Труппа в театре уникальна: все актеры с профессиональным образованием.

МУЗЕЙ

В 2023 году исполняется 110 лет со дня основания Борисоглебского историко-художественного музея. Само здание музея — объект культурного наследия.

Главная экспозиция музея «Сибирский коридор» посвящена князю Сергею Волконскому — писателю, критику, театроведу, педагогу, внуку декабриста Волконского по отцовской линии и потомку Ломоносова и Бенкендорфов по материнской линии. Есть экспозиция, посвященная купечеству, экспозиция «Борисоглебск. XX век. Начало...» о том, как в век бурного экономического развития страны жил наш уездный город. Популярен у посетителей зал археологии, а также зал оружия. Основой экспозиции стала коллекция, которую подарил родному городу генерал-лейтенант медицинской службы Константин Никанорович Павловский.

РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ

Борисоглебск имеет статус исторического города Воронежской области, музея под открытым небом. Гости восхищаются деревянной надомной резьбой, которая украшает фасады старинных особняков. Каждый наличник на окне — произведение искусства, шедевр мастера.

Во Всероссийском каталоге нематериального культурного наследия борисоглебская домовая резьба представлена как «уникальное явление градостроительства».

Чаще всего переплетения борисоглебской резьбы включают в себя растительные и геометрические элементы. Контуры и переходы не отличаются резкостью. Цветок это или звезда, ветка или крест, завиток или спираль, то и другое одновременно, или нечто третье? Все обусловлено особенностью пропильной резьбы, игрой ее внешних и внутренних контуров, а в солнечный день — игрой света и тени.

Максим Горький

КНИГА

Рассказ

**ГОРЬКИЙ — ЭТО КАК СССР,
ТОЛЬКО В ЛИТЕРАТУРЕ**

В Борисоглебске чтут память о пролетарском писателе Алексее Максимовиче Горьком.

В литературной летописи есть страница, которая в последние годы постепенно передается полузабвению, как и само творчество этого великого писателя, со дня рождения которого недавно минуло 155 лет. Касается это Максима Горького и связано с чисто идеологическим взглядом на его творчество. В советское время как основатель соцреализма он был самым издаваемым писателем в стране, а его творческий метод кропотливо изучали и осваивали литераторы, по меньшей мере, половины земного шара. А кто из старшего поколения не писал в свое время сочинений по его роману «Мать» или ранним романтическим рассказам о «Соколах», «Буревестниках» и смелом Данко?.. Нынче эти произведения в школьной программе по литературе на втором плане — и, само собой, современная молодежь почти не имеет представления о писателе, который на весь мир произнес слова, которые и сегодня нередко цитируются: «Человек — это звучит гордо!» Да и само писательское имя было быстро стерто в 90-х годах прошлого века в уго-

ду новым идеологическим штандартам: улица Горького в Москве стала Тверской, город Горький вновь преобразовался в Нижний Новгород...

И все же его писательская судьба представляется мне похожей на судьбу великого СССР, о котором ностальгирует население почти всех советских республик, очутившихся не совсем по своей воле независимыми государствами. Ведь все тогда голосовали за сохранение единой могучей державы. Так и Максим Горький — это как СССР, только в литературе. Кажется мне, что разумный читатель, наевшись постмодернистской словесной жвачки от нынешних, с позволения сказать, литераторов, снова вернется к настоящей, нравственной литературе, в том числе и к горьковским творениям, гениально отразившим российскую жизнь на сломе XIX–XX веков. Вернется — и увидит там не только «мерзости разлагающегося строя», но и писательскую мечту о «новом человеке» — свободном, умном, волевом и бесстрашном создателе справедливого общества. Это проза высочайшего ли-

тературного и интеллектуального качества. Ведь не случайно произведения Максима Горького пять (!) номинировались на Нобелевскую премию. Правда, не удостоился Горький этой премии. Опять же, по идеологической причине — писатель талантливый, но революционер-коммунист, безжалостный ниспровергатель старого строя.

Что касается Борисоглебска, то здесь память о Горьком чтут и хранят. Алеша Пешков с 11 лет начал «свои университеты», странствовал по стране и кем только не работал — посыльным в магазине, буфетчиком на пароходе, помощником пекаря и иконописца. После безуспешной попытки стать студентом Казанского университета и ареста из-за связи с марксистским кружком, будущий писатель оказался в провинциальном, мещанском и купеческом городке.

В летописи «Жизнь и творчество А.М. Горького» приводятся даты, подтверждающие пребывание Алексея Пешкова в Борисоглебске: «1888 год. Декабрь — переводится сторожем на товарную станцию Борисоглебск Грязе-Царицынской железной дороги. 1889 год, январь 6 — уезжает со станции Борисоглебск, в связи с переводом на станцию Крутую, ныне Воропаново». В литературных хрониках за 1928 год также приводится письмо М. Горького сталинградским краоведам: «На Крутую я был переведен зимой 89–90 годов со станции Борисоглебск, где заведовал починкой брезентов и мешков, руководил работой веселых казачек, которые работали очень лениво, но ловко воровали мешки для своих хозяйственных нужд и превосходно пели донские песни. Работали в открытом пакагаузе на холоде, со степи набегал резкий ветер, царапал бабам лица, точно рашипелем: мимо пакагауза двигались вагоны с хлебом, жмыхом, с подсолнечным маслом: пыхтели, посвистывали, маневрируя, паровозы, а казачки работали за 3 гривны в день...» А в мае 1929 года Алексей Максимович Горький в речи на Всесоюзном съезде железнодорожников вновь вспо-

Алексей Пешков. 1889 год

минал Борисоглебск, в частности жестокий произвол чинуш в Борисоглебских железнодорожных мастерских: «Я хорошо помню, как в Борисоглебске начальник движения Надеждин пришел в железнодорожные мастерские и, поглядев на человека, которого раздавили чем-то, сказал: “Вот сволочи, сами за собой не умеют смотреть”, повернулся и ушел. Это была надгробная речь человеку, которого я лично знал...»

В период своего пребывания в Борисоглебске Алексей Пешков также принимал деятельное участие в городском марксистском кружке. С целью конспирации кружковцы нередко собирались за пределами города, выезжали на станцию Сребряково. В одном из жандармских донесений того времени также сообщалось, что «неоднократно и весьма часто приезжали в слободу Михайловскую Василий Алабышев и Алексей Пешков из Борисоглебска». В.Я. Алабышев — бывший студент, исключенный из Казанского университета вместе с В.И. Ульяновым, организатор революционного кружка, в который входили служащие и рабочие железной дороги, находившиеся под надзором полиции, бывшие ссыльные. За Пешковым в Борисоглебске тоже был

установлен негласный полицейский надзор. А в свободное от работы время его часто видели в разных местах — в книжных лавках, на базарной площади, в чайной Федорова. В Борисоглебске будущий классик много читал, приобретая книги у местных интеллигентов, у бывших студентов, в книжных магазинах (в 1888–1989 гг. в городе было три писчебумажных магазина с книжными отделами).

Жил Алексей Пешков в доме у купчихи Юмашевой, где снимал маленькую комнату на втором этаже. Современный адрес этого дома — ул. Первомайская, 79. Был он построен во второй половине XIX века. Расположен на Привокзальной площади, обращен к ней главным южным фасадом. Долгое время в этом доме располагалась городская автостанция — до тех пор, пока не построили по соседству новую. Затем в 1990-х здесь открыли магазин. Потом здание было заброшено, пришло в запустение. И хотя на углу мемориальная доска гласила: *«Здесь с конца 1888 — нач. 1889 г. жил А.М. Пешков (Максим Горький) — русский писатель»*, казалось, и этот знак памяти вскоре канет в Лету. Однако в 2021 году по настоянию борисоглебских властей и культурного сообщества управление по охране объектов культурного наследия Воронежской области выдало разрешение на сохранение этого здания как объекта культур-

ного наследия регионального значения. Его отреставрируют.

Здесь же, на Привокзальной площади, 1 мая 1961 года был воздвигнут памятник Алексею Максимовичу Горькому. Какое-то время считалось, что авторство его утрачено. Но поисками краеведов было установлено, что памятник изготовлен по эскизам Г.М. Мордовина в Киевских художественных мастерских.

В честь великого русского писателя в 1928 году названа улица, расположенная между улицами Гоголевской и Кирова в бывшей Рабочей слободке. Горький много писал о рабочем классе, поэтому логично, что именно в Рабочей слободке новая улица получила имя великого пролетарского писателя.

Наиболее полно и детально эту тему раскрывает книга В.С. Потапова «А.М. Горький в Борисоглебске», которая была издана в г. Балашове в 1962 году и с которой нынче можно познакомиться на сайте Борисоглебской централизованной библиотечной системы.

Борисоглебские впечатления, его работа на соседних с городом станциях оставили большой след в жизни и творчестве писателя М. Горького и нашли отражение в рассказах «Сторож», «Скуки ради». А рассказ «Книга» мы сегодня предлагаем вниманию читателей.

Владимир НОВОСЕЛОВ

В парке, у стены маленькой старой дачи, среди сора, выметенного из комнат, я увидел растрепанную книгу; видимо, она лежала тут давно, под дождями осени, под снегом зимы, прикрытая рыжей хвоей и жухлым прошлогодним листом. Теперь, когда весеннее солнце высушило ее страницы, склеенные грязью, уже нельзя было прочитать, о чем говорят поблекшие линии букв.

Я пошевелил ее носком сапога и пошел дальше, думая о том, может быть, это — хорошая, сердечно написанная книга и немало людей, читая ее, волновались, спорили, учились думать; может быть, кого-то она оплодотворила новой мыслью и многих, в холодные часы одиночества, согрела своим теплом.

Мне вспомнилось, каким добрым другом была для меня книга во дни отрочества и юности, и особенно ярко встала в памяти жизнь на маленькой железнодорожной станции между Волгой и Доном.

Станция стояла в степи, скудно покрытой серыми былинками, в пустоте и тишине, нарушаемой зимою унылым пением снежных вьюг. Летом на станции ныли комары, в рыжей степи насмешливо и тихо свистели суслики, в небе, мутном от зноя, молча кружились коршуны и белые луни.

Бывало, смотришь с перрона в степь, над пустою землей, в свинцовой дали струится марево, на бугорках, около своих нор, стоят суслики, приложив к остреньким мордочкам ловкие передние лапки, точно молятся. А больше никого нет, — дышишь пустотою, и сердце жалобно сжимается от скуки.

Лишь изредка мохнатые чабаны, похожие на святых отшельников с картин, проведут с юга на север отару овец и в тишине степной взвываются их странные крики:

— Р-ря-о! Р-ря-у...

Подует ветер, осыплет станцию мелким горячим песком, принесет печальное клохтанье дрофы, свист грызунов, — и снова тихо, и жизнь кажется бесконечным сном.

Где-то, в степных балках, прятались казачьи хутора; позади станции, верст за пять, к Волге, прикурнула на неплодной земле деревня — Пески; оттуда к нам зимою приходили бойкие девицы очищать от снега станционные пути, а по ночам на станцию являлись их братья и отцы воровать щиты на топливо и товар из вагонов.

Особенно тяжело жилось в жаркие летние ночи; в тесных комнатах — нечем дышать, духота и комары не позволяют уснуть; все население станции вылезало на перрон и неприкаянно шлялось повсюду, заводя от скуки ссоры, раздражая дежурных воющими зевками, жалобами на бессоницу и нездоровье, нелепыми вопросами. По двору, точно лунатики, ходят женщины в белых одеждах, босые, с растрепанными волосами; курится костер, прикрытый сырым тальником; в безветренные ночи дым костра встает к небу серым столбом, не отгоняя комаров, — они рождаются в мертвых заводях Волги и тучами летят сюда, в сухую степь, на муку людям и на свою гибель.

В глухой тишине, далеко где-то и точно под землю, рождается тяжелый шорох, растет, окутывает станцию железным гулом; поют рельсы, трясутся лампы; кто-нибудь дремотно говорит:

— Тринадцатый идет...

На краю степи в черную кожу тьмы вонзился красный луч, ранил ночь: и по земле растекается влажное пятно света, напоминая кровь. Медленно приближаясь, луч двоится, и вот он стал похож на чьи-то желтые жуткие глаза, они дрожат в гневном возбуждении. — к трем домикам станции ползет из глубины ночи некое злое чудовище, угрожая гибелью. Знаешь, что это — товарный поезд, но хочется представить себе другое, хотя бы страшное, но другое.

Пассажирские поезда, пробегая мимо станции, только усиливают впечатление неподвижности жизни, углубляют сознание отрезанности от нее. Остановится поезд на минуту — из окон вагонов, как портреты из рам, смотрят на тебя какие-то люди; вспыхивают, точно искры в темноте, загадочные глаза женщин, трогая сердце теплыми лучами мимолетных улыбок.

Сердитый свисток — и в облаке пара поезд скользит дальше, лица люден в окнах вагонов странно искажаются, вытягиваясь вбок, все в одну сторону.

К этому мельканию жизни быстро привыкаешь; мимо тебя ежедневно проезжают одни и те же машинисты, кочегары, кондуктора; кажется, что и люди всегда одни и те же, — они стали неразличимы, точно комары.

На станции служило одиннадцать человек, четверо семейных. Все жили точно под стеклянным колпаком, о каждом было известно все, чего не нужно знать о человеке, и каждый знал обо всех остальных все, что хотел и не хотел знать. Все ходили друг перед другом словно голые; человек при первом удобном случае публично выворачивался наизнанку, понуждаемый скукой к нечистоплотным откровенностям и покаяниям.

Играли в карты, страшно пили водку, порою, обезумев от пьянства и тоски, поражали друг друга дикими выходками.

Однажды вечером сторож Крамаренко, молодой, красивый мужик, подошел под окно квартиры смазчика Егоршина, лысенького и богомольного старика, женатого на сироте-казачке, женщине большой и молчаливой, — подошел, раздался донага и стал орать в окно:

— Егоршин, выходи, собака! Выходи, раздевайся, пусть жена твоя видит, который лучше!

Казачка, стиравшая белье, выплеснула на грудь ему ковш кипятку; он завыл и убежал в степь, а Егоршин начал бить жену гаечным ключом. Люди отняли женщину, хотели отправить ее в город, в больницу, но казачка отказалась.

— Не надо, сама виновата, зачем ласково смотрела на него, — говорила она, лежа на дворе, обмотанная кровавыми тряпками, широко открыв синие глаза и облизывая губы маленьким языком.

И дважды спросила тихонько.

— Больно я его обварила?

— Ой, бесстыжая, — шептались женщины и девицы. Егоршин заперся в квартире и молился, стоя на коленях в луже мыльной воды. Люди смотрели на него в окно и ругали старика.

Утром на другой день Крамаренко взял расчет и пешком ушел со станции куда-то к Дону; шел он вдоль линии дороги странно прямо, высоко подняв голову, как солдат на параде.

А через несколько дней и Егоршин перевелся на другую станцию.

— Это, брат, не поможет тебе, — сказал ему Колтунов, помощник начальника станции, прощаясь с ним. — Тебе в землю надобно переводиться; от горя никуда, кроме как в землю!..

Это был странный человек — Петр Игнатьевич Колтунов. Всегда полупьяненький, болтливый, он, должно быть, имел какие-то свои догадки о жизни, но выражал их неясно, и даже казалось, что он не хочет быть понятым.

Сухонький, тощий, он постоянно встряхивал вихрастой, рыжей головой и, прикрывая серые глаза золотистыми ресницами, опрашивал нас — меня, весовщика станции, и товарища моего, телеграфиста Юдина, горбатого и злого:

— Какому богу служите, ребята, а? Потеха!

Или вопрошал сам себя:

— Разве я для того родился, чтобы меня комары ели?

Мы, я и телеграфист, часто и горячо говорили о будущем, он смеялся над нами:

— Потеха! Вы спросите меня: что будет через десять лет, в сей день и час? Я вам верно скажу: то же самое! А через двадцать пять? И тогда — то же самое...

Когда я с Юдиным начали читать Спенсера, он, послушав, спросил: — Англичанин?

— Да.

— Ну, значит, врет! Англичанин правду никогда не скажет.

И не стал слушать Спенсера.

Иногда Колтунова одолевали припадки нелепого упрямства: он крутил пальцами обгрызенные усы и тоненьким, нервным голосом настойчиво старался убедить нас, что «Пан Твардовский» написан лучше «Фауста», а Тургенев — барышничал лошадьми. Или кричал, высоко взмахивая правой рукою:

— Все наши писатели — не русские: Пушкин — сын араба, Жуковский — турчанки, Лермонтов — англичанин! А которые русские, так они все — незаконнорожденные...

Он был сын священника из Тургайской области, учился в Тамбовской семинарии.

— Выучился водку пить, — пошел в университет, в Казань, — рассказывал он, и его серые глаза уныло зеленели. — В нетрезвом состоянии души надел профессорову шубу, шапку и пропил сию арматуру. Потеха! Ну, мне предложили освободить университет. Ушел, лет пять присматривался к разным делам и незаметно очутился женат. С того времени — стоп машина!

Жена ушла от него; он жил с дочерью, шестилетней рыженькой девочкой, спокойной и серьезной, как взрослый человек. Ее бледное, неподвижное личико словно пряталось в золоте кудрей, темные глазки смотрели на все сосредоточенно, улыбалась она редко. Все население станции любило ее какою-то особенной любовью, боязливой и осторожной; мужчины при ней тише ругались, женщины ставили ее в пример своим детям.

— Смотри, вон какая Верочка смирененькая да аккуратная...

Отец звал дочь по имени и отчеству — Вера Петровна; он относился к ней непонятно — с любопытством и как будто с боязнью, за которою скрывалась враждебность.

...По тесным путям станции маневрирует локомотив, входит поезд с Дона или Волги, а Вера Петровна, в белом платочке на золотых кудрях, не спеша идет через рельсы; между локомотивами мелькают ее тонкие ножки в красных нитяных чулках. Она идет в скупую степь собирать бедные цветы, бегать за сусликами с таловым прутом в руке.

Отец следит за нею из окна станции или с перрона и кусает усы, прикрыв золотыми ресницами воспаленные глаза.

— Запретить бы ей ходить по путям, — говорят ему.

Но он равнодушно отвечает:

— Ничего, она — осторожная...

Смотришь, бывало, как она одиноко расхаживает по пустой земле, за версту от станции, кланяясь редким цветам и травам, и все больше не нравятся ее отец, станции, люди — вся эта скучная, полусонная жизнь.

Не раз по ночам она прибегала ко мне, окутанная с головы до ног большой серой шалью, похожая на летучую мышь, и говорила торопливо, но спокойно:

— Иди, отец опять назююкался до смерти!

Схватив ее на руки, я бежал на квартиру Колтунова.

Он валялся на полу синий, со вздувшимся лицом, вытаращенными глазами, похожий на утопленника. Несколько капель нашатырного спир-

та с водою, влитые ему в горло, оживляли его, он мычал, а девочка убийственно спокойно спрашивала:

— Еще не до смерти?

И, садясь на пол, у головы отца, гладила его рукою по шершавой щеке, приговаривая:

— Ах, какая пьяница несчастная!..

Юдин, любивший девочку больше, чем другие, мечтал:

— Если бы у меня была мать или какая-нибудь дуреха согласилась бы выйти замуж за горбатого, я бы выпросил Верочку себе. Зачем она Колтунову?

Он был зол, дерзок, склонен к пессимизму, но где-то в глубине его души теплились тоска о лучшей жизни и нежное сострадание к людям.

— Как жалко всех! — вздыхал он иногда, ночью, во время дежурства, когда мы, прочитав какую-нибудь книгу, говорили о ней. — Как жалко людей!..

Это чувство он бесплодно тратил на уход за пьяными и больными, на примирение семейных ссор и на убедительные письма товарищам своим, телеграфистам линии. Одному он советовал жениться, другому — играть на скрипке, третьего уговаривал идти в колонию толстовцев.

Когда я немножко смеялся над ним за это, он резко возражал:

— А что делать? Что можно делать в этой рыбьей жизни?!

Мы оба были страстными любителями чтения, мы читали книги с ненасытной жадностью, день и ночь, в свободные часы. Книги были для нас просветами в мир действительной жизни из мира мертвой пустоты.

Но очень быстро мы проглотили все книги, какие нашлись на шести станциях между Волгой и Доном, и вот наступила для нас полоса духовного голода, — муки его знакомы только тем, кто жил в пустотах нашей страны, задыхался в густой скуке ее равнин. Нечем жить, — это, кажется, самое жуткое ощущение, испытанное мною.

Долго маялись мы в поисках хороших книг, но не находили ничего, кроме романов Окрейца, старой «Нивы» и тому подобной нищеты.

Колтунов издевался над нами:

— Что, ребята, издыхаете? Потеха!

И однажды, сжалившись, предложил:

— У меня в Калаче знакомый есть, он выписывает журнал. Хотите — попрошу?

Мы стали умолять его; он, посмеявшись, согласился, и через несколько дней кондуктор пассажирского поезда вручил Колтунову пакет и письмо.

— Вот он, журнал! — сказал Колтунов, победоносно взмахнув пакетом, но, прочитав письмо, закусил усы, оглянулся и, сунув пакет под мышку, плотно прижал его локтем.

— Ну, давай сюда, — попросил Юдин, радостно улыбаясь большим ртом.

Колтунов приподнял плечи и тоном начальника заявил:

— Успеешь, не лезь!

Юдин удивился, отступил на шаг; они были приятелями, и Колтунов никогда не говорил так грубо.

— Я схлопотал — мне и читать первому, а вы — после! — добавил Колтунов сухо и сердито.

Это и меня обидело: раньше читали вслух, все вместе, или читал тот, у кого было свободное время. Книгу держали всегда на виду, в телеграфной.

— Ты что форсишь? — спросил Юдин, а Колтунов ответил еще более сердито:

— Отстань! Я хочу читать для отдыха души, и не для спора да вздора. Читать надо молча, а вы рассуждаете: отчего так, зачем не этак! Надоело мне это! Я хочу один читать, — и убирайтесь к черту!

Он запер книгу в ящик своего стола и до конца дежурства не разговаривал с нами, гневно озираясь, слоено испуганный чем-то. Когда он, кончив дежурство, уходил к себе, Юдин сказал ему:

— Ляжешь спать, положи книгу на видном месте, я зайду, возьму ее...

Он не ответил, только усмехнулся.

Около полуночи Юдин предложил мне:

— Пойди-ка, возьми книжку, он, наверное, дрыхнет уже.

Днем часа полтора непрерывно хлестал обильный дождь, затем снова на вымытом небе явилось знойное солнце, щедро согрело землю, — теперь в степи было темно и душно, как в бане. Среди черных туч, в глубоких синих ямах, тускло светились золотые звезды, — в эту ночь все они казались угасающими. Предо мною, как бы указывая путь, прыгала лягушка; вдали гудел поезд; с водокачки доносилась тихая песня кочегара-еврея, косоглазого человека, с печальной улыбкой на красных губах, — кажется, ничто не могло стереть эту улыбку с его острого смуглого лица. Из окна квартиры Колтунова изливался желтый свет, падал на землю, показывал в темноте штабель шпал и тонкий ствол тополя. Сквозь кисею, натянутую в раме окна, я видел Колтунова: он сидел за столом в ночном белье, облокотясь, согнувшись, запустив пальцы в рыжие волосы. Его острый небритый подбородок судорожно вздрагивал, и на книгу, лежавшую между локтями, капали слезы, — при свете лампы было хорошо видно, как они падали одна за другою, — мне казалось, что я слышу мокрые удары о бумагу. Нехорошо видеть человека, когда он плачет...

Кроме лампы, на столе стояла едва початая бутылка водки и тарелка с куском соленого арбуза. В плетеном кресле спала девочка, свернувшись калачиком; лицо ее было сплошь закрыто кудрями, виден только рот, удивленно открытый. Глубже в комнате было так же темно, как в степи, а освещенное пространство напоминало пещеру в черной горе.

Колтунов выпрямился, посмотрел в окно. Его незначительное лицо, обтаяв в слезах, казалось еще меньше и незначительнее. Вот он поднял книгу над лампой и стал сушить слезы; посушив и потрогав пальцем страницу, снова качает книгу над огнем, а из глаз его все катятся слезы, застревая в усах.

Я ушел встречать поезд и, встретив, сказал Юдину:

— Не спит, все еще читает...

— Скотина! — ворчал телеграфист, выстукивая отправление, — Приятель! Все мы приятели до первого вкусного куска.

Перед рассветом я снова стоял под окном, разглядывая сквозь кисею маленького рыжего человечка. Он, должно быть, спал; голова опустилась на грудь, руки бессильно лежали на коленях, Лампа погашена, но горит свеча в медном подсвечнике, золотое копые огня двукратно отражается в стекле бутылки, — водки не убавилось. Комната еще темнее, чем была прежде, девочки нет в кресле, а закрытая книга лежит на углу стола, близко к подоконнику.

Я тихонько прорвал кисею, просунул руку в дыру. Колтунов вскочил на ноги, схватил подсвечник, размахнулся и заорал диким голосом:

— Прочь! Убью!

Свеча погасла, но я все-таки видел незнакомое, искаженное лицо, тотчас утонувшее во мраке.

Через минуту он спокойно и грубо спросил:

— Это кто?

— Я за книгой.

— Не дам...

Я постоял под окном еще минуту, глядя в степь, на восток. Там, за тучами, всходило солнце; на желтом пятне зари маячил маленький черный всадник; по земле за ним серым облаком ползла отара овец.

Все это — знакомо, все это было. Как хорошо смотреть в книгу и видеть перед собою другую жизнь!..

Дня четыре Колтунов дразнил нас книгой: принесет ее на станцию и читает один, а когда мы попросим — издевается:

— Встаньте на колени — дам!

Юдин увещевал его:

— Дурак, вспомни, сколько мы давали тебе книг!

— Ну, так что.

— Ты читал же с нами?

— Вставай на колени!

Он был противен и жалок, он сам, видимо, чувствовал это и, наперекор себе, все более упрямо дразнил нас. Читает и время от времени надает разные восклицания.

— Потеха! Вот как!

Эти словечки еще более распалили наше любопытство, нашу жажду познакомиться с книгой. Мы так невзлюбили его, что даже на девочку перенесли чувство, вызванное ее отцом. И, когда она, любимая, подбежала к нам, мы холодно отстраняли ее, надеясь хоть этим досадить ее отцу.

Я до сего дня помню, с каким недоумением смотрели на меня и Юдина темные глазки девочки, как вздрагивал, в улыбке огорчения, ее алый рот, похожий на цветок.

И Колтунов видел это. Но он только усмехался и дергал себя за усы нервным движением руки.

— Хочется почитать, мальчишки? — спрашивал он, пряча книгу в стол. — А я не дам...

— Ударю я его, — грозил Юдин, задыхаясь и бледнея. — Вот что: книгу эту не брать у него, хоть и даст, — не брать! Ладно?

Я соглашался:

— Ладно.

— Даешь слово?

— Даю.

Смешно вспомнить об этом теперь, но в те дни я искренно страдал и боялся чего-то, потому что в груди порою вскипала такая ненависть к человеку, что от нее кружилась голова и перед глазами мелькали красные пятна.

Вся станция видела, что мы, трое друзей, поссорились, все слышали, как Колтунов издевался над: нами, все чего-то ждали от нас и что-то внушали нам, безмолвно, пытливыми взглядами, усмешками.

Кончилось это очень просто: утром Колтунов пришел на дежурство, бросил журнал Юдину и сказал;

— На, читай...

Телеграфист схватил книгу на лету и тотчас молча воткнул большой нос в оглавление.

Ночью я читал вслух Юдину незначительный рассказ о том, как хорошая женщина ушла от дурного мужа на работу для общества, для мира, — читал и думал:

«Над этим, что ли, плакал Колтунов?»

Вдруг он ввалился в дверь и заорал, цепляясь руками за косяки:

— Н-не смей читать!

Ноги у него подгибались, он был безобразно пьян и дико таращил красные, мокрые глаза.

— Н-не смей... Никто не понимает ничего... и те, кто пишут, и все...

Опустился на пол, протягивая нам руки и вскрикивая:

— Молчать!.. Не читать!..

А в двери, за его спиной, стояла маленькая девочка, Вера Петровна, в расстегнутом платье, сползавшем с плеч, босая и встрепанная, — ее рыжие кудри поднимались вверх, как пламя, — стояла и тусклым голосом спрашивала:

— Зачем вы его обидели?

Надежда Мананникова

МИР ДЕТСТВА ЮРИЯ ТРЕТЬЯКОВА

(Писатель учит ребят любви к малой родине)

К акими качествами должен обладать писатель, чтобы отнести его к разряду детских писателей? Алла Борисовна Ботникова, доктор филологических наук, профессор ВГУ, во вступительной статье к книге Ю.Ф. Третьякова «Рыцари Березовой улицы» писала: «Для этого нужны особые качества. Надо самому хоть в некоторой степени сохранить в себе ребенка с его способностью каждый раз как бы впервые видеть явления мира, удивляться им, замечать необычное в примелькавшемся и повседневном».

Нет сомнения в том, что наш земляк Юрий Третьяков — детский писатель. Его книги написаны с очень точным, проникновенным пониманием детской психологии, без излишних описаний земли, неба, которые подросток быстро пропускает в поисках действия, сюжетной линии, хода авторской мысли.

Внимание Юрия Третьякова к детству вызвано теми же причинами, которые заставляли многих писателей пристально вглядываться в важнейший период в жизни человека. В этом возрасте формируется человеческая личность. В детстве закладывается социальная и нравственная основа, которая сделает его добрым, отзывчивым, или же превратит в равнодушного эгоиста и стяжателя.

Третьяков любил детей, и в обширной галерее героев его книг почти невозможно найти отрицательных персонажей.

Во всех его книгах в той или иной степени присутствуют выдумка, фантазия, мечта — неотъемлемые элементы духовной жизни ребенка и подростка. Но есть в них и другое, не менее важное для читателя: в них рассматривается вопрос о взаимоотношении мира взрослых и мира детей. Его герои с полной ответственностью за порученное дело сгребают сено, ухаживают за маленькой сестренкой, занимаются санитарной рубкой леса, добывают корм для больных поросят...

Тонко знающий и понимающий детей, Третьяков большое значение придает юмору как важнейшему свойству полноценного человеческого характера. Каждый нормальный ребенок восприимчив ко всему смешному. «Отчаянно отбиваясь руками и здоровой ногой, Лаптяня взвыл на всю Гусиновку. И тут Глеб подскочил к свинье и вцепился в ее грязный волосатый хвост, крича девчачьим голосом: — Пошел, пошел! Брысь! — потому что не знал, как правильно гоняют свиней. Он оглянулся в поисках какого-нибудь оружия, схватил Музыкантову трубу

и ударил свинью по лбу, причем труба издала такой звонкий и приятный звук, какого от нее никогда и не слыживали... Подоспевшие Гусь и Мишаня подняли Лаптяню, поставили на ноги и начали заботливо осматривать, не нанесла ли ему свинья каких увечий. Лаптяня, бледный и чумазый, в пыли и курином помете, никак не мог прийти в себя и все озирался: — Куда костыли подевали, гады? В это время Комар принес костыли...» Повесть «Толстый мальчишка Глеб» и сейчас пленяет читателя тем неподдельным и живым интересом, с каким писатель всматривается в жизнь своих героев.

Юмор в авторской речи служит средством раскрытия отношения героя книги или же ее автора ко многим описываемым явлениям и людям. В повести «Вася-капиталист» Юрий Федорович описывает случай: «Пионеры Васиного звена должны следить, чтобы все ребята из этого дома не пропускали уроков, как недавно, когда целая орава испугалась контрольной работы и организованно отправилась в лес как место наиболее подходящее для людей, вынужденных почему-либо скрываться. Вася и сам чуть было не ушел с ними — не потому, что боялся контрольной, а просто захотелось подснежники посмотреть. Только в последнюю минуту победила сознательность, и Вася не пошел».

В каждом маленьком персонаже любой книги Ю.Ф. Третьякова мы увидим черты ребят реальных, озорных, частенько грубоватых, не всегда способных устоять перед многочисленными соблазнами, дразнящих своих сверстников. Они все разные, каждый обладает своим характером, привычками, языком. В произведениях точно и достоверно описана реальная жизнь деревенских школьников. У детского писателя есть цикл рассказов «Ничья собака», «Андрейкин амфибрахий», «Парадокс Зенона», «Ископаемое», главным героем которых является Андрейка — мальчишка из села Шапкино. О том, насколько увлекателен и близок этот детский мир каждому читателю, свидетельствуют, к примеру, вот эти сюжеты из рассказов **Юрия Федоровича ТРЕТЬЯКОВА** под названием **«ЭЛЕКТРОСИГНАЛЫ» НА СОРНЯКАХ**, повествующие о том, как городские ребята попали на сельские работы.

Юрий Третьяков

1

Шурка знать ничего не хотел: он шел на ходулях!

Это происходило во дворе дома № 25 по Электросигнальному переулку. А с высоты Шурка мог даже видеть, что делается в соседнем дворе, — такие это были громадные, невиданные ходули! Всякие мелкие ребяташки, побросав свои дела, бежали отовсюду, чтобы насладиться великолепным зрелищем: вот Шурка идет на ходулях! В раскрытом окне третьего этажа самый несчастный во дворе мальчик Боря, по прозвищу Жиртрест, которого никуда не пускали без мамы, свесился вниз, одной рукой вцепившись в подоконник, другой отчаянно отбиваясь от кого-то невидимого, пытавшегося затащить его обратно в комнату.

Шурка чувствовал себя как космонавт. Глядя на зрителей сверху вниз, он кричал:

— Уйди! С дороги!

И это было только начало. Все каникулы Шурка решил посвятить хождению на ходулях. Может, он и вовсе отвыкнет ходить на ногах — будет только на ходулях!

На скамеечке возле одного подъезда сидел степенный краснощекий мальчишка, грыз семечки и плевал шелуху в кулак. Это была нелюбимая во дворе личность по прозвищу Осел. Он хоть и приехал недавно из деревни, но никого не боялся и обо всем говорил: «Это что! Вот у нас, в Верхнем Оселке...» За это его и прозвали — Осел.

И сейчас, когда Шурка с ним поравнялся, он выплюнул шелуху и громко сказал:

— Подумаешь! У нас, в Верхнем Оселке...

Так как руки и ноги были у Шурки заняты ходулями, он только и смог сделать, что плюнул на Осла, но не доплюнул. Осел тотчас тоже плюнул и тоже, конечно, не доплюнул. Куда ему!

А Шурка пошел дальше.

Он миновал молодой сад, который этой весной жильцы посадили во дворе, площадки с песком, деревянные грибы и беседки для малышей.

Ребята постарше — Шуркины друзья — предпочитали собираться за сараем, где были свалены старые ящики, бревна и обрезки досок.

Они и сейчас находились там. Это была грозная дружная сила, известная в округе как «электросигналы»: Калина, Никуля, Лелик и Ерш — все из одного класса.

Футболист Калина сидел в своем синем свитере и бутсах на ящике, свесив руки, как отдыхающий боксер. Никуля полулежал на бревне. Лелик на корточках наблюдал какую-то букашку, ползущую по своим делам, он был натуралист. А трудыга и мастер на все руки Ерш обстругивал палку для метлы, которую он пообещал дворничихе.

Шурка появился из-за угла, как привидение, и произнес шипящим хриплым голосом, каким, по его мнению, должны разговаривать привидения:

— А в-вы ш-ш-што тут...

Но ни у кого особенного восторга его появление не вызвало. Один только Ерш встал, зачем-то пощупал ходули и опять сел.

— Вот и он! — сказал Никуля. — Ну как?

— Никак! — ответил обиженный Шурка. — Что «как»?

— Ты уже знаешь?

— Ничего я не знаю! — сказал Шурка, переступая все время, чтобы не упасть. — Включу вот сейчас свои ходули и пойду до самого вон того дома!

— Он не знает? — изумился Никуля. — Нас же в колхоз посылают! И тебя!

Шурка, не удержав равновесия, рухнул на землю.

— Чего врешь!

— Верно, верно! Да спроси! — показал Никуля на остальных электросигналов, и те молча кивнули.

— А зачем?

— Мы ж шефы! Ты ж сам, помнишь, голосовал?

Шурка вспомнил: верно, голосовал...

— Я думал, это так...

— Вот тебе и так!

— А может, я не хочу?

— Мало ли что! — сказал Калина. — Теперь уже нельзя не хотеть. Голосовал ведь! Все едем.

— Ну раз все, то ладно, — согласился Шурка, вздохнув. — Только что мы там будем делать? Я это пахать-сеять не умею... И коров этих самых не то, что боюсь, а как-то не люблю... Потому что неизвестно, что у нее в голове... Вот лошадей —

люблю! Знаешь черную лошадь, в булочную хлеб привозит? Я на ней верхом сидел даже... один раз! А в колхозе я сяду на какую-нибудь и — поскачу!

Эта мысль пришлась электросигналам по душе.

— Пожалуй, и я поскачу... — задумчиво сказал Лелик.

— И я! — откликнулся Ерш.

— Все поскачем! — радостно закричал Калина.

— Так вам и дадут скакать! — охладил их радость зловредный Никуля. — Работать заставят, а скакать у них самих много желающих найдется.

— А что там надо работать? — поинтересовался Шурка.

— Полоть! — объяснил Ерш со знанием дела. — Сорняки, траву то есть, дергать. Сильно она у них там выросла.

— У них выросла, а мы ее дергай... — усмехнулся Никуля. — На наш двор, когда мы деревья сажали, небось не пришли помогать, а мы иди... Давайте не поедем?

— Давайте! — сразу согласился Шурка.

— Не поедем! — воскликнул Калина.

— Пускай их сорняки растут, хоть до самого неба! — сказал Лелик. — Нам какое дело!

— А вообще-то, — сказал Ерш, любуясь законченной ручкой для метлы, — что такого — траву дергать? Даже интересно! Я эту траву могу дергать хоть целый день! Поедем, поможем им, чтоб они не плакали...

— Ну, ехать так ехать... — равнодушно согласились электросигналы.

— Чуть-чуть для смеха поработаем, — сказал Никуля. — А потом найдем, чем заняться. Будем по ночам не спать, никто не запретит, — не спи хоть целый месяц. Разводить костры, воровать с огородов всякий горох, морковь. Таскать за рога козлят, баранов...

— А если деревенские пацаны начнут задиаться, — сказал Калина, — отлупим их так, что они завоюют у нас на всю деревню!

— И пускай дают нам меду, — продолжал Никуля, — каждому по большой тарелке... А как же! Раз мы приехали им помогать — нечего жаться. А то соберем свое барахло и — домой! Мы не навязывались... А вообще кто-нибудь был в деревне?

— Я нет.

— Я тоже.

— А на даче считается?

— На даче не считается!

— Ну, тогда и я не был.

Никуля вдруг хлопнул себя по лбу:

— Эх, самое главное забыл! А куда мы едем, знаете? В Верхний Оселок, откуда наш Осел приехал!

— Он там на лавочке сидит! — обрадовался Шурка. — Пошли у него разузнаем чего-нибудь!

Увидев приближающихся электросигналов, Осел встал и поглядел на подъезд.

— Не бойся! — крикнули ему. — Не тронем! Одну вещь надо узнать.

Упорный, задиристый Осел опять сел и пренебрежительно сказал:

— Загрозили! Боялся я, как же... Ждите!

Хитрый Никуля, подмигивая электросигналам, начал разговор:

— Видал у Шурки какие ходули? У вас, в Верхнем Оселке, таких больших, наверное...

— Ху-у! — сразу встрепенулся Осел. — Да у нас имеются в два раз поболее! У нас... У нас любой ходит на ходулях с малолетства! У нас ребята...

— Какие уж у вас и ребята... — подкачивал Никуля.
 — У нас? У нас ребята — будь спокоен! Все ребята удалые, поудалей будут и меня!
 — А что, если поедем поглядим? — спросил Шурка.
 — Давай ехай! — горячился Осел. — Там тебе шею сразу намылят! Там тебе любой как даст — ты и хвост откинешь! Там народ трудовой!
 — Да что там... Ни речки у вас там нет, ни леса...
 — Как нету? — Осел от возмущения начал заикаться. — Почем ты знаешь? Ты там был? Там не речка, ручей называется — Журавлиха, так получше разов в сто будет вашей реки Заржавой! Да еще пруд какой! Такого пруда тебе и во сне не приснится!
 — Хорошо там?
 — А то нет! Тут что? Скука. А там — мирово!
 — А ослы у вас там есть? — спросил Шурка.
 — А то... — начал было Осел, но спохватился, умолк и вдруг, стуча по асфальту сапогами, как копытами, побежал в подъезд. Через минуту он появился на своем балконе и запел издевательским голосом:
 — Шурей-бурей продал курей за сто рублей! Хе-хе! Хе-хе! Хе-хе!
 При этом он приплясывал и кривлялся. Пропев свой куплет раз пять, он скрылся, довольный.
 — Наверное, все они там так же... — сказал Калина. — Одичали в своем Верхнем Оселке. Дергают, дергают свою траву, а потом возьмут да и одичают! Но ничего, мы им покажем!..

2

С самого начала дело пошло не так, как ожидалось. Среди мальчишек и девочек, толпившихся на школьном дворе, электросигналы не нашли ни одного знакомого: все был народ из первой смены да из младших классов, а учительница, которая должна была сопровождать школьников в колхоз, была незнакомая, электросигналам она сразу не понравилась.

— Ну и ладно! — сказал Шурка, вертя свой портфель, где вместе с кое-какими продуктами лежали самые необходимые в деревенской жизни предметы: рогатка, театральный бинокль, крючки и книга «Справочник следопыта». — Пошкодничает там немного и убежим куда-нибудь в леса дня на три...

Правда, в кузове автомашины электросигналы заняли лучшее место — прямо за кабиной, где от борта до борта лежала доска, как скамейка, но интересного в дороге ничего не случилось. Да и сама дорога оказалась до обидного короткой.

Проехали городские домики, и началось поле. Оно до самого горизонта было чем-то засеяно — не то пшеницей, не то коноплей. По посевам летали обыкновенные вороны. Только один раз ребята увидели двух больших зеленых птиц. Они сидели на проводах, потом взлетели и начали играть и кувыркаться в воздухе.

— Сизоворонки, — сказала учительница, но электросигналы ей не поверили.

Через полчаса опять завиднелись крыши, и машина въехала на улицу, застроенную обыкновенными одноэтажными домиками, каких полно в городе. Только стояли они на большом расстоянии друг от друга, между ними были сады, огороды и везде стояли скворечники, где один, а где два и три.

— Вот и приехали! — сказала учительница, когда машина остановилась у кирпичного, крытого черепицей большого дома с вывеской: «Клуб».

— Как, уже? — удивился Шурка. — Это и есть Оселок?

— Ну да.

— Ну и Оселок! — разочарованно сказал Никуля и шепотом добавил: — А! Все равно убежать.

Учительница пошла в клуб, а Шурка достал из портфеля рогатку и выпрыгнул из кузова.

— Ты куда? — спросил Калина.

— Пойти подстрелить парочку воробьев себе на ужин, — небрежно сказал Шурка и заглянул в ворота клубного двора.

Так и есть: целая туча воробьев расклеивала там навоз. Только Шурка стал к ним подкрадываться, они вспорхнули и полетели дальше, за длинный сарай. Шурка прошел за ними. Там стояла пустая легковая машина, и среди двора красовался маленький мальчишка в трусах. Глядя на свою тень, он на все лады примерял новую военную фуражку с красным околышем и блестящим козырьком. Фуражка была ему велика, сползала на уши и никак не могла надеться набекрень, как хотел мальчишка. Шурка поднял с земли тяжелую зеленую сливу, вложил ее в рогатку, несильно стрельнул мальчишке в голую спину, а сам присел за машиной, острожно выглядывая: что будет делать мальчишка? А тот пощупал себя между лопатками, долго оглядывался по сторонам, заметил сливу, поднял ее, помял, даже надкусил. Потом, отшвырнув сливу в сторону, опять начал озираться и вдруг увидел Шурку, неосторожно высунувшегося из-за легковой машины. Только тогда мальчишка наморщил лицо и заревел, да так здорово, что откуда-то прибежали еще двое мальчишек, ростом с Шурку. Мальчишка, заливаясь настоящими слезами, показал на Шурку, и Шурка, не дожидаясь, что будет дальше, побежал обратно к грузовику. Там все, кроме электросигналов, таскали свои пожитки в клуб, а возле машины разговаривал с Зоей Ивановной какой-то дядька с чапаевскими усами.

— Давай залезай! — крикнул Шурке Никуля, — Сейчас поедем!

— Куда?

— На клин!

— На какой клин?

— В самые дебри! — ликовали электросигналы.

— Неужели нельзя разместить всех в одном месте? — пожимала плечами учительница. — Как же они там будут без надзора?

— Они не маленькие, — сказал дядька с чапаевскими усами. — Да и мы тоже. Верно я говорю? — подмигнул он электросигналам.

— Точно! — заорали электросигналы. — Даешь клин!

Учительница опять пожалала плечами, дядька махнул рукой, и машина поехала.

— Какой это клин? — спросил Шурка.

— А кто его знает... Этот дядька говорит — в клубе разместить всех нельзя, а но клину требуются ребята. В сене будем жить, понял?

...Это оказалось длинным, с двумя дверями сараем, крытом соломой. Напротив сарая стояли пустая телега и бочка на колесах. Вся земля вокруг была запорошена соломой. Пахло конюшней и еще чем-то хорошим — настоящим деревенским. А кругом были огороды. Огороды такие же, как на пришкольном участке, только в тысячу раз больше — куда ни глянь, одни огороды. Только где-то на горизонте что-то синело, какие-то кустики. Да рядом в зеленой травке протекал тоненький, как нитка, ручей.

Возле сарая стоял старик в рваной телогрейке — точный дед Штукарь. Машина уехала, а ребята молча глядели на него, ожидая, что дед сейчас должен сказать что-нибудь смешное. Но дед протянул Лелику корявую черную руку:

— Ну, здравствуешь!..

— Здравсте... — смутился Лелик.

Дед поздоровался с каждым за руку, а Калину потряс за плечо:

— Молодец! Крепкий паренек!
Калина выпятил грудь и отошел, молодецки поводя плечами.
Никуля решил поговорить с дедом на деревенском языке:
— Ну, как урожай? — спросил он. — Зеленья ничего?
Дед захохотал:
— Ничего, ничего! Добрые!
— Дедушка, а где у вас протекает Журавлиха? — спросил Шурка.
— А вот, — дед показал на ручей.
— А лес где?
— У нас не лес, а вырубка. Во-он синеет, — дед кивнул в сторону кустиков на горизонте.
— А настоящий, большой?
— Один у нас! Больше никакого! Ну, тащи свои пожитки. За мной.
Дед открыл одну дверь сарая. Сарай был до половины забит сеном.
— Вот тут определено ваше местожительство. Упаси бог курить сигарки, сгорим все.
В сарае было прохладно. Где-то под кровлей чирикали и пищали воробьи. За стеной лошадь жевала и фыркала.
Тем временем солнце уже спустилось до самого горизонта. Небо в той стороне было красное.
— Опять заря красная, — покачал головой дед. — Снова дождика не будет, ах ты...
— А зачем он нужен? — удивился Никуля.
— Как же не нужен? — в свою очередь удивился дед. — Дождик-то?
— Конечно! — сказал Никуля. — Будет грязь.
Дед остолбенело глянул на Никулю.
— Смотрю я на тебя, большой ты парень, ловкий, а дурачок. Как же без дождика, а посохнет все, ты это думал?
Никуля отошел и тихо сказал Шурке:
— Пускай дождик лучше пойдет, когда нас здесь не будет. Тоже дед хитрый. А я в тапочках.
Остальные злектросигналы допытывались у деда:
— А там лошадь?
— А в ночное мы поедем?
— Дедушка, а где записывают в ночное?
Дед равнодушно сказал:
— У нас в ночное не ездют. Давно. У нас в хозяйстве две лошади. Лошади старые, находятся на стойловом содержании...
— А посмотреть можно?
— А то что ж...
Дед растворил другую дверь, и ребята с любопытством заглянули внутрь. Там стояла лошадь с длинной, какой-то вытертой шерстью.
— Ну и лошадь! — сказал Никуля. — Какая-то горбатая...
Дед укоризненно и строго глянул через плечо:
— Ты состаришься, тоже будешь горбатый. Я молодой был — молодец, вот почище его, — он кивнул на Калину. — А сейчас хоть в утиль списывай, как устарелую технику... А конь старый, давно пенсию заслужил, его жалеют... И вы с ним не озоруйте. Нехорошо.
Шурка все больше разочаровывался: речки нет, леса нет, скакать не на чем. Наврал все Осел.
Дед сказал:
— Харч вам положен с завтрашнего дня, а пока ешьте у кого что есть свое!

- А костер можно развести?
- Валяйте. Только чтоб пожару не наделать!

Шурка немного ожил: ну, раз приехали, хоть у костра посидеть! — и побежал собирать щепочки.

Запылал костер. Шурка достал из своего рюкзака куски колбасы, насадил на палочку и сунул в огонь. Огонь облизал колбасу, она зашипела, затрещала, сразу покрылась копотью. Шурка вынул ее, попробовал: очень здорово, хоть и горчит. Но зато даже не похожа вкусом на колбасу! Глядя на него, остальные ребята тоже начали печь: кто колбасу, кто хлеб, кто сыр...

Стемнело. Дед тоже сидел у костра на полене и сшивал какой-то ремень. Ерш присматривался и вел с дедом разговор:

- И я так умею!
- Ну?
- Умею! Вы думаете, не сумею?
- Да брось.

Никуля, таинственно появившись откуда-то из темноты, на минуту отозвал Ерша.

— Мы сейчас пойдем на разведку. Я и Лелик... Пойдем как будто спать, а сами обследуем, какая у них тут картошка, морковка растет. Тут горох есть! А вы деда заговаривайте...

— Ладно, — сказал Ерш.

Он отошел к догорающему костру, и Шурка, лежа в сарае на шуршащем сене, услышал его голос:

— Дедушка, вы б какую-нибудь сказку рассказали...

Сено не было душистым, как ожидал Шурка, пожалуй, от него даже пахло пылью. За стеной фыркала и равнодушно жевала лошаадь, а снаружи в открытую дверь доносился голос деда:

— Значит, пошли они, кобель и медведь, вместе. Глядь, навстречу им жеребец. Медведь давай землю лапами рыть, а сам спрашивает: «Кобель, кобель?» — «Чего?» — «Глянь на меня — глаза красные?» Кобель говорит: «Красные!» Медведь еще сердитее землю рвет: «А что — шерсть взъерошилась?» — «Взъерошилась!» — «А хвост поднялся?» — «Поднялся!» Тут медведь налетел на жеребца — в клочки порвал!

Калина захохотал. Видно, сказка ему нравилась.

...Проснулся Шурка оттого, что кто-то толкал его в бок.

— Шурка... слышишь?... Шурк...

— Чего? — спросонья не понял Шурка.

— На. — Никуля сунул ему в руку что-то мокрое.

— Что это?

— Морковки!

Шурка, не открывая глаза, сжевал зеленые, горькие, все в песке хвостики моркови и опять заснул под шепот Никули и Калины.

— Ну и морковь! — говорил Калина. — Мелкая какая, она бы большая выросла!..

— Так тогда нас здесь уже не будет! — отвечал Никуля. — Были б яблоки, за яблоками б полезли. А то зачем же мы ехали?

Когда Шурка открыл глаза, было уже совсем светло. Очень громко чирикали воробьи — все разом. Видно, они отдохнули за ночь и сейчас старались вовсю. Электросигналы спали или делали вид, что спят, потому что снаружи дед разговаривал с учительницей.

— Без всякого сомнения! — говорил дед, — Все будет в порядке. Ребята они смирные. Я за ними присмотрю.

— Так я буду на вас надеяться, — сказала учительница и, видимо, ушла.

Шурка подождал немного, отряхнул куртку и вышел из сарая. Солнце только еще вставало и было такое красное, что смотри на него сколько хочешь простым глазом. Трава была сплошь покрыта росой, даже на вид холодной.

Поднимался синий дымок от костра, над которым висело закопченное ведро. В ведре что-то булькало и бурлило.

Дед сидел на чурбаке и ковырял свой ремень.

— С добрым утром! — сказал Шурка. Дед подумал и ответил:

— И вас также... Встаете, значит? Валяй, валяй! Вон уже каша всем готова. Только ты вот что... Иди-ка сядь сюда. Чего скажу.

Шурка с опаской присел на краешек чурбака, догадываясь, о чем скажет дед.

— Тут учительница ваша приходила. Я уж ей не стал жаловаться, но только это не дело — по ночам морковку топтать. Это как называется? Озорство, больше ничего. За вас совестно. Ай вы зеленой морковки не видали? Да я вам спелой принесу. Хоть ведро — ешьте...

— Это не мы...

— Брось... Так вот и передай своим друзьям.

Шурка пошел в сарай. Оказалось, что электросигналы все проснулись и с интересом глядели на Шурку.

— Ну как? — спросил Никуля.

— Подъем! — сказал Шурка. — Старик уже кашу сварил.

— Уже сварил! — обрадовался Калина. — Это хорошо! Молодец дед! О чем вы с ним толковали?

— За морковь ругается, — сказал Шурка. — Говорит, наверное, моркови в жизни не видали, голодные... Обещал сегодня нам принести полное ведро, чтоб мы могли наесться хоть раз в жизни.

— А зачем она нам, — буркнул Калина. — Я ее не люблю. Особенно, когда она еще не выросла...

— А чего ж вы ее рвали? — спросил Шурка.

— А как же? — удивился Никуля. — Мы ж договаривались, чтоб все рвать: картошку там, морковку... Я ее не люблю... Только раз договаривались, ничего не поделаешь.

— Давайте сегодня день получше поработаем, чтоб дед не обижался за морковь! — предложил Ерш. — Прополем ему его огород. Сколько мы там сорвали — пустяк! Еще вырастет. Поработаем, значит, сегодня?

Пока они ели кашу, явился вчерашний дядька с чапаевскими усами. Он нес на плече шесть тяпок.

— Налетай! — сказал он, свалив их на землю. — Бери по штуке! Это вам орудия производства. Сейчас я вас разведу по местам. Айда за мной! Один останется тут — деду помогать!

— Я могу остаться! — сразу вызвался Никуля. Остальные ребята разобрали тяпки и пошли за дядькой по огороду. Везде росли одни помидоры. Шурке, да и остальным, никогда не приходилось видеть столько помидоров в одном месте. Вообще это были довольно жалкие, вялые кустики. Зато сорная трава, окружавшая их, как видно, чувствовала себя превосходно. Сколько ее было! И мелкая травка, и ромашка, и какие-то неизвестные цветочки, и высокие колючие кусты с широкими листьями, ростом Шурке до пояса, во все стороны топырили свои ветки. Кое-где, далеко друг от друга, ковырялись деревенские мальчики с тяпками.

Они миновали грязный заросший пруд. Это, наверное, и был тот самый пруд, которым хвастался Осел.

Первый деревенский мальчишка, к которому подошли электросигналы, был тот самый, кто вчера хотел погнаться за Шуркой. Он выпрямился, отер локтем лоб и с любопытством, как показалось Шурке, поглядел на Шурку.

— Идут дела? — спросил дядька. Мальчишка кивнул.

— Получай себе подручного, ну вот хоть бы его, — дядька легонько подтолкнул Шурку в плечо.

— Я хочу, чтоб... — начал Шурка, но дядька его оборвал:

— Не на базаре! Хочешь работать — работай, а не торгуйся... Пошли дальше! И Шурка остался вдвоем с мальчишкой.

Они некоторое время постояли молча, стараясь не глядеть друг на друга. Чтоб дальше так не стоять, Шурка схватил рукой за макушку самый большой куст и дернул. Но куст, крепкий, как веревка, и не думал выдергиваться. Шурка схватил куст покрепче и сморщился: в ладонь впились мелкие невидимые колючки.

— Это ж осот! — быстро сказал мальчишка. — Его не выдернешь! Его надо вот так!

Мальчишка ударил тяпкой под корень, и куст сразу повалился. Мальчишка, улыбаясь, оглянулся на Шурку — зла он, видно, не помнил.

— Готов! А вот этот? — нацелился он на другой куст. — Стоишь? А мы тебя вот так! Ага! Не любишь? А ты — ишь какой вырос! Готов!

— Правильно, — сказал Шурка. — А то, глянь, как они, гады, разрослись. Все помидоры через них повяли.

— А мы потом польем! — бодро сказал мальчишка. — Они у нас зазеленеют!

Шурка облюбовал куст осота и срубил его с одного удара. Потом второй, потом третий... Выходило не хуже, чем у деревенского! И тот одобрил:

— Можешь! Всего десять рядов надо нам пройти! Один я уже прошел!

Ряды помидоров были такие длинные, что даже конца их не виднелось.

— Много так? — ужаснулся Шурка.

— Чего много? — с удивлением спросил мальчишка, — Это много? Разве это много? Как начнем!

И он набросился на сорняки так, что они не успевали валиться. Шурка пошел по другому ряду, стараясь не отставать. Однако тягаться с мальчишкой он не мог. Мальчишка очень скоро далеко его обогнал. Он иногда оглядывался на Шурку, кивал ему или помахивал рукой и опять врбался в сорняковую гущу. «Задаётся, — подумал Шурка. — Конечно, если этим все время заниматься...» Но, дойдя до конца своего ряда — конец появился неожиданно, — он перешел на Шуркин ряд и пошел ему навстречу. Когда они сошлись, мальчишка изобразил на лице радость по поводу встречи и протянул ладошку:

— Здрасьте!

Шурка подумал, что мальчишка ничего, хороший.

— Я тебе буду помогать, — сказал мальчишка, — пока ты совсем не привыкнешь. А раз мы с тобой закончили по ряду, имеем право окунуться в пруду. Бежим!

И мальчишка побежал вперед, взбрыкивая, как жеребенок. Одновременно он чмокал губами, изображая цоканье копыт, и подхлестывал себя по ногам хворостинкой.

Вода в пруду была теплая, а дно заросло какими-то мягкими травами. Ребята разделись и залезли по шею. Побарахтавшись в воде, мальчишка вылез и гордо спросил:

— Ну как, здорово? Мировое ведь место наш Верхний Оселок?

Шурка сразу вспомнил про Осла, хотел было расспросить про него, но мальчишка, на ходу одеваясь, уже бежал обратно:

— Поскакали! Осталось всего семь разов. А потом — обед!

Солнце поднималось все выше и выше. Шурка давно бросил где-то рубашку, и жаркие лучи прямо-таки пронзали его спину. Сам же Шурка, забыв про все,

богатырски сокрушал сорняки. Кусты осота валились у него почти с одного удара, а про мелкую травку и говорить не стоило! Плохо только, что лицо все время заливало потом — самый что ни на есть горячий воздух собирался как раз вокруг лица. И никакого ветерка не было, чтоб его сдунуть, а обтирать лицо было некогда — Шурка старался не отстать от мальчишки.

И вот наконец последний ряд был пройден! Шурка с удовольствием оглядывал поле битвы, усеянное трупами сорняков, почти не слушая мальчишку, который деловито говорил:

— Значит, так... Сейчас обед: мы — дома, а вас там дед спрашивает!.. А солнышко начнет садиться, возьмемся за поливку! Лады? Ух ты! Наши уже глянь — потянулись! Да и ваши тоже! Ну, я побежал!

4

Так приятно было отдыхать, что и разговаривать не хотелось. Электросигналы лежали в тени сарая. Шурка разглядывал свои ладони с неизвестно откуда взявшимися пузырями.

— Ого, мозоли появляются, — похвалился он, — интересные какие...

Лелик сравнил его мозоли со своими и позавидовал:

— Скажи! А у меня какие-то маленькие... Почему так?

— Значит, ты работал хуже.

— Ладно, успею еще, — успокоил себя Лелик. — Через денек у меня побольше будут.

— Через какой денек? — забеспокоился Никуля. — Мы ж сегодня вечером смываемся?

Электросигналы промолчали. Например, Шурке почему-то уже не очень хотелось «смываться».

Калина, щупая поясницу, сказал, ни к кому не обращаясь:

— Ишь, пояс больно... Видно, какие-то мускулы у меня недоразвиты. Мелкие какие-нибудь... Придется еще работать, чтоб они до конца доразвились.

— И у меня! — обрадовался Шурка. — Я, пожалуй, тоже поработаю.

— А мне дед обещал показать, как плести из хвороста корзинку, — соврал Ерш. — Пока не научусь, никуда отсюда не уйду.

— Так договаривались же... — заныл Никуля. — А теперь врете. Думаете, я не понимаю? Поясница, корзинка... Просто боитесь. Нанялись эти помидоры полоть...

— А хоть бы и помидоры! — сказал Ерш. — Люди трудились, сажали их, а они засохнут. Их тут тыщи штук!

— Они что — твой? Наняли тебя?

— Мало ли что! — вдруг со злобой обернулся к нему Калина. — Не нанялись, а надо помочь! А кому захочу, всегда помогу! Когда у тебя с пацанами из второго подъезда чего-то там вышло, я за тебя заступился? А что я с этого имел? Только что губу мне разбили.

— Так я свой. А тут деревенские. Еще сам собирался их лупить...

— Мало ли что! Если всех лупить, надо тысячи рук иметь: одни деревенские, другие из второго подъезда, третьи так... Они нам ничего плохого не сделали... Подумают — какие одичалые приехали. Хочешь — лупи сам! Только я за тебя заступаться не буду! И вообще — нечего тебе тут сачковать! Дед без тебя обойдется! С завтрашнего дня — со всеми на работу!

Никуля сразу умолк, потому что с разозленным Калиной шутки были плохи!

Жара спадала. Тень от сарая делалась все длинней и длинней.

Явились деревенские ребята. Каждый нес по два ведра и по две кружки.

Шуркин знакомый еще издали улыбался Шурке;

— Опять вместе будем?

— Давай! — кивнул Шурка, забирая у него ведро.

Они черпали воду из глубоких ямок. Ямки были выкопаны по берегу пруда и соединены с прудом канавками. Сколько из них ни черпай воду — ее не убавлялось. Грязноватая теплая вода пахла тиной. В ней плавали крошечные лягушата. Они то и дело попадали в ведро. Шурка вынимал их, и лягушата спешили обратно в ямку. Наверное, там был их дом.

Под каждый помидор полагалось вылить кружку воды. Земля жадно, с шорохом пила воду. А под землей ее с нетерпением ожидали корни. Шурке было приятно, что больные от жажды кустики помидоров наконец-то напьются! И никакой жадный осот уже не может отнять их порцию воды.

Одно было плохо: Шурка таскал и таскал воду — ведро за ведром, — десять напившихся кустиков, сорок, шестьдесят... Все равно политый участок оставался очень маленьким рядом с неполитым.

Сойдясь с мальчишкой возле ямки, Шурка спросил:

— У тебя уже сколько? У меня сто десять!

— А я не считаю, — сказал мальчишка. — Чего их считать? Ты просто поливай, и все. Они сами потом сочтутся.

Шурка так и сделал. Он даже перестал лягушат вылавливать, тем более что они прекрасно находили дорогу домой. И верно: политый участок стал расти быстрее, зато и ходить за водой к ямке приходилось все дальше.

Когда уже совсем смерклось и стало прохладно, особенно когда вода выплескивалась из ведра на босые ноги, Шурку явился проведать Ерш. Он стремительно вышагивал, размахивая руками, зато мальчишка, который работал вместе с ним, еле плелся и, подойдя, сразу сел на землю.

— Ну, как? — справился Ерш у Шурки. — Кончаешь, нет? А мы уже свой добились участок! Так это что! Завтра попрошу, чтоб дали раза так в два побольше! А то руки-ноги у меня только расходились, а он и весь! Видно, придется вам помочь, а то будете вы тут копошиться до завтрашнего утра! Поможем им, Кирыч? — обратился он к замученному спутнику.

— Ну что ж... можно, — уныло пробормотал Кирыч.

— Нечего нам помогать, — сказал Шурка. — Мы и сами справимся.

— Они справятся! — сразу оживился Кирыч. — Ничего. Они, глянь, сила!

— Жалко! — вздохнул Ерш. — Главное, руки-ноги у меня разошлись! А когда они разойдутся, остановить их бывает трудновато. Да. Порядком придется потрудиться, чтоб они успокоились, такое уж у них устройство, ничего не поделаешь... Ну, пошли, Кирыч!

А Шурка со своим мальчишкой поливали до тех пор, пока совсем стемнело и помидоров стало не видно. Тогда они пошли домой.

И тут Шурка опять вспомнил про Осла:

— А у нас во дворе один ваш живет...

Шедший впереди мальчишка так быстро обернулся к Шурке, что они чуть не столкнулись лбами.

— Василий? Так это ж наш Васья! Неужели? А? Ты скажи! Нет, ты правду? Как же так? Он же вас все время в письмах описывает!

— Как описывает? — осторожно спросил Шурка.

— Да по-всякому! Вчера еще письмо прислал. Пишет, там Шурка какой-то на ходулях его учит ходить! Есть там такой?

— Есть... Как раз я сам...

Мальчишка от восторга затопал ногами.

— Не, ты правду? Вот так так! Значит, учишь?

— Учу... Пока он просто... Присматривается... Но скоро, пожалуй, начнем практику проходить.

— Дела! Ну, дела! — восторгался мальчишка. — Он пишет... Сильно вы его там уважаете?

— А что? — уклончиво сказал Шурка. — Отчего не уважать? Ничего он плохого не делал...

Прощаясь с Шуркой на развилке тропки, мальчишка все радовался:

— Расскажу ребятам — вот удивятся! Ну, удивятся! Завтра же я к тебе его брата приведу. В какого ты из рогатки-то стрелял — его брат! Хо-хо! А ты знаешь еще что? Меня тоже Шуркой звать! Здорово?

Электросигналы уже лежали в сарае, но не спали, хохотали над чем-то. Дед и неутомимый Ерш возле костра подшивали ремень сразу с двух концов. Ерш что-то рассказывал деду.

— Ужин твой вон в ведре. Ешь прямо оттуда. Наши уже поужинали и спать легли. Слышишь, хохочут? Это они так спят. И я спать не могу: все еще руки мои никак не могут остановиться. А ты знаешь, что Никуля смылся? Вот жлоб.

— Может, он и вправду захворал, — сказал, посмеиваясь, дед. — Говорят, живот схватило... Машина была попутная, чего не взять? Да и то сказать: баба с возу — кобыле легче... Ну и как же, — обратился он к Ершу, — стало быть, спрятался он в дереве, а тигра что?

— А тигр всегда приходит доедать, чего не доел, обязательно.

— Ах ты, мать честная! — удивился дед.

Шурка жадно ел прямо из ведра свой ужин. Ерш горячо рассказывал:

— Охотник-то, понимаете, сидит себе в дупле, и тигр достать его оттуда не может!..

— Ловко! — хлопал себя по коленкам дед.

* * *

На другой день солнца не было. Оно только чуть просвечивало сквозь серую пелену, покрывавшую небо.

И это было хорошо: полоть не жарко! А неполотого оставалось порядочно. Поэтому электросигналы явились на работу даже раньше деревенских. Шурка и припомнить не мог — спал он или нет: казалось, только закрыл глаза, и вот уже надо вставать.

За завтраком Шурка рассказал ребятам про Осла.

— Будем знать, — сказал Калина. — А вообще мы его и не трогали. А теперь и вовсе не будем.

Сначала у Шурки все болело, особенно больно было нагибаться, но постепенная боль стала проходить и часа через два совсем прошла.

Деревенский Шурка привел с собой того самого маленького мальчишку в военной фуражке — Ослова брата. Мальчишка сразу же проникся к Шурке уважением и начал помогать — собирал сорняки в кучу, шнырял по участку проворно, как мышь. Фуражку он не снимал, хоть она и причиняла ему громадные неудобства, сползая то на нос, то на затылок. И когда, закончив к середине дня прополку, деревенские и электросигналы собрались вместе на влажной бархатной травке у пруда, мальчишка этот сидел в центре, как именинник, и упивался разговором про своего столь известного везде брата.

— Так в вашем доме и живет? — допытывались деревенские.

— Да. Только в другом подъезде.

— Ну, и как он там?

— Нормально... — выкручивались электросигналы, — Он парень такой... безвредный...

— Да ну? — удивлялись деревенские. — А здесь он как озоровал. Всегда у него голова была пробита: то он с дерева падает, то с крыши, то еще откуда...

— И у меня голова была пробита! — бахвалился младший брат. — Вот тут. Только сейчас все уже прошло. На меня горка с посудой упала. Рассказать, как она падала? Ну, можно я расскажу? Расскажу-у-у!

Рассказать про это событие ему не пришлось. Куда-то исчезнувшие было Ерш и Кирыч принесли большой старый бредень.

— Дед дал! — радостно объявили они. — Велел наловить карасей в пруду. На обед нам! Ура!

...Оступаясь и завязая, а иногда окунаясь с головой. Ерш и Кирыч шли с бреднем, а остальные толпой валили по берегу следом.

Никто не заметил, откуда появилась на берегу учительница, приехавшая сюда вместе с электросигналами.

— Что это такое? — закричала она. — Что я вижу? Немедленно вылезти из болота! Вы утонете! Слышите? Вы слышите меня?

— Слышим! — откликнулся Ерш и обратился к Кирычу. — Давай держи ближе к тем кустам, там самая должна быть рыба... Так я и утонул...

— Немедленно вылезать! Мы едем домой!

— Почему домой? — удивились электросигналы.

— Бюро прогнозов сообщило, что начинаются дожди!

— Эх! — вздохнул Калина. — Вечно эти дожди, когда не нужно!

После долгой торговли Ерш все-таки согласился вылезти из пруда, и ребята с учительницей пошли по тропинке к сараю, где издали виднелась крытая брезентом машина. Первые редкие капли дождя застучали по земле.

— Эх, жалко, что рано вы уезжаете! — сказал Шурке его тезка.

— А мы еще приедем! — пообещал Шурка. — Вот посмотришь!

Ерш, смекнувший, что его за непослушание могут в другой раз не взять в колхоз, пошел на хитрость.

— А ведь и правда я мог утонуть! — обратился он к учительнице. — Это вы правильно сказали...

Учительница обрадовалась:

— Вот видишь! Это — болото, трясины. Может засосать!

— Верно! — охотно согласился Ерш. — Когда мы сюда в другой раз приедем, больше я в это болото не полезу. Чего в нем хорошего? Одна грязь. Мы ведь еще будем приезжать?

— Посмотрим, — сказала учительница.

...Все деревенские, стоя под дождем, который все усиливался, махали руками вслед машине, увозившей электросигналов обратно в город.

* * *

Дождь шел всю ночь. Утром он ненадолго перестал, и проглянуло солнце. На неровном асфальте стояли лужи, и сам асфальт блестел. В остальном все в городе было по-старому, будто Шурка никуда и не уезжал.

Только за сараем, куда Шурка пришел повидаться с друзьями, среди электросигналов восседал довольный Осел и разглагольствовал:

— Чего и толковать — теперь и сами видали! Поискать надо такого хорошего пруда, как у нас в Верхнем Оселке... Своими глазами видали теперь, какой он есть...

Вслед за Шуркой подошел Никуля. Вид у него был такой, будто ничего не случилось.

— А! Ты все Оселком своим хвалишься? — обратился он к сразу замолкнувшему Ослу. — Видали мы его! Ну-ка, подставляй спину, я на тебе разок проеду!

Осел осторожно оглядывался по сторонам. Калина встал с ящика.

— Подожди! — сказал он Никуле. — А может, он на тебе хочет проехать? Ты тут отдохнул, сил набрался, пока мы работали... Ну-ка, подставляй ты спину! Васек, садись на него!

— Да вы что? — отступил Никуля. — Шутите, что ли?

— Не шутим, — сказал Калина. — Значит, не хочешь? — Он чуть подтянул рукава свитера и, царапнув бутсой доску, обернулся к Ершу:

— Ерш, а Ерш? Что — глаза у меня покраснели?

— Покраснели! — радостно подхватил Ерш. Никуля еще попятился.

— А шерсть взъерошилась? — продолжал Калина.

— Взъерошилась! — воскликнул Шурка, вспомнив дедову сказку.

— А что хвост...

Никуля повернулся и быстро пошел прочь. Калина опять сел на ящик и обратился к Ослу:

— Давай рассказывай, Васек, дальше...

— А чего рассказывать? — ухмылялся Васек, бывший Осел. — В общем, такого хорошего Оселка ни в каком другом месте не найдешь...

Электросигналы слушали его с удовольствием. В общем, он все верно говорил.

* * *

Тамара Тимофеевна Давыденко, которая была постоянным редактором книг Третьякова, вышедших в зональном Центрально-Черноземном книжном издательстве, вспоминала, что ее первое знакомство с автором произошло в 1960-м году. Начальство обвиняло автора в слишком вольном обращении со словом. При описании забавных приключений деревенских ребятишек его персонажи использовали употребляемые в быту слова и выражения, наподобие «идеть», «куда», «щас как врежу». Теперь мы понимаем, что эти слова и придавали особую самобытность повествованию.

Третьяков считал, что всякий ребенок — личность положительная и ему свойственно тянуться ко всему положительному.

Юрий Федорович убежден, что для человека природа — основной, главный источник красоты. Понимание этой красоты, умение радоваться краскам неба, свежей зелени леса, разноголосому хору его обитателей и отличает человека, как существо разумное и созидающее. Природа, ее краски, запахи и звуки входят в книги Третьякова естественно и просто, как главнейшее условие человеческого существования. «И деревнями ехали, и полями ехали, свернули в высокий лес, где машина долго переваливалась на узких дорогах с борта на борт, как корабль на волнах, наконец, выехали на светлый зеленый берег прямо к сверкающему сквозь деревья водному раздолью и остановились: Синичка! Выгрузились на мысу, поросшем густой травой по колено. Там же росли развесистые дубы, а по самому берегу наклонились к воде старые ветлы. На той стороне густой таинственный лес стоял стеной и отражался в реке, широкой и такой тихой, что течение было почти не заметно, а возле мыса, в таинственном заливе, вода — прямо черная, по ней белые кувшинки растут, деревья отражаются лучше, чем в зеркале, а внизу, в глубине, прячутся разные рыбы — дожидаются, чтоб их поймали».

Маленькие герои его книг учатся понимать красоту родного края с той же непосредственностью, с какой научились говорить, читать, осмысливать окружающее. В повести «Дикая жизнь в лесу», когда ребята узнали, что их запасы украли водяная крыса, Глеб не допустил расправы над ней: «Они тут все — и мыши, и осы — жили-поживали, а мы явились и давай всех убивать, да? У крысы тут нора, дом, может, ей тоже неприятно, что мы приехали, шумим тут...»

Прозаик месяцами сидел дома, работал, иногда ездил в Воронеж. Прожитые в Борисоглебске годы были самыми плодотворными. За свою недолгую жизнь Третьяков написал двадцать книг повестей и рассказов. В своем творчестве он отражал время, в котором жил: 60-70-е годы прошлого столетия. Прежде чем создать образ героя или эпизодического персонажа, изобразить любую ситуацию, писателю необходимо точно знать, как это выглядит, он внутренне вылепляет — до самых мельчайших деталей — то, что у него появится на страницах книги. Включив воображение, читатель сможет найти на страницах книг нашего земляка родной и любимый сердцу уголок. Прочитав повесть «Рыцари Березовой улицы», мы можем предположить, что Третьяков описал улицу, на которой жил, — Дубровинскую: «Это была не какая-нибудь ровная скучная улица — она спускалась вниз горой. А внизу были огороды, и, когда шли дожди, тек ручей, который вполне мог заменить речку, хотя, конечно, ни рыб, ни лягушек там не водилось, а купаться было нельзя: вода грязная. За ручьем опять шли огороды, снова поднималась в гору улица, но уже другая, называемая Козий бугор...» Недалеко от третьяковского дома, который сохранился до настоящего времени, стоит трансформаторная будка: «...с тремя железными дверьми (одна наверху, туда вела железная лесенка, и две внизу — каждая отдельно). Но хоть и была она отключена от сети, так как новая линия электропередачи прошла по другой улице, двери были как-то хитро закрыты изнутри, и залезть туда не было никакой возможности».

Все места, которые знал Юрий Третьяков, нашли отражение в его произведениях. В той же повести автор упоминает городской парк культуры и отдыха: «В парке уже играла радиолка, и весь он был заполнен детворой... Сначала пойдем прокатимся на карусели. Там вчера коней устанавливали: рыжих, вороных, в яблоках; ну и лодки для всяких маленьких...» Герои ходят в краеведческий музей: «...Один раз с пользой я время провел: сходил в краеведческий музей. Билет там стоит только две копейки... Там чучело волка — вот громадное!.. Там даже моя денежка есть, где выставлены старинные деньги. Я ее вам покажу!»

«— Теперь в кино! Там “Цветик-самочетик” — мультфильм. Это вам еще больше понравится... Возле дощатого здания летнего кинотеатра, где еще шел первый сеанс, Кот опять поразил Сеньку и Алешу своей осведомленностью. Он послушал через стенку музыку и голоса, доносившиеся с экрана изнутри, и определил: — Скоро конец...».

Третьяков упоминает истинные мальчишечьи места: «— На аэродром обязательно сходим! Посмотрим, как всякие самолеты приземляются. Я могу целый день смотреть. Там, который дядька флажки на поле ставит, гоняет всех пацанов. Сам, крокодил, целый день смотрит, а другим — нельзя! Я бы всех пускал! Что тут такого? Только туда надо ехать на автобусе...»

Полная коллекция книг Юрия Федоровича бережно хранится в фонде детской библиотеки города Борисоглебска, которая носит его имя с 2011 года. С целью популяризации творчества писателя-земляка сотрудники библиотеки организуют конкурсы, викторины, акции, проводят экскурсии, литературные праздники, беседы. По итогам конкурсов изданы сборники творческих работ юных авторов «Пестрый мир», «Раскрытые в детстве страницы». В читальном зале оформлена постоянно действующая выставка о жизни и творчестве Третьякова. На встречах с детьми сотрудники учреждения культуры подчеркивают, что творчество писателя связано с родным городом, с воспоминаниями борисоглебского детства.

Рукописи Третьякова ждали не только в Центрально-Черноземном, но и в столичных издательствах. По мотивам его рассказов на Одесской киностудии в 1974 году снят художественный фильм «Голубой патруль». Наряду с книгами Юрия Сотникова и Виктора Драгунского, произведения Юрия Третьякова прочно вошли в круг чтения нашего маленького современника.

Галина Владимировна Аксенова родилась в Москве. Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Института истории и политики (федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет»). Автор ряда научно-популярных книг, монографий и биографий русских художников, многих учебно-методических и научных работ. Немало ее работ посвящено жизни и творчеству уроженца Борисоглебска художнику А.П. Рябушкину.

Галина Аксенова

КРАСОТА ИНОЙ ДАЛЕКОЙ ЖИЗНИ

(Живописец Андрей Петрович Рябушкин — уроженец земли Борисоглебской)

Самобытный русский живописец Андрей Петрович Рябушкин (1861–1904), уроженец Борисоглебской земли, своими художественными работами стремился донести до современников традиционные национальные ценности и создавал с помощью средств живописи положительный идеал. Формируя «культ прошлого»¹, он смог воспеть «красоту иной далекой жизни, жизни, противостоящей суетности, стяжательству, пошлости современности»². Он смог связать современность с историей. Вот почему бытовой жанр в его книжно-иллюстративной графике и живописных полотнах «потерял свой бытовизм»³. При разговоре о творческом наследии А.П. Рябушкина нельзя не согласиться с мнением, высказанным более 100 лет назад его другом и первым биографом А.К. Воскресенским: друзьям и потомкам тот «успел оставить мир, который нашел в своей душе среди воспоминаний о русском прошлом»⁴. В творчестве А.П. Рябушкина отразилась одна из важнейших граней многосложного явления, называемого русским национальным духом.

Наследие художника огромно и разнообразно: станковая и монументальная живопись, акварели, рисунки, этюды и книжная графика.

Самыми известными стали его исторические полотна, посвященные русской истории XVII в. Это «Сидение о делах царя Михаила Федоровича с боярами в его государевой комнате» (1892–1893), «Московская улица XVII века в праздничный день» (1895), «Семья купца в XVII веке» (1896), «Русские женщины XVII столетия в церкви» (1899), «Свадебный поезд в Москве» (1901), «Московская девушка XVII века» (1903).

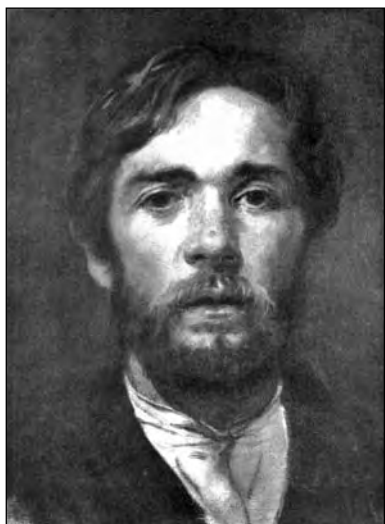
Говоря о значении творчества А.П. Рябушкина, критик С.К. Маковский писал, что «его неровное, но большое дарование дает ему право на почетное место в семье современных русских мастеров»⁵. Работы художника хранятся в крупнейших музеях России и стран Ближнего Зарубежья, в частных коллекциях, представлены на постоянных экспозициях и украшают тематические выставки⁶. Собрание рисунков из 295 единиц⁷ находится в архивном фонде писателя и либреттиста И.Ф. Тюменева (1855–1927)⁸. Книги с иллюстрациями, выполненными А.П. Рябушкиным, можно найти практически во всех библиотеках. Монументальные работы сохранились в двух Санкт-петербургских храмах: в храме Спаса на Крови⁹ и в консерваторской церкви¹⁰.

Андрей Петрович Рябушкин родился в селе Станичная Слобода Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, учился в Москве и Санкт-Петербурге, долгие годы жил в усадьбах своих друзей — Приволье и Дидвино — и был похоронен у церкви Николая Чудотворца в селе Добром¹¹. Андрей Рябушкин никогда не покидал Россию (за исключением нескольких месяцев в конце жизни, когда уехал на лечение в Швейцарию). Не случайно в статье, посвященной своему другу, И.Ф. Тюменев писал, что художник «всецело посвятил себя своей родине»¹². А А.К. Воскресенский особо отмечал, что «все помыслы А.П. Рябушкина были направлены в сторону русской старины, русского быта и психологии русского крестьянина, все идеалы его были чисто русские»¹³. Села и деревни Тамбовской губернии, Рязанщина, Новгород, Поволжье, Москва, Русский Север стали частью его творческой жизни¹⁴.

При жизни живописные полотна А.П. Рябушкина, представлявшие русскую историю и российскую повседневность, нередко экспонировались, но не состоялось ни одной персональной выставки. Попрощавшись с художником, проводив его в последний путь и обустроив могилу, друзья и почитатели таланта начали работу по исполнению его «заветной мечты»¹⁵ — подготовку к проведению посмертной «отдельной»¹⁶ выставки, по возможности, наиболее полной, «из всего, что только удалось бы собрать»¹⁷. Это событие и стало **первым шагом** в процессе мемориализации — увековечивания памяти блистательного и тонкого русского живописца и графика.

Выставка, на которой представили публике 257 произведений, состоялась в 1912 г. в залах Императорской Академии Художеств¹⁸. К ее открытию увидели свет книга А.К. Воскресенского «Рябушкин»¹⁹ и небольшой Каталог. Продажа изданий и входных билетов, а также создание Фонда для увековечения памяти Андрея Петровича Рябушкина — все это вместе названное позволило собрать хорошую денежную сумму — 7 000 рублей.

Большая часть из полученных средств, а именно 5 000 рублей, пошла на учреждение пособия «для нуждающихся учеников»²⁰ Академии художеств и Училища живописи, ваяния и зодчества и на стипендию имени А.П. Рябушкина «для вольнослушателей или учеников Высшего Художественного Училища при Императорской Академии Художеств»²¹. Полторы тысячи рублей определили для выплаты стипендии студентам Училища Живописи, Ваяния и Зодчества в Москве. Эта стипендия получила название «Поощрительная премия имени художника Андрея Петровича Рябушкина в Училище Живописи, Ваяния и Зодчества в Москве»²².

А.П. Рябушкин. Автопортрет

Выставки произведений, созданных А.П. Рябушкиным, и вечера его памяти стали важнейшей составляющей в деле мемориализации величайшего исторического живописца и графика. Так, например, после Великой Отечественной войны, в 1949 г., на волне подъема подлинного интереса к глубинной истории Отечества в Московском Союзе Советских художников провели вечер, посвященный творчеству художника.

Следующий важный шаг в раскрытии художественного наследия А.П. Рябушкина был сделан при подготовке к празднованию 100-летия со дня рождения. Его отметили серией юбилейных выставок, прошедших в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске и Львове. Издали небольшой иллюстрированный каталог²³. В 2009 г. накануне уже 150-летия А.П. Рябушкина Государственный Русский музей организовал большую выставку, на которой представили «110 произведений живописи и графики из собраний Государственного Русского музея, Государ-

ственной Третьяковской галереи, Научно-исследовательского музея Российской Академии художеств, Всероссийского музея А.С. Пушкина, Псковского художественного музея, частных коллекций»²⁴.

К началу работы выставки сотрудники музея выпустили альбом. В него включили репродукции всех представленных произведений живописи и графики, а также уникальные фотографии²⁵. Новые информационные технологии позволили создать в виртуальном пространстве мультимедийный проект: «Творчество А.П. Рябушкина. От мотива к картине». Собранные в мультимедийный фильм многочисленные эскизы и зарисовки, сделанные художником в альбомах, на полях записных книжек и в письмах близким дают возможность всем интересующимся получить представление о процессе непростых художественных поисков. О задачах фильма его создатели написали: «Книжные иллюстрации, эскизы монументальных произведений, церковная живопись, декоративные панно, эскизы к театральным постановкам — все это расширяет обыденное представление о творчестве художника»²⁶.

К 150-летию А.П. Рябушкина, прошла выставка и в г. Тосно в Тосненской картинной галерее (к Тосненскому району Ленинградской области относится г. Любань). Особенность этой юбилейной выставки заключалась в том, что на ней подвели итоги «Олимпиады по изобразительному искусству», которая проходила в регионе под лозунгом юбилея художника²⁷.

Вторым направлением мемориализационного процесса можно назвать написание книг, статей и выпуск разнообразных альбомов, в которых давалась характеристика творческого пути и раскрывалось значение наследия этого уникального скромного и требовательного к себе исторического живописца.

Первый биографический очерк опубликовал в 1904 г. (в год смерти художника) И.Ф. Тюменев²⁸. В год проведения посмертной персональной выставки вышли книги А.К. Воскресенского и А.А. Ростиславова²⁹.

Несколько небольших альбомов с черно-белыми иллюстрациями увидели свет в 1960–1961 гг. в связи с празднованием 100-летия со дня рождения художника³⁰. Заметный рост интереса исследователей к наследию, оставленному А.П. Рябушкиным, наблюдается со второй половины 1960-х годов. Одна за другой выхо-

дят в свет книги Н. Масалиной, Б.М. Кузнецова, А.Н. Савинова, И. Гутта, Е.А. Одинокова, В.М. Механиковой³¹.

2000-е годы отмечены изданием большого юбилейного альбома и двух монографий: Г.В. Аксеновой (автора данной статьи) и Р.И. Власовой³², в которых дана наиболее полная оценка творчества художника.

Особую роль в философском осмыслении значения творчества А.П. Рябушкина и в понимании его места в искусстве сыграла книга профессора, заслуженного деятеля искусств Н.Н. Третьякова «Образ в искусстве: основы композиции»³³. Давая общую оценку композиционному построению картин А.П. Рябушкина, исследователь указал на главную особенность его творчества: «с его свободным истолкованием временных категорий» он «предвосхитил возможности кино»³⁴. В качестве яркого примера приведен «Свадебный поезд в Москве (XVII столетие)».

По мнению Н.Н. Третьякова, А.П. Рябушкину особенно удался «образ вечности» — «Дома Божия», представленный в небольшой картине «Новгородская церковь». Также художник смог раскрыть тему «Дороги» «как пути в вечность»³⁵. Подобного философского прочтения творчества А.П. Рябушкина не делал никто. Именно это прочтение позволило совершенно по-иному представлять картины художника на тематических художественно-философских выставках, например, таких как «Дорога и путь в русском искусстве», «Красный цвет в русском искусстве», и заново открыло миру наследие «ясновидца и правдолюбца минувших жизней»³⁶.

На сохранение исторической памяти и на увековечивание великих представителей прошлых времен нацелена деятельность органов государственной власти, связанная с присвоением их имен улицам городов и населенных пунктов и размещение памятных досок на мемориальных зданиях. Имя А.П. Рябушкина с 1957 г. носит бывшая Кладбищенская улица в городе Любань (на городском кладбище перезахоронен прах художника) и с 1963 г. Красная улица, которая расположена в бывшей Станичной слободе (г. Борисоглебск Воронежской области)³⁷. Памятная доска в 2009 г. установлена на здании воскресной (бывшей церковно-приходской) школы Знаменского храма, в которой когда-то учился будущий художник³⁸. В 2016 г. памятный барельеф с изображением А.П. Рябушкина разместили в помещении Детской художественной школы имени А.П. Рябушкина.

В Борисоглебске помнят и любят своего земляка. В городе проводится большая работа по сохранению и увековечиванию имени и дела А.П. Рябушкина. Помимо того, что есть улица, которая носит его имя и установлены две мемориальные доски (о чем сказано выше), имя художника присвоили в 2005 году Детской художественной школе. В 2011 году ко дню памяти «сотрудниками картинной галереи г. Борисоглебска для студенческой молодежи был организован ряд мероприятий, посвященных творчеству А.П. Рябушкина»: экскурсия по Знаменскому храму, чаепитие и знакомство с историей храмов г. Борисоглебска³⁹.

На решение главных вопросов мемориализации было нацелено проведение года А.П. Рябушкина в 2016 году.

Объявленный 25 января год торжественно открылся 2 февраля 2016 г. памятным музыкальным вечером в Картинной галерее имени П.И. Шолохова. Картинная галерея наряду с Художественной школой, Центром социальной адаптации молодежи, Борисоглебским историко-художественным музеем, Борисоглебским музыкальным училищем, Борисоглебским драматическим театром, Борисоглебской централизованной библиотечной системой стали главными центрами проведения мероприятий, связанных с раскрытием смыслозначимости творчества и популяризации наследия уроженца Борисоглебска, «даровитого и интересного», «упорного и добросовестного реалиста»⁴⁰, такого знакомого и незнакомого Андрея Петровича Рябушкина.

К числу наиболее ярких событий, позволяющих судить о процессе мемориализации, говорящей о многообразии форм подобной работы, необходимо отнести четыре выставки («Русские былинные богатыри в иллюстрациях А.П. Рябушкина», «Неизвестный Рябушкин», «Творчество А.П. Рябушкина — в детских рисунках» и выставку московского художника Сергея Котова — автора портрета А.П. Рябушкина, переданного в дар музею)⁴¹, краеведческую игру-квест «Музей имени Рябушкина»⁴², конкурсы детских рисунков и сочинений, книжно-иллюстративные выставки, издание альбома «Здесь родная стихия художника. С любовью из Борисоглебска».

Труппа драматического театра к дню рождения художника преподнесла подарок всем жителям и гостям Борисоглебска: состоялась премьера спектакля «Развеселое житье» по сценкам из народного быта И.Ф. Горбунова «Смотрины и спор», «Жесткие нравы» и «Утопленник»⁴³. Лучшим иллюстратором этих рассказов был А.П. Рябушкин.

Закрывал юбилейный год концерт народного вокального ансамбля «Ивушка» музыкально-театрализованной постановкой «Солетались голубки».

Формат мероприятий, предложенный администрацией и общественностью г. Борисоглебска, позволил вовлечь в разговор о своем земляке практически всех жителей города и показать значение процесса мемориализации в воспитании будущих поколений.

К 160-летию со дня рождения А.П. Рябушкина в Борисоглебской картинной галерее им. П.И. Шолохова открылась постоянная экспозиция, раскрывающая путь художника от «крестьянского богомаза» до величайшего церковного и исторического живописца. Состоялась конференция, объединившая музыкантов, музыковедов, искусствоведов, художников-педагогов и сотрудников музеев Борисоглебска, Воронежа, Москвы и Тосно (Ленинградская обл.). Журнал «Педагогическое регионоведение» ежегодно публикует статьи и архивные материалы, способствующие раскрытию различных сторон творчества этого самобытного уроженца Борисоглебской земли.

Процесс мемориализации — это непростое долговременное действие, требую-

Открытие новой экспозиции об А.П. Рябушкине

щее вложения средств. Если мы говорим о мемориализации художника А.П. Рябушкина на его родине, то, конечно необходимо поставить вопрос, как минимум о создании музейной экспозиции, представляющей его жизненный путь. Значимым шагом может стать открытие музея или создание ART-центра «Рябушкин», который бы смог объединить работу фольклорных коллективов, начальное художественное и музыкальное образование, выставочную деятельность.

Новым направлением мемориализации может стать фестиваль «Рябушкинская осень», который бы включал, допустим, музыкальные вечера, пленэры и выставки, конкурс анимационных фильмов по картинам А.П. Рябушкина, театральные постановки, литературные вечера и т.д.

Не менее интересным может стать и организация выставки-конкурса «Осенний салон», проводимой один раз в два-три года и направленной на сохранение и развитие лучших художественных традиций в разных областях изобразительно-го и декоративно-прикладного искусства.

Выставки-салоны в ряде регионов России уже стали замечательной традицией и успешно организуются силами сотрудников историко-краеведческих и художественных музеев.

Думается, что мы, ныне живущие, и наши потомки, сохраняя память о великих предках, увековечивая их дела и раскрывая значение их жизни и деятельности, будем всегда благодарны А.П. Рябушкину за то, он «успел оставить мир, который нашел в своей душе среди воспоминаний о русском прошлом»⁴⁴.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Цит. по: Савинов А.Н. Рябушкин. — Л.: Аврора, 1973. — С. 54.

² Верецагина А. Художник. Время. История. Очерки русской исторической живописи XVIII — начала XX века. — Л.: Искусство. Ленинградское отделение, 1973. — С. 95.

³ Кириченко Е.И. Русский стиль. — М.: ГАЛАРТ: АСТ, 1997. — С. 383.

⁴ Воскресенский А.К. Рябушкин: Биографический очерк. — СПб.: Н.И. Бутковская, 1912. — С. А.

⁵ Маковский С.К. Силуэты русских художников. — М.: Республика, 1999. — С. 166.

⁶ Врангель Н.Н. Обзор Русского музея императора Александра III. — СПб.: АО тип. дела в Спб. (Герольд), 1907. — С. 58; Каталог посмертной выставки картин, эскизов, этюдов и рисунков художника Андрея Петровича Рябушкина в залах Академии художеств. — СПб., 1912; Живопись XVIII — нач. XX вв. (до 1917 г.). / Сост.: З.Т. Зоннова, М.М. Колпакчи, С.Н. Гольдштейн и др. Под общ. ред. Г.В. Жидкова. Каталоги собраний Государственной Третьяковской галереи. — М.: Изд-во Гос. Третьяковской галереи, 1952. — 584 с.; Андрей Петрович Рябушкин. Каталог выставки. К столетию со дня рождения. 1861 — 1961. — М.: Изд-во Акад. художеств СССР, 1961. — 66 с.; Акварель и рисунок второй половины XIX — начала XX века в собрании Государственной Третьяковской галереи. — М.: Изобразит. искусство, 1988. — 270 с.; Государственный русский музей. Санкт-Петербург. Живопись XII — начала XX века. — М.: Изобраз. искусство, 1993. — 157 с. — № 123; Красный цвет в русском искусстве. Альбом / Науч. руководитель Е.Н. Петрова. Авт. вступ. статей: Е.Н. Петрова, И. Киблицкий, Т.Б. Вилинбахова. — СПб.: Palace Editions, 1997. — 184 с.; Сказка в России / Государственный Русский музей. Каталог выставки. — СПб.: Palace Editions, 2001. — 416 с.; Мастера «Союза русских художников»: К 100-летию объединения. Живопись и графика из собрания ГМИИ имени А.С. Пушкина и частных коллекций Москвы. — М., 2003. — С. 177, 194; Liebe, tod und leidenschaft geschichten aus dem zarenreich. — Sankt Petersburg: Palace Editions, 2004. — 176 s.; Дорога в русском искусстве. — СПб.: Palace Editions, 2004. — 280 с.; Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Живопись конца XIX — начала XX века. Серия Живопись XVIII — XX веков. Т. 5. — М.: Издательство «СКАНРУС», 2005. — С. 300–304.

⁷ Соловьева Б.А. Рисунки А.П. Рябушкина в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки // Власова Р.И. Андрей Петрович Рябушкин. Жизнь и творчество. 1861–1904. — М.: Аватар, 2014. — С. 155–182.

⁸ Рябушкин А.П., Рябушкин Ф.П. Альбом рисунков. 1880–1881, 1886 // ОР РНБ. — Ф. 796. — Оп. 2. — Ед.хр. 353; Рябушкин А.П. Альбом рисунков, сделанных в селе Чигорак Тамбовской губернии Борисоглебского уезда. 1886 г. // ОР РНБ. — Ф. 796. — Оп. 2. — Ед.хр. 356; Тюменев И.Ф. Моя автобиография // ОР РНБ. — Ф. 796. — Оп. 1. — Ед.хр. 16–20.

⁹ Бутиков Г.П. Музей-памятник «Спас на крови». — СПб.: Изд-во Веникап, 1997. — 95 с.; Бутиков Г.П. Музей-памятник «Спас на крови»: Александр II и его эпоха. — СПб.: б.и., 2001. — 92 с.; Нагорский Н. Спас на крови: Храм Воскресения Христова. — СПб.: б.и., 2004. — 32 с.

¹⁰ Новое здание консерватории // Нива. — 1897. — № 12. — С. 276–277; Новое здание Консерватории в С.-Петербурге // Строитель: Вестник архитектуры, домовладения и санитарного зодчества. — 1896. — № 20. — Кол. 817, чертеж 466.

¹¹ В 1957 г. прах художника перезахоронили на самом краю городского кладбища города Любань (Тосненский район Ленинградской области). Установили мраморный обелиск, указали на нем даты жизни, написав «Андрей Петрович / Рябушкин / 1861–1904 / известный русский художник». Также высекли на памятнике палитру с кистью.

¹² Тюменев И.Ф. Рано угасший талант. (Из воспоминаний об А.П. Рябушкине) // Исторический вестник. — 1904. — № 10. — С. 260–284.

¹³ Воскресенский А.К. Рябушкин: Биографический очерк. — СПб., 1912. — С. 3.

¹⁴ Подробнее см.: Аксенова Г.В. «Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси» Николая Кутепова // Кутепов Н.И. Императорская охота на Руси. — М.: Фонд С.Д. Столярова, 2005. — Т. IV. — Кн. 2. — С. 287–330; Аксенова Г.В. Художник А.П. Рябушкин и графическое наследие Древней Руси // Ключевские чтения–2008. Отечественная история и культура: единое пространство в прошлом, настоящем и будущем. / Материалы межвузовской научной конференции. / Сб. науч. трудов. — М.: Прометей, 2008. — С. 349–356; Аксенова Г.В. Художник А.П. Рябушкин и древнерусская рукописная традиция в конце XIX — начале XX в. // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2008. — М.: Изд. РУДН, 2008. — С. 143–149; Аксенова Г.В. «Дом Божий» в творчестве А.П. Рябушкина // VI Пасхальные чтения: Гуманитарные науки и православная культура. — М.: Учебно-научный филологический центр МПГУ, 2009. — С. 146–155; Аксенова Г.В. «Такой русский талант». О художнике Андрее Петровиче Рябушкине (1861–1904) // Московский журнал. — 2011. — № 9. — С. 84–97; Аксенова Г.В. Андрей Рябушкин. — М.: АРТ-РОДНИК, 2012. — 96 с.; Аксенова Г.В. Андрей Рябушкин и Федор Солнцев: ученик и учитель // Музейные записки: Статьи Музейного отдела ИБВВ РАН. — Ярославль-Борок: изд-во «Принт-хаус-Ярославль», 2012. — Вып. VI. — С. 4–31; Аксенова Г.В. Память друзей и потомков: В продолжение статьи о художнике Андрее Петровиче Рябушкине (1861–1904) // Московский журнал. — 2014. — № 2. — С. 89–97; Аксенова Г.В. «Ясновидец и правдолюбец минувших дней»: (Жизнь и творчество художника Андрея Рябушкина) // Подъём. — Воронеж, 2014. — № 12. — С. 220–224; Аксенова Г.В. «Здесь родная стихия художника...»: Борисоглебская земля в рисунках Андрея Петровича Рябушкина (1861–1904) // Московский журнал. — 2016. — № 8. — С. 87–96; Аксенова Г.В. «Величественный покой предстояния» // Российский колокол. — 2016. — Вып. 3–4. — С. 363–387; Аксенова Г.В. Рябушкин знакомый и незнакомый. Образ художника Андрея Петровича Рябушкина (1861–1904) в словесных описаниях, а также на картинах и рисунках разных лет // Московский журнал. — 2016. — № 10. — С. 85–89; Аксенова Г.В. Герои и героическое в творчестве А.П. Рябушкина // Педагогическое регионоведение. — Борисоглебск: Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета, 2016. — № 3 (11). — С. 4–19; Аксенова Г.В. Образы Героя и героический мотив в творчестве художника Андрея Петровича Рябушкина // Слово — образ — речь: грани филологического анализа литературного произведения: Коллективная монография. — М.: Изд-во ООО «Агентство “Литера”», 2017. — С. 69–86; Аксенова Г.В. Святые благоверные князья-страстотерпы Борис и Глеб в русской живописной традиции // Педагогическое регионоведение. — Борисоглебск: Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета, 2018. — № 1 (13). — С. 4–38.

¹⁵ Посмертная выставка картин, этюдов и рисунков Андрея Петровича Рябушкина // РГАЛИ. — Ф. 680 (Училище живописи, ваяния и зодчества). — Оп. 1. — Ед. 944. — Л. 6.

¹⁶ Посмертная выставка картин, этюдов и рисунков Андрея Петровича Рябушкина // РГАЛИ. — Ф. 680 (Училище живописи, ваяния и зодчества). — Оп. 1. — Ед. 944. — Л. 6.

¹⁷ Посмертная выставка картин... — Л. 3.

¹⁸ Каталог посмертной выставки картин, эскизов, этюдов и рисунков художника Андрея Петровича Рябушкина в залах Императорской Академии художеств. — СПб.: б.и., 1912. — С. 3.

¹⁹ Воскресенский А.К. Рябушкин: Биографический очерк. — СПб.: Н.И. Бутковская, 1912. — 47 с.

²⁰ Каталог посмертной выставки картин... — С. 4.

²¹ Посмертная выставка картин, этюдов и рисунков Андрея Петровича Рябушкина // РГАЛИ. — Ф. 680 (Училище живописи, ваяния и зодчества). — Оп. 1. — Ед. 944. — Л. 5 об.

²² Об учреждении при Училище живописи, ваяния и зодчества, состоящем при Московском художественном Обществе, капитала имени Андрея Петровича Рябушкина // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. — 1914. — 17 января. — № 17. — Ст. 198; Об утверждении положения о капитале имени Андрея Петровича Рябушкина при Училище живописи, ваяния и зодчества Московского художественного Общества // Там же. — Ст. 201.

²³ Андрей Петрович Рябушкин. Каталог выставки. К столетию со дня рождения. 1861–1961. — М., 1961.

²⁴ Открытие выставки русского художника Андрея Рябушкина в корпусе Бенуа Русского музея [Электронный ресурс]. URL: <http://virtualrm.spb.ru/ru/node/2460> (обращение 10.04.2019, режим доступа — свободный).

²⁵ Андрей Рябушкин: 1861–1904 / Альманах. Вып. 238. — СПб., 2009.

²⁶ Открытие выставки русского художника Андрея Рябушкина в корпусе Бенуа Русского музея [Электронный ресурс]. URL: https://rusmuseumvrm.ru/data/mediateka/tvorchestvo_ryabushkina_ot_motiva_k_kartine/index.php (обращение 11.04.2019, режим доступа — свободный).

²⁷ Серов Д. 150-летию А.П. Рябушкина — посвящается, среда, 2 ноября 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://umbrag.blogspot.com/2011/11/150.html> (обращение 11.04.2019, режим доступа — свободный).

²⁸ Тюменев И.Ф. Рано угасший талант. (Из воспоминаний об А.П. Рябушкине) // Исторический вестник. — 1904. — № 10. — С. 260–284.

²⁹ Воскресенский А.К. Рябушкин: Биографический очерк. — СПб.: Н.И. Бутковская, 1912. — 47 с.; Ростиславов А.А. Андрей Петрович Рябушкин. Жизнь и творчество. — СПб., 1913. — 96 с.

³⁰ Андрей Петрович Рябушкин. Альбом. / Сост. и авт. вступ. статьи Н. Машковцев. — М.: Изогиз, 1960. — 17 с. 15 л. илл.; Андрей Петрович Рябушкин: каталог выставки: к столетию со дня рождения, 1861–1961 / кат. сост. Н.А. Сеньковской, Е.И. Гавриловой, И.Н. Пружан. — М.: Изд-во Акад. художеств СССР, 1961. — 66 с.; Суздальев П.К. Рябушкин. — М., 1961. — 55 с.; Мурина Е. Андрей Петрович Рябушкин. — М., 1961. — 56 с.

³¹ Масалина Н. Андрей Петрович Рябушкин. — М., 1966. — 119 с.; Кузнецов Б.М. Андрей Петрович Рябушкин. — Л., 1969. — 59 с.; Савинов А.Н. Рябушкин. — Л.: Аврора, 1973. — 162 с.; Гутт И. Образ и цвет. — М.: Изобраз. искусство, 1975. — 28 с.; Одинокова Е.А. Рябушкин. — М.: Искусство, 1977. — 112 с.; Механикова В.М. Андрей Петрович Рябушкин. — Л.: Художник РСФСР, 1989. — 110 с.

³² Андрей Рябушкин / Альманах. Вып. 238. Вступ. ст. Е. Шиловой. — СПб., 2009. — С. 5–18; Аксенова Г.В. Андрей Рябушкин. — М.: АРТ-РОДНИК, 2012. — 96 с.; Власова Р.И. Андрей Петрович Рябушкин. Жизнь и творчество. 1861–1904. — М.: Аватар, 2014. — 222 с.

³³ Третьяков Н.Н. Образ в искусстве: основы композиции. — Свято-Введенская Оптиная пустынь, 2001. — 260 с.

³⁴ Третьяков Н.Н. Указ. соч. С. 101.

³⁵ Третьяков Н.Н. Указ. соч. С. 111.

³⁶ Цит. по: Савинов А.Н. Рябушкин. — Л.: Аврора, 1973. — С. 54.

³⁷ Рябушкина улица на карте Борисоглебска [Электронный ресурс]. URL: <https://bravovoronezh.ru/istoriya/zhiteli-voronezhskogo-kraja/vydayuschisya-russkiy-zhivopisec-andrey-petrovich-ryabushkin-1861-1904/> (обращение 08.04.2019, режим доступа — свободный).

³⁸ Открытие памятной доски художнику Рябушкину А.П., г. Борисоглебск [Электронный ресурс]. URL: <https://refdb.ru/look/1460724-p4.html> (обращение 08.04.2019, режим доступа — свободный); Открытие памятной доски художнику Рябушкину А.П., г. Бори-

соглебск, сентябрь 2009. Новости епархиальной жизни [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vob.ru/news/2009/september/september.htm> (обращение 08.04.2019, режим доступа — свободный).

³⁹ В Борисоглебске отметили 150-тилетие своего прославленного земляка — известного русского художника Андрея Петровича Рябушкина [Электронный ресурс]. URL: <http://voronej.bezformata.com/listnews/borisoglebske-otmetili-150-ti-letie/1663509/> (обращение 08.04.2019, режим доступа — свободный).

⁴⁰ Бенуа А. Русская школа живописи. — СПб., 1904. — С. 54, 68.

⁴¹ В Борисоглебске завершился цикл мероприятий, посвященных 155-летию Андрея Рябушкина [Электронный ресурс]. URL: <http://vrn-uk.ru/2016/11/v-borisoglebske-zavershilsya-cikl-meropriyatij-posvyashhennyx-155-letiyu-andreya-ryabushkina/> (обращение 08.04.2019, режим доступа — свободный).

⁴² Краеведческая игра «Музей имени Рябушкина» [Электронный ресурс]. URL: <http://sambgo.ru/news.php?extend.610> (обращение 08.04.2019, режим доступа — свободный).

⁴³ Премьера: «Развеселое житье» в Борисоглебском театре драмы [Электронный ресурс]. URL: <http://vrn-uk.ru/2016/10/premera-razveseloe-zhite-v-borisoglebskom-teatre-dramy/> (обращение 08.04.2019, режим доступа — свободный).

⁴⁴ Воскресенский А.К. Указ. соч. — С. А.

Юрий Петрович Ермаков окончил отделение журналистики Воронежского государственного университета. Многие годы работал в районных газетах Воронежской области, собкором областной газеты «Коммуна». В настоящее время сотрудничает с «Агропромышленным журналом ЦФО». Публиковался в региональных и федеральных СМИ, интернет-изданиях и коллективных сборниках. Автор 5 книг очерков. Лауреат премии Союза журналистов РФ, награжден знаком «Отличник печати».

Юрий Ермаков

РОЖДЕННЫЙ ЛЕТАТЬ

(Видный российский военачальник
В.С. Михайлов —
Почетный гражданин
г. Борисоглебска-района)

Очерк

Значительная часть жизни российского военачальника Владимира Сергеевича Михайлова связана с Борисоглебским высшим военным авиационным училищем летчиков — прославленной кузницей кадров для Военно-воздушных сил страны, которая три раза подряд становилась обладателем Кубка «Лучшему училищу ВВС СССР». Кстати сказать, в истории ВВС три раза подряд данную награду никто не завоевывал, кроме ВВАУЛ из Борисоглебска. Поэтому Кубок был в свое время навечно передан в музей училища.

После своего ухода на повышение Владимир Сергеевич о городе никогда не забывал. И когда над ним сгустились грозовые кадровые тучи (авиационный гарнизон в Борисоглебске хотели закрыть), именно Владимир Сергеевич его отстоял, о чем с благодарностью вспоминают многие нынешние борисоглебцы. С их одобрения В.С. Михайлову было присвоено звание «Почетный гражданин г. Борисоглебска-района».

Часть 1. НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

Как настоящий друг познается в беде, так и истинный характер любого человека наиболее ярко проявляется в острых, экстремальных ситуациях. Или, как дипломатично говорят наши военные летчики, в нештатных ситуациях. С рассказа об одной такой драматической истории я и хотел бы начать свой очерк о Владимире Сергеевиче Михайлове, чтобы (не стану скрывать), во-первых, заинтриговать дорогого читателя, а во-вторых, показать на конкретном примере, почему героя очерка называют асом, летчиком от Бога.

Итак, зимний вечер в Ставрополе. Именно сюда с инспекционной проверкой боеготовности авиационных частей прибыл министр обороны И.Д. Сергеев. За командира самолета Ан-24 был сам В.С. Михайлов, он же сопровождал главного руководителя военного ведомства по объектам и подразделениям.

И вот авиационная часть инспекции закончена. Министр, подводя итоги дня и дав задания, к тому же учтя, что с утра у Михайлова должны были начаться учения и ему нужно хотя бы немного перед ними отдохнуть, пожалел своего подчиненного и приказал ему уже без него возвращаться в Москву.

Погода в Ставрополе была препаршивая. Но не впервой взлетать в трудных метеоусловиях — экипаж опытнейший. Владимир Сергеевич чуть-чуть задержался у начальника аэропорта, старинного приятеля своего. И сразу — на борт. За штурвал садиться не стал. Пожелал коллегам хорошего взлета и мягкой посадки, а сам отправился в салон, прилег на диванчик. Экипаж запустил двигатель. Мощный разбег, отрыв. Огни большого города, тусклые и размытые от густеющей на глазах снежной пелены, поплыли назад и вправо. Борт должен был набрать эшелон 4200 метров. Над дверью в кабине пилотов установлены приборы скорости и высоты. Удобно. Альтиметр показывал 600 метров.

Нечасто Владимир Сергеевич летит вот так — пассажиром, да на мягком удобном диване! Но коли выпала такая редкая удача, почему бы не поддаться хоть на миг сладким грезам и воспоминаниям, какие буквально стали одолевать с первых минут полета в столицу?.. В памяти сначала поплыли картины детства. Отец, мать. Их маленький дом в селе Кудиново, что в Ногинском районе под Москвой. Он — третий в семье, где детей пятеро. Саранчовые налеты на соседские сады, разбитые окна старым и латаным (даже не футбольным, а волейбольным) мячом быстро сошли на нет. А вот походы на птицеферму, сначала по отдельным просьбам матери («сынок, сегодня ты уж помоги мне убраться на ПТФ»), потом по зову совести («мать уже немолода, из сил с отцом выбиваются, чтобы детей прокормить»), а в конце концов — уже по крестьянской привычке («все работают, чем я хуже?») — почему-то вспомнились во всех деталях. Может быть, потому, что были ежедневными, сразу после звонка, возвещающего об окончании последнего урока в школе, и ему приходилось и яйца собирать, и птичник чистить, и кур кормить. И никто не делал скидок на возраст: с него требовали как со взрослого работы, и он ее делал как взрослый... Дома не всегда успевал уроки выучить, полагался исключительно на память — и валился спать кулем...

Самолет забирал вверх. Михайлов это чувствовал интуитивно. Но открыл глаза и посмотрел на высотомер. Стрелка показывала 1600 метров. И снова погрузился в воспоминания. После семи классов решил поступать в Кудиновский машиностроительный техникум. Решил стать техником-технологом литейного производства и по причине престижа профессии, да и потому, что стипендия здесь была в полтора раза больше, а для паренька из многодетной семьи почти сотня (старыми деньгами, конечно) рублей была совсем не лишней.

Вот стал бы в будущем знатным сталеваром и к нему изучать опыт работы езд-

ли бы из Липецка, Краматорска и самой Магнитки? Может быть, может быть!.. Только не суждено было идти по этой стезе Владимиру Сергеевичу, на роду не написано. Все переменялось в один день — 12 апреля 1961 года. Даже в одну минуту, в течение которой диктор по радио торжественно возвестил о первом полете человека в космос. К тому же оказалось, что Гагарин также «литейку» заканчивал. Только в Люберцах. Михайлов, замороженно прослушав радиосообщение, вдруг сказал вполне серьезно напарникам: «Буду военным летчиком!» Шум стоял в цеху невообразимый. Но их забористый смех перемешку с матерком даже его перекрыл.

А зря! Оказавшийся и упорным, и очень способным, вчерашний литейщик Володя Михайлов не только успешно прошел комиссию и сдал вступительные экзамены, но и окончил Ейское высшее военное авиационное училище с золотой медалью, получив диплом с отличием. И на этом свое образование не закончил. Далее была Военно-воздушная академия имени Ю.А. Гагарина (заочно), Военная академия Генерального штаба ВС СССР. Учился в свое время даже в Таганрогском радиотехническом институте. Причем параллельно со службой, за что получил как-то нагоняй от начальства, которое, впрочем, быстро сменило гнев на милость. Да и самостоятельно много и упорно учился.

В.С. Михайлов снова приподнялся на своем генеральском диванчике и по привычке бросил профессионально придирчивый взгляд на альтиметр. Он показывал 2500 метров. Снова воспоминания заставили на десяток-другой секунд забыть о полете. По службе все ступени прошел до главной в ВВС должности — пожалуй, ведь ни одной не перешагнул! И вправду, служил летчиком-инструктором, старшим летчиком-инструктором, командиром авиационного звена, командиром эскадрильи, заместителем командира и командиром авиаполка в Таганроге, заместителем начальника Ейского ВВАУЛ, начальником Борисоглебского ВВАУЛ...

Снова взгляд на выотомер. Глаза задержались на отметке в 3000 метров, не отметив ничего подозрительного, снова закрылись. Память генерала упорно возвращалась к послужному списку. А он, конечно же, богатый. С 1985 по 1989 годы — заместитель, первый заместитель командующего ВВС Московского военного округа. После академии Генштаба — командующий ВВС Северо-Кавказского военного округа, командующий 4-й воздушной армии, входящей в СКВО.

В советское время эту аббревиатуру расшифровывали так — «санаторно-курортный военный округ», потому что сюда прибывали дослуживать до пенсии, а если называть вещи своими именами — отдыхать. В российский же период СКВО оказался самым горячим, самым воюющим военным округом. Именно в нем и оказался перед чеченской кампанией один из будущих ее героев — Владимир Сергеевич Михайлов. Как говорит, в самом пекле...

Что там показывает альтиметр? 3600. Так, Ан-24 медленно, но уверенно подбирается к своему эшелону. Владимир Сергеевич переключился на анализ событий прошедшего дня. День был тяжелый. С министром ездили по авиационным частям, обстановка трудная в стране — не хватает керосина, запасных частей и узлов для самолетов, не говоря уже о новых летательных аппаратах; техника вынужденно простаивает, налет меньше, чем хотелось бы. Министр объясняет: в

Владимир Сергеевич Михайлов

других родах войск куда хуже; в главкомате ВВС служат молодцы, дело поставили образцово. Но в целом надо потерпеть: рано или поздно и на нашей армейской улице должен быть праздник!..

Владимир Сергеевич в очередной раз посмотрел на высотомер. Но отметку зафиксировать даже не смог. Резкий удар, очень сильный толчок! Он буквально вылетел с дивана. Поднявшись и поняв, что случилось что-то нехорошее, вновь взглянул на прибор над дверью в кабину пилотов: стрелка альтиметра предательски ползла в обратную сторону.

В несколько шагов оказался в кабине летчиков. Ситуацию оценил сразу — самолет затыгивало в спираль, экипаж из нее выйти не мог. Положение все осложнялось и каждую секунду становилось все более критическим. Резко перехватил штурвал у летчика, сидящего направо от него:

- Дима — от себя, ногой!
- Есть, товарищ командир!
- Выбирай крен, и — на себя!
- Сделано.

Самолет с большим трудом, но вошел в режим полета со скольжением. Опасность только на время оставила борт, терпящий бедствие. Экипажу не удалось зафлюгировать двигатель. И не потому, что облитый кровью бортиженер (во время толчка он ударился о переключатели головой) на время выбыл из строя. А потому, что это было невозможно сделать по определению, ибо, как потом выяснилось, начисто срезало вал двигателя.

Ан-24, обычно легко слушающийся рулей и вообще удобный в пилотировании, стал плохо управляемым. Высота падала — всего 3300 метров. Набрать эшелон в 4200 с такой поломкой нереально. Самолет из последних сил держался в воздухе, двигался боком. Опасность катастрофы оставалась высокой.

— Возвращаемся назад, — скомандовал командир.

— Нас не может принимать из-за погоды Ставрополь, — обреченно и в то же время зло сказал радист.

— Фигня какая, — генерал выругался и быстро надел наушники. — Ставрополь, подход!

— Мы вас не принимаем. У нас нет погоды.

— А у нас нет другого выхода!!! Прошу вас, не выключайте радиотехнические средства, мы делаем разворот в вашу сторону! — Владимир Сергеевич, сохраняя феноменальное самообладание, сделал паузу. — Да, закажите пожарные и санитарные машины. Экипаж — 7 человек и 8 пассажиров.

Наступила гробовая тишина. Казалось, по ту сторону связи у диспетчера отнялся язык, и он потерял дар речи. Но Михайлов быстро привел его в чувство:

— Периодически давайте нам удаление. Так как заход через город исключен, будем заходить на посадку со стороны леса.

«Конечно, должны были грохнуть, — честно признается мне этот мужественный человек, бывавший во множестве переделок. — Но четкие и своевременные действия помогли экипажу предотвратить катастрофу с человеческими жертвами. Нам все-таки удалось дотянуть до полосы. Мягко, с перегрузкой 1,01 произвести посадку. Никто даже синяка не получил...»

Завершая разговор о нештатных ситуациях, в которых оказывался В.С. Михайлов, автор хотел бы подчеркнуть, что имеет честь рассказывать вам о единственном в России (а возможно, и в мире!) военном пилоте, четырежды сажавшим на аэродроме сверхзвуковой самолет с отказавшим двигателем.

Речь — об инцидентах с истребителем-бомбардировщиком Су-7Б, на котором герой очерка много и охотно летал, который знает как свои пять пальцев, в котором способен наперед, с точностью до минут, предугадать возможную поломку

двигателя по одной лишь динамической статистике показаний датчиков давления масла, температуры выходящих газов и других параметров. Может быть, поэтому даже в нарушение инструкции никогда не торопился бросать самолет и катапультироваться.

Известно, что В.С. Михайлов выжил на высоте 19600 метров, когда произошла внезапная разгерметизация кабины. Выходил он с честью и живым из многих других переделок.

Кто-то из читателей скажет: «Чудо». Я с ним категорически не соглашусь, потому что уверен: речь надо вести совсем не о случайном стечении для него счастливых обстоятельств, а о мастерстве и таланте. Еще — об упорстве и фантастическом трудолюбии. Смотрите сами: общий налет за время службы — 6 тысяч часов. А возможно, и больше, потому что максимальное количество полетов, которое по инструкции можно было совершить за день, — 5, а Владимир Сергеевич умудрялся поднимать самолет аж 8 раз! Число летательных аппаратов, освоенных за тот же период, — 28. Он имеет звание «Заслуженного военного летчика СССР» и высокую профессиональную квалификацию — летчик-снайпер.

А вы говорите про какое-то чудо. Гений за штурвалом самолета в небе на него меньше всего полагается!..

Часть 2. ГЕРОЙ РОССИИ СВОИХ НЕ БРОСАЕТ!

Я уже говорил, что В.С. Михайлов довольно долго служил в составе СКВО и что в ту пору он из санаторно-курортного превратился в воюющий и борющийся с терроризмом военный округ. Два эпизода из биографии Владимира Сергеевича подтверждают это красноречивым образом. 23 декабря 1993 года четверо вооруженных бандитов во главе с рецидивистом Мусой Алмамедовым захватили учеников 9 «В» класса ростовской школы № 25. Под дулами автоматов детей вместе с учительницей черчения посадили в автобус. Бандиты выставили свои требования: 10 миллионов долларов, вертолет и вылет по воздушному коридору в Иран. В сопровождении милицейских машин страшный автобус медленно двинулся к военному аэродрому.

На пути бандитов встал генерал Михайлов. Поначалу он руководил «летной составляющей» контртеррористической операции. А когда была получена шифровка, подписанная зампредом правительства РФ Олегом Сосковцом («Все руководство операцией по освобождению заложников возлагается на генерал-лейтенанта Михайлова В.С. Прошу всем структурам подчиняться и выполнять его волю»), вся полнота власти и одновременно ответственности за судьбы очень многих людей, а не только захваченных ростовских школьников, перешла к Владимиру Сергеевичу.

Я читал материалы уголовного дела против бандитов Алмамедова, знакомился с воспоминаниями участников операции. В том числе и тогдашнего губернатора Ростовской области В.Ф. Чуба. Все в один голос говорят: «играя» против отпетых уголовников, Михайлов не сделал ни одного ошибочного хода. Он оказался не только силен как стратег, но и предельно тверд в отстаивании своей позиции разрешать ситуацию исключительно несильными методами. При этом генерал, являясь главной мишенью озверевших бандитов, отнюдь не прятался за спины своих подчиненных.

Чуб пишет в своих воспоминаниях, не скрывая восхищения мужеством В.С. Михайлова: «Главарь Муса Алмамедов, выйдя из вертолета, сел за руль бензозаправщика с полным баком и пригрозил тем, что сейчас же взорвет самолет, который стоял в отдалении на взлетной полосе. Там сидели пассажиры. Угроза была реальной, у Алмамедова сдавали нервы. И тогда генерал Михайлов прыгнул за

руль стоявшей рядом машины технического обеспечения и перегородил путь бензовозу. Они начали кружить по летному полю — трогается с места бензовоз, и тут же ему перекрывает путь машина Михайлова. Риск для Владимира Сергеевича был огромный...»

Другой эпизод. Владимир Сергеевич задумал топливозаправщиком заблокировать вертолет, захваченный бандитами, и угрозой поломать хвостовой винт диктовать террористам свои условия относительно вылета за кордон с 10 миллионами долларов, которые наконец-то были доставлены из Москвы. Однако водитель ТЗ-22 наотрез отказался ехать к вертолету — сильно испугался. Надев для маскировки шапку оператора заправщика, Михайлов сам сел за руль КамАЗа. По пути следования по машине были сделаны два выстрела, к счастью, ни одна пуля не задела генерала. Осуществив задуманное, Владимир Сергеевич потребовал освободить оставшихся школьников, что было и сделано. Только после этого вертолет, который пилотировали друзья генерала и такие же мужественные офицеры — Валентин Падалка и Владимир Степанов, вылетел дальше на юг. А когда он приземлился неподалеку от Махачкалы на пяточке, ограниченном с одной стороны Каспийским морем, с другой — большим каналом, с третьей — оживленной трассой на Москву, где уже поджидала группа захвата, операция по обезвреживанию бандитов прошла, как говорил один киношный герой, «без шума и пыли».

Не менее драматические события случились 13 декабря 1999 года. Шла вторая чеченская война. В то время, вспоминает генерал-майор, герой России С.К. Борисюк, он командовал полком. Шли кровопролитные бои за «Волчьи ворота». Неизвестно откуда по нашим войскам неоднократно наносился минометный удар. Раздражал не сам факт удара, а его «ниоткудасть».

На служебных совещаниях войсковые разведчики неоднократно докладывали, что в горном ущелье, на берегу реки Аргун, неподалеку от села Дуба-Юрт, крупный укрепленный пункт «чехов». По всей видимости, это был лагерь Хаттаба, и именно оттуда били по федералам. Несколько раз взмывали наши самолеты в грозное небо на разведку, но ничего не нашли. Борисюк решил разведать сам.

В район поиска пилот прилетел нормально. Выполнил заход вдоль Аргунского ущелья — никого. Ни души. Отвернул на солнце, отстрелил ловушки. Вроде бы все сделал правильно. И вдруг — удар в хвостовой части самолета. Оглянулся — половины киля нет, черный густой дым длинной бородой стелился за остатками Су-25. Одно за другим загорались красные аварийные табло, в ушах речевой информатор мильным таким женским голосом настойчиво повторял: «Борт семнадцать: пожар правого двигателя, борт семнадцать: отказ гидросистемы, борт семнадцать: угол атаки больше допустимого».

Летчик потянул в сторону «Волчьих ворот». Но поняв, что дотянуть не сможет при любом раскладе, принял решение катапультироваться. Приземлился на лес, повис на парашюте на дереве. Как вскоре оказалось, в центре... позиции Хаттаба. Радость не к месту обуяла подбитого летчика. Радость оттого, что нашел-таки логово этой арабской сволочи. Конечно, и страшновато было: что с ним сделают, как только обнаружат висящим на дереве, чуть ли не над головами бандитов. Но ни паники, ни тем более ужаса не испытал. В голове сверлила одна спасительная мысль: «Михайлов своих не бросает. Вытащит отсюда и меня!» Борисюк в это настолько верил, что даже представлял, как его встретят однополчане, как крикнут дружное «ура» во спасение командира...

И действительно, утром, запеленговав точное место нахождения сбитого летчика, бесстрашно палящего по хаттабовцам из АКСУ, вертушка зависла над деревом. Лебедкой его подняли на борт. Из-под носа бандитов вертолет взмыл в очистившееся после дождя небо.

На аэродроме Моздок вызволенного из плена летчика встречал В.С. Михайлов.

— Здравия желаю, товарищ генерал-полковник!
— Здравствуй, герой!
— Я знал, что вы меня спасете, потому что своих Михайлов не бросает!
— Ну, ладно нахваливать меня... Иди грейся, мойся, отдыхай. Это приказ. А с Хаттабом после твоей боевой разведки мы сами теперь разберемся.

Кстати сказать, и сам генерал В.С. Михайлов смело воевал в чеченскую войну. Он совершил лично 42 боевых вылета, уничтожил штурмовыми ударами 6 самолетов и 2 вертолета на аэродромах, склад боеприпасов, 8 единиц техники боевиков. Однако уничтожая бандитов, террористов, даже мысли не допускал по ошибке допустить гибель гражданского населения. То же самое приказывал подчиненным. «Когда могло запахнуть деревней Сонгми, как во Вьетнаме во время американской агрессии, я всегда находил причины, чтобы не исполнить такой дурацкий приказ (причем, как всегда, устный), — вспоминает те драматические годы Владимир Сергеевич. — И проходило время, совсем недолгое, и те, кто его отдавал, крестились истово: слава Богу, что Михайлов этого не сделал!»

За участие в упомянутых операциях, а также и в других — специальных, о которых говорить пока не время, В.С. Михайлов был удостоен орденов «За личное мужество» (1994 год); «За военные заслуги» (1995 год). Еще раньше (в 1982 году) стал кавалером ордена «За безупречную службу», а позже (в 2007 году) — «За заслуги перед Отечеством 3 степени» (с изображением мечей). Имеет и высшую награду страны — Золотую Звезду Героя России (1996 год).

Часть 3. ПЛАНЫ И ДЕЛА ГЛАВКОМА ВВС

Наверное, самая важная часть жизни Владимира Сергеевича Михайлова приходится на период с января 2002 по май 2007 годов. Именно в это время он служил главнокомандующим Военно-воздушными силами России. Заняв по праву самый высокий для военного летчика пост, он (особенно поначалу) не был защищен никакой броневой защитой от несправедливой критики в своей адрес. Нападки случались и в интернете (публикация сайте «Грани.ру» от 12.08.2003), и на телеканале ТВ «Центр» (журналист Андрей Караулов), и в других СМИ, причем по самому разному, порой и нелепому поводу. Однако основное обвинение сводилось к одному: новый главком Михайлов вместо того, чтобы бюджетные средства тратить на разработку новых вооружений и новой техники для ВВС, занимается модернизацией и ремонтом старой и тем самым, дескать, продлевает жизнь утильсырью.

На мой взгляд, обвинение вздорное. То, что кажется радетелям нового предсудительным, неправильным, на самом деле представляет собой образец мудрой и выверенной реалиями непростого времени политики. Вот несколько цифр в качестве информации к размышлению. В 1989 году ВВС закупила для целей оснащения подразделений 647 единиц боевой техники. В 1992-м — 0. Дальше по годам — единицы или десятки самолетов и вертолетов. В чем проблема? В скудости государственного оборонного заказа, нехватки средств, выделяемых федеральным бюджетом на нужды ВВС и ПВО, ставшим единым видом ВС РФ.

В.С. Михайлов, считаю, нашел единственно реальный путь из тупиковой, казалось бы, ситуации. И об этом он говорит в интервью «Российской газете», чтобы объяснить свою позицию: «Мы ведь сохранили весь научный потенциал авиастроения и вертолетостроения. Используем экспорт самолетов, чтобы на вырученные деньги вести разработку новой техники. С 2002 года начали работать по истребителю 5-го поколения, по легкому, среднему и тяжелому транспортным самолетам, по учебному самолету и вертолету. Учебный у нас уже появился — Як-130. В 2006 году завершены испытания тяжелого транспортного Ил-76МФ.

Если я куплю 5-10 новых машин, то они ситуацию с исправностью авиатехники не изменят. А затратив на покупку их все имеющиеся в распоряжении средства, я провалю исправность существующего парка. Вот и приходится маневрировать.

Як-130 летает, Ил-112 скоро полетит, средний транспортный — тоже, тяжелый транспортный летает. Плюс мы сделали ставку на модернизацию. Су-25СМ, Су-24СМ, МиГ-29СМТ — все эти прекрасные машины теперь имеют новую авионику.

Модернизация машин позволит нам поддерживать парк до 2015 и даже до 2025 годов...»

Читая это интервью, говоришь сам себе: «Вот это государственный подход, мудрый». И действительно, какой смысл создавать новый дорогостоящий по определению стратегический бомбардировщик, когда есть Ту-160? Красивая, надежная и великолепная по боевым характеристикам машина поступила на вооружение только в 1986 году. Крайний срок ее эксплуатации — 50 лет. Так что до середины тридцатых годов 21-го века может служить. И будет служить обязательно, считает генерал армии Михайлов, под руководством которого была выполнена первая модернизация стратегического бомбардировщика. Потребуются последующие — да нет проблем!

То же касается Ту-95. Seriously и неоднократно модернизировался Су-7Б. Например, Су-7БМ — это не просто модернизированный Су-7Б, а уже другой самолет, с иными характеристиками. Так что модернизация позволяет добиваться результатов, сходных с теми, какие можно достигнуть разработкой совершенно новой техники. Только она на порядок дешевле.

В.С. Михайлов — настоящий государственный. И хозяйственник рачительный. Он от имени государства закупает для ВВС технику будто собственные средства достает из кармана. Вот такой пример в подтверждение авторской сентенции. Новосибирское АПО собрало новый Су-34, который должен прийти на смену Су-24. С его гендиректором встретился Владимир Сергеевич, мягко, но недвусмысленно предупредил: нечего на каждый узел 25-процентную прибыль закладывать, по такой цене в серию Су-34 запустить будет трудно, ищите пути снизить стоимость базовой разработки. Иначе закупать не станем. И представляете — нашли! На целых 150 миллионов рублей снизили цену!...

Нишу тяжелых транспортных самолетов у нас в стране безоговорочно занял Ил-76. После модернизации, связанной с оснащением новыми двигателями ПС-90А-76, проведенной на ВАСО по инициативе и под контролем Владимира Сергеевича, Ил-76МД-90 стал современным летательным аппаратом, способным выполнять поставленные перед ним задачи на 100 процентов.

В бытность В.С. Михайлова главкомом ВВС новый импульс к развитию и совершенствованию получила ПВО. В частности, он лично активно лоббировал оснащение полков зенитно-ракетным комплексом С-400. И именно при нем началось новое перевооружение ПВО. Первый полк получил оружие, которое может работать не только по воздушным, но и по космическим целям. Владимир Сергеевич Михайлов многое сделал для совершенствования системы ПВО стран СНГ. Предлагал в противовес американской создать ПРО для всего европейского континента на основе новейших российских разработок в этой области.

Даже из этих далеко неполных сведений о разработках новой техники, модернизации существующего парка ВВС, о совершенствовании способов и методов ПВО и ПРО можно составить некоторое представление об объемах той большой работы, какую В.С. Михайлов сделал на посту главкома ВВС. И ничто не способно умалить в глазах военных и общественности великий вклад в дело укрепления боеготовности ВВС России главкома В.С. Михайлова. Именно за это ему присвоено высшее воинское звание — генерал армии. И именно за это трижды продлевался срок службы сверх предельного.

Алла Николаевна Кречмер, член Союза русскоязычных писателей Израиля. Лауреат Международного фестиваля «Открытая Евразия», поэтического фестиваля «Словенское поле», премии им. М. Алдана. Принимала участие в IX Всероссийском фестивале русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба».

Алла Кречмер

НАРОДНЫЙ ДОКТОР

(Земский врач Н.Н. Масловский
бедных лечил бесплатно)

Прошло много лет с тех пор, как закончилась земная жизнь доктора Николая Николаевича Масловского, земского врача (1860–1923). Его жизнь была посвящена служению людям, жизнь бессребреника, патриота родного края и защитника слабых и угнетаемых.

Он родился в городе Бахмуте Екатеринославской губернии, закончил медицинский факультет Харьковского университета, но почти вся дальнейшая его деятельность была связана с Борисоглебским уездом и самим городом.

Еще в университете Николай Масловский продемонстрировал недюжинные способности, чем обратил внимание профессуры. Выпускник был оставлен в университете для подготовки к научной деятельности, однако он мечтал о практической работе и через год покинул научные лаборатории, уехал в дальний уезд и стал земским врачом. Уже тогда молодой доктор понимал, что никакие теоретические исследования не заменят опыта непосредственного лечения больных.

Таким образом, в 1885 году началась его врачебная карьера. При этом он не оставлял научных изысканий, и в 1888 году журнал «Медицинское обозрение» напечатал его первую статью «К вопросу о лечении сифилиса в спинномозговых страданиях». В течение жизни доктор Масловский написал много научных работ. Так, в 1890 году тамбовское издательство вы-

пустило отдельной книгой его доклад «Несколько случаев гнойного плеврита», где подробно описывает признаки этого заболевания и лечение на всех стадиях.

Начиная с 1889 года доктор Масловский принимает активное участие в работе врачебных съездов. На одном из них он выступил с инициативой развития специализации земских врачей. Съезд пошел навстречу и принял решение о предоставлении врачам командировок в университетские клиники для повышения квалификации. Борисоглебский уезд был единственным в Тамбовской губернии, оплачивавшим расходы на эти поездки.

В 1892 году Масловский принял заведование земской больницей. Тридцатидвухлетний доктор с энтузиазмом принялся за работу. Условия были тяжелые, прежде всего, из-за бездорожья и протяженности врачебного участка. Ведь в участок Масловского входила территория от Елань-Козловки до Борисоглебска, всего шестьдесят верст. На одного земского врача приходилось в среднем тридцать восемь тысяч жителей. До больного добирались либо пешком, либо на лошади.

Доктор Масловский не понаслышке был знаком с условиями жизни простых людей. Во время посещений он видел в селах ужасающую нищету и не только не брал деньги за визит, но и иногда оставлял свои.

Николай Николаевич никому и никогда не отказывал в приеме и принимал в любое время. Для него не было главным, откуда больной, из села или из города; двери его дома никогда не закрывались перед больными. За прием на дому обычно платили, но доктор Масловский никогда не брал денег и на дому.

Среди коллег и горожан он являлся непререкаемым авторитетом, и слава о нем гремела далеко за пределами губернии. Все, кто знал доктора, характеризовали его как строгого, дотошного, хорошего организатора, что не мешало ему быть отзывчивым к чужой беде.

В 1896 году доктора Масловского избрали секретарем третьего губернского съезда земских врачей, это событие стало очередным признанием его заслуг.

Наступил двадцатый век. Люди жили мирно и не догадывались, сколько бед принесет с собой новое время. Николай Николаевич продолжал работать и спасать самых обреченных. Он блестяще проводил операции, даже в особо сложных случаях действовал спокойно и неторопливо. От него исходила уверенность, влияющая на помощников — операционных сестер. Одна из них, Александра Васильевна, была женой доктора. В обязанности сестер входила общая подготовка операционных и ассистирование во время самой операции.

По годовым отчетам Масловского следует, что летальных исходов у него было семь, и каждый раз доктор страдал, спрашивая себя, все ли он сделал для того, чтобы вырвать больного из лап смерти?

Для практикующего врача не является редкостью занятие и научной деятельностью. И доктор Масловский не оставлял этой стези — в период с 1901 по 1912 годы он написал семнадцать статей, посвященных лечению тяжелых заболеваний, а также три научные работы. Все они были напечатаны в российских медицинских журналах.

Он состоял в борисоглебском отделении Общества русских врачей памяти Н.И. Пирогова и в местном санитарном обществе и участвовал в работе почти всех Пироговских съездов, на которые собирались лучшие представители медицины того времени.

Доктор Масловский скромно называл себя земским врачом, хотя являлся специалистом во многих областях медицины и обладал энциклопедическими знаниями.

Статьи Николая Николаевича постоянно печатались в российских медицинских журналах, поэтому он был известен далеко за пределами Тамбовской губернии. В самом Борисоглебске он для многих жителей оставался последней надеж-

дой, и в тяжелых непонятных случаях больные обращались к нему, несмотря на принадлежность к участку.

Его деятельность была оценена, и несколько раз он избирался гласным Борисоглебской городской думы и дважды становился выборщиком от Борисоглебского уезда в Государственную Думу. Его общественная деятельность была направлена на защиту беднейшей части города. Он был настоящим народным доктором.

В 1905 году в железнодорожных мастерских Борисоглебска началась длительная забастовка. Рабочие боролись за свои права и против произвола нанимателей. Доктор Масловский передал все свои сбережения в забастовочный комитет, что послужило существенной материальной помощью рабочим, а также их женам и детям. Об этом поступке доктора стало известно полиции, и в декабре 1905 года его арестовали.

Полиция боялась держать в местной тюрьме врача, слава о котором распространилась далеко, поэтому немедленно после ареста Николая Николаевича перевели в Тамбов. По выходе из тамбовской тюрьмы его выслали за пределы губернии в Урюпинск.

О жизни в ссылке известно немного. Вскоре доктор Масловский вернулся в Борисоглебск, и это произошло благодаря массовым ходатайствам в его защиту со стороны отдельных граждан и организаций не только в его родном городе, но и в губернии. Доктор вернулся к любимой работе. Он много сделал для организации санитарной службы в Борисоглебском земстве, постоянно занимался искоренением страшных болезней. Свой юбилей он отпраздновал в стенах больницы, и в адресе, врученном ему в этот день коллегами, говорилось: «Когда мы охватываем всю Вашу работу в стенах земской больницы за истекшие 25 лет, то крик ужаса вырывается из груди перед титаническими силами, израсходованными Вами...»

В марте 1914 года в городе открылась инфекционная больница, оборудованная по последнему слову медицинской техники, что также являлось заслугой доктора Масловского.

В сентябре того же года из-за начала Первой мировой войны при земской больнице открылся лазарет для раненых. Николай Николаевич усердно занимался лечением раненых, он же являлся уполномоченным земства по их размещению в лазаретах.

Добавим и то, что первое родовспомогательное учреждение в уезде также основали благодаря инициативе доктора. Этот родильный приют на долгие месяцы стал для Масловского основным местом работы, где вместе с ним служила его жена — фельдшер-акушерка Александра Васильевна.

Надо отметить, что условия работы врачей и медицинских сестер были неблагоприятны. Ежедневно приходилось принимать по 40–50 больных, оперировать в тесных операционных.

Наступил 1917 год. Революция разрушила устоявшуюся жизнь. Борисоглебск бурлил, по всему городу шли массовые столкновения, приведшие к многочисленным жертвам. Заложниками становились простые горожане. Город переходил из рук в руки, от белых к красным четыре раза подряд, и каждый переход превращался в настоящую бойню. Окончательно советская власть в Борисоглебске установилась в 1918 году.

Доктор Масловский трудно переживает эти времена. Уповав на свержение самодержавия, он не ожидал, что воцарение власти народа будет сопровождаться братоубийственной бойней. Положение усугубляла грудная жаба, приступы которой повторялись у него с пугающей регулярностью и мешали ему заниматься общественной работой.

В годы гражданской войны Борисоглебский уезд погряз в эпидемиях сыпного и брюшного тифа. Люди жили в нищете, не было необходимых продуктов, не было

мыла, процветала завшивленность. Медико-санитарное состояние уезда ужасало. Доктор Масловский оставался на своем посту, он не боялся ездить в самую глушь, осматривать инфекционных больных и старался помочь обреченным.

Земская медицина была ликвидирована советской властью в апреле 1918 года; на смену ей пришла государственная. К сожалению, нововведения разрушили то, что Николай Николаевич годами выстраивал в профессиональном отношении. Представители новой городской власти заменили многих профессионалов на откровенных демагогов, а высоко нравственный и образованнейший доктор Масловский не мог мириться с таким положением дел. Так, например, заведовать поликлиникой назначили члена ВКП(б), рабочего, некоего Кутичева. Некомпетентный руководитель не только развалил работу, но и проворовался. В дальнейшем он был расстрелян за свои деяния, но исправить то, что он наворотил, долго не удавалось.

Масловский понимал, что бороться в данном случае бесполезно, и в ноябре 1919 года подал заявление об увольнении. Уздравотдел не церемонился и освободил его от службы. Его увольнение стало огромной ошибкой, которую признала даже новая власть. Доктор Масловский до самой кончины выполнял обязанности консультанта при городской и железнодорожной больницах. До последнего часа он трудился на двух работах, чтобы обеспечить семью.

Смерть наступила внезапно — вечером 6 января 1923 года в канун Рождества Христова. Его похоронили на городском кладбище. После кончины имя доктора оказалось в забвении, и лишь в 2008 году на здании бывшей земской больницы была установлена мемориальная доска, посвященная его памяти.

Праздник к нам приходит

ГОРОД И ЛЮДИ

Фотоочерк о Борисоглебске.

*Снимки из архивов
Станислава ГЛАДЫША
и отдела культуры
администрации
Борисоглебского
городского округа*

День города

Встреча космонавта Олега Новицкого, учившегося в Борисоглебском ВВАУ, с воспитанниками кадетского корпуса

Борисоглебский драматический театр

Аллея Героев

Музыкальный фонтан

Бессмертный полк

Георгиевской ленточке верны

Фестиваль «Во славу Бориса и Глеба»: вечерний концерт в Князь-граде

Фестиваль «Во славу Бориса и Глеба»: праздник детской книги

Новый микрорайон Восточный

Световой фонтан

Мотокросс на Дремах

Удачный бросок

День города: историческая реконструкция «На Дворянской»

День защиты детей: парад колясок

Живописная окрaина

Сергей Мокшанцев

217-я, «БОРИСОГЛЕБСКАЯ»

(Дивизия, сформированная в Борисоглебске,
прошла боевой путь от Десны до Пруссии)

ВСТУПЛЕНИЕ

Каждый борисоглебец не раз проходил по одной из городских улиц, которая носит название «217-й стрелковой дивизии». Она, соответственно, названа в честь 217-ой стрелковой, Унечской, ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова дивизии. В ее рядах сражались многие сотни наших земляков, в Борисоглебске она была сформирована и отсюда ушла на фронт Великой Отечественной войны. Но до обидного мало осталось свидетельств о подвигах и страданиях, поражениях и победах ее бойцов. А ведь эта дивизия, которую можно называть «борисоглебской», не раз оказывалась на важнейших участках фронта, пройдя славный, хотя и очень тернистый, путь от берегов Десны до Восточной Пруссии!

ФОРМИРОВАНИЕ И НАЧАЛО ВОЙНЫ

Путь 217-й стрелковой дивизии РККА начался ранней весной — 14 марта 1941 года. Не в последнюю очередь дивизию удалось сформировать быстро за счет скрытно проведенной мобилизации резервистов под видом «больших учебных сборов 1941 года», давших 217-й в мае-июне 1941 г. еще 6 тысяч бойцов помимо уже имеющихся комсостава и солдат-срочников.

Штаб дивизии разместился в нашем городе в нынешнем здании СЭС по ул. Ленинской. Несмотря на понятную спешку, дивизия формировалась по штатам военного времени и выглядела как боевая единица вполне солидно. Всего ее численность предполагалась в 14,5 тысяч человек. На вооружении бойцов находилось 558 пулеметов, 1204 автомата, 144 орудия (из них 54 противотанковых), 150 минометов, 16 легких танков (правильнее сказать, танкеток), 13 бронемашин, 558 автомашин, 3 тысячи лошадей.

В дивизии царило приподнятое настроение. Первый командир дивизии, 44-летний полковник Михаил Алексеевич Грачев, мог быть доволен — он заступил на генеральскую должность и начинал историю вновь сформированной воинской части с чистого листа. Сходные чувства испытывал, должно быть, и его начштаба Владимир Петрович Шлегель. Их всячески поддерживал замполит командира дивизии бригадный комиссар Д.В. Васильев. Этим людям после 22 июня 1941 года предстояло повести в смертельный бой тысячи наших земляков...

Публикуется в сокращении

Естественно, начало войны стало неожиданностью как для борисоглебцев, так и для красноармейцев 217-й. Возможно, что далеко не все в первые дни поняли значение происходящего. Как бы там ни было, сразу после передачи по радио знаменитого сообщения Молотова о начале войны (а произошло это только в полдень) 22 июня был созван митинг, на котором командиры и рядовые дали обещание «разгромить фашистов». Предполагалось, что это будет сделано быстро, всеокрушающим ударом. Чувства, которые охватили большинство солдат, очевидцы передают одним словом — негодование. Можно говорить и об удивлении от вероломного удара, сменившемся гневным желанием наказать агрессора. Дивизия начала военную жизнь.

Уже в конце июня 1941 года ее подразделения начали грузиться на станции Борисоглебск, чтобы выдвинуться согласно первоначальным планам в киевском направлении, однако далеко уехать не успели. Вермахт главный удар, вопреки прогнозам, нанес на белорусском направлении. Последовала соответствующая Директива Ставки ГК № 0043 от 27 июня 1941 г., и 217-я стрелковая дивизия была включена в состав 28-й армии. Теперь она передавалась в резерв Западного фронта и должна была выдвинуться в Смоленскую область, куда первые ее бойцы прибыли около 3 июля.

И 217-й, и другим соседним дивизиям здесь предлагалось занять полосу обороны шириной до 45 километров на каждую. Штабу 28-й армии и его работникам личный состав «их» воинских соединений был совершенно незнаком. Изучение личного состава происходило уже в процессе приема соединений. Для штаба армии 217-я дивизия являлась всего лишь соединением свежего формирования с неизвестной боеспособностью. А ведь вследствие вышеупомянутых причин части дивизии оказались разобщены более остальных. Так, некоторые из них сворачивали на север чуть ли не от Харькова, а другие — двигались к Смоленску сразу из Борисоглебска. В результате два ее первые эшелона выгрузились на станции Бетлица, в 80 километрах восточнее города Рославля, то есть примерно в назначенном районе. Но зато остальные эшелоны разгружались в Брянске, и им пришлось идти к Бетлице походным порядком. Это задержало оборонительные работы и развертывание соединения на рубеже обороны на несколько дней, так как в пешем строю предстояло преодолеть около 100 километров, с огромным количеством переносимого в основном на себе имущества, по июльской жаре и под бомбежками. Пока эшелоны везли бойцов и технику 217-й дивизии, пока они выдвигались от железнодорожных станций высадки до мест развертывания, насупила середина июля. Немцы уже вышли к Смоленску! Командиры мрачнели все больше. Война шла совершенно не так, как предполагалось.

В составе 28-й армии в июле 1941 года дивизия сражалась под Смоленском. Бои эти были для наших войск ожесточенными и неудачными. К августу 1941 года 28-я армия, защищавшая смоленские года и веси, перестала существовать.

СТОЯНИЕ НА ДЕСНЕ

После этого 217-я дивизия вошла в состав вновь сформированной 43-й армии. Теперь борисоглебцам было поручено оборонять восточные берега реки Десны, с центром позиции в районе большого села Екимовичи на реке Десне, на критически важном Варшавском шоссе. Немцы сначала шли следом, на восток, и тоже вышли к Десне. Но к 8 августа их напор ослаб — Гудериан поворачивал на юг, к Киеву. Возникла передышка.

Фронт на участке обороны 217-й дивизии стабилизировался и замер. В этом положении он находился около полутора месяцев — громадный срок в условиях 41-го года. Это время можно назвать «стоянием на реке Десне», ведь линия обороны проходила в основном по восточному берегу этой реки. Правда, пока шло это самое стояние, вокруг положение было отнюдь не идиллическим. Уникальное свидетельство о действительном состоянии 50-й армии вообще и 217-й дивизии в частности мы имеем благодаря так называемому «запретному дневнику майора НКВД». Под таким наиме-

нованием стал в последнее время известен очень редкий документ эпохи — личный дневник начальника военной контрразведки (особого отдела) этой армии майора НКВД И.С. Шабалина. По иронии судьбы, именно он по долгу службы был обязан следить, чтобы красноармейцы никаких дневниковых записей не вели — это было запрещено. Но сам Шабалин такой дневник вел, куда и записывал совершенно искренне все свои наблюдения, не предназначенные для чужих глаз.

Уже в начале сентября он делает горький вывод: «Армия не является такой, какой мы привыкли представлять ее себе на родине. Громадные недостатки. Атаки наших армий разочаровывают». Затем 30 сентября идет более подробный анализ ситуации: «Положение с личным составом очень тяжелое. Почти весь состав армии подобран из людей, родина которых занята немцами. Они хотят домой. Бездеятельность на фронте, отсиживание в окопах деморализуют красноармейцев. Появляются случаи пьянки командного и политического состава. Люди иногда не возвращаются из разведки. Противник ведет лишь слабый минометный огонь... Дела идут плохо. Знает ли Москва действительное положение на фронте?..»

Шабалин от себя, естественно, не скрывает, что «положение 50-й армии не блестящее... Это происходит еще из-за того, что армия почти два месяца находится в обороне и ведет только артиллерийский, минометный и пулеметный огонь, и то лишь периодически и очень слабо. Нет никаких активных действий, атак, и из-за этого среди красноармейцев возникают нездоровые проявления... Душа болит, настроение отчаянное». Но командование дивизии, армии и фронта делало вид, что все в порядке.

ПЕРЕД СМЕРЧЕМ

И действительно, пока мало что предвещало солдатам 217-й приближение октябрьской катастрофы. Среди них царило, в общем, меланхоличное настроение: дескать, война будет идти долго, и, может быть, в окопах на Десне сидеть им годами, как в Первую мировую. Вот что писал в течение сентября родным, например, старший лейтенант Василий Дорохин, помощник начштаба 740-го стрелкового полка: «Мы находимся в местах, в которых охотился И.С.Тургенев и которые так прекрасно он описал в «Бирюке», «Хоре и Калиныче». Здесь много диких гусей и аистов. А как там наш сад? Уже сбросил платье?.. Враг силен. Но все же понемножку мы начали теснить его. Верю, что скоро по Смоленской дороге побегут еще раз непрошенные гости, несущие смерть всему, что есть хорошего на земле. Аттила и Чингисхан бледнеют перед этим сатаной. Нет дня, буквально говоря, чтобы не лилась дорогая нам кровь детей и братьев... Становится все холоднее. Продолжают идти с небольшими промежутками дожди, и вода в Десне помутнела. В лесу не слышно уже щебетанья птиц. Не знаю, как теперь чувствуют себя наши аисты?! Бои стали для нас уже буднями. Тяжело терять людей, с которыми еще несколько минут назад разговаривал, отдавал последние приказания. Но война есть война, и ничто не удивляет, только жутко больно душе...» Как и сотни однополчан, Василий Дорохин сгинул в октябре 1941-го под ударом гитлеровского «Тайфуна» и уже никогда не вернулся на родную воронежскую землю.

При хорошей для осени 41-го года комплектности — 11 953 человека, 360 пулеметов, 126 орудий и минометов, в том числе 38 противотанковых пушек — 217-я дивизия занимала непомерно широкий фронт в 46 километров, и без всяких зенитных средств! Удержать сколь-нибудь серьезный удар она не могла. И не сумела, это оказалось выше всяких возможностей.

К этому времени против несчастной 217-й немцы сосредоточили ударную группировку из 10-ти пехотных, 5-ти танковых и 2-х моторизованных дивизий из состава 4-й полевой армии и 4-й танковой группы. Уже в первом эшелоне у противника имелось 9 дивизий, из них 3 танковых. Назревала самая грандиозная катастрофа в истории русской армии.

ПОД УДАРАМИ «ТАЙФУНА»

Осеннему наступлению гитлеровцев на Москву 1941 года, как известно, было присвоено имя «Тайфун». Именно под ударами буквально вихря оказалась 2 октября 217-дивизия. Еще рано утром немцы организовали несколько переправ через Десну на 10-километровом участке, который охраняли всего три роты «борисоглебской» дивизии. Противник просто смел это охранение ударом чудовищной силы нескольких своих дивизий, после чего немцы взяли под контроль деснянские переправы. По ним быстрым темпом были пропущены уже в первые сутки наступления десятки тысяч солдат и более 100 танков.

Что стало с 217-й дивизией, в штабе 50-й армии не знали чуть ли не двое суток. Напомню, что штаб армии находился от нее в 110 км, и при потере проводной связи (что неудивительно, восстановить ее так и не удалось) все контакты были прерваны. Попытки послать по грунтовым дорогам под ударами «юнкерсов» для связи с дивизией грузовики не увенчались успехом. Соседи «борисоглебцев» по обороне с болью наблюдали, как всю ночь на 3-е октября через их расположение шли на восток какие-то растерзанные ошметки войск. Это были разрозненные подразделения 217-й дивизии, смешавшиеся с рабочими строительных частей и беженцами. Наиболее четкую картину произошедшего опять дают не военачальники, а вышеупомянутый особист Шабалин: «Еще 1.10.41 г. у нас появился один немецкий солдат и заявил: «Завтра мы атакуем вас по всему фронту». Он видел в нашей армии силу, однако эта сила задрожала и дала противнику возможность форсировать безнаказанно Десну в нескольких пунктах... Положение 217-й дивизии следующее: 2.10.41 г. немцы провели усиленную артиллерийскую подготовку, разбили пулеметные гнезда и позиции наших стрелков, отогнали наши передовые посты и перешли в атаку. Немецкая авиация проявляла деятельность и не давала нашим силам возможность развернуться. Результат: дивизия разбита. Полк № 766, находившийся на правом фланге, потерян; связь прервана, и никто не знает, где она осталась. От 755-го полка осталось человек 20. Остальные мертвы, ранены или рассеяны. Дивизия потеряла руководство. Красноармейцы были оставлены на произвол судьбы. Все приходят с оружием. От дивизии осталось не более 3 тысяч человек, и эти также рассеяны».

Поскольку немцы действовали механизированными подразделениями вдоль дорог, отход естественным путем начал осуществляться по глухой сельской местности, по лесам и болотам. Это был воистину скорбный путь. Вражеские мотоциклисты заняли все важные населенные пункты, перекрестки дорог, железнодорожные станции и развязды. Ночью немецкие ракеты взлетали буквально кругом. Больные и слабые духом либо подавленные ошеломляющим ударом гитлеровцев отсеивались — расходились по деревням, дезертировали, сдавались в плен, даже не предполагая, какой кошмар их там ожидает. Остальные упорно шли на восток. При этом значительную часть раненых 389-му медсанбату удалось сдать на проходящий мимо поезд на станции Сухиничи. Доблестные медики потом так и вышли из окружения к Белеву вполне самостоятельно в отрыве от основных сил дивизии.

ГИБЕЛЬ ДИВИЗИИ?!

Ситуация складывалась почти безвыходная. С 9 октября прекратилось снабжение всей 50-й армии продовольствием и боеприпасами, поэтому каждый воин, решивший до конца исполнить свой долг, стремился иметь побольше патронов и гранат, таща все на себе. К тому же резко похолодало, и в ночь на 9-е выпал первый снег. А ночевали-то в основном на голой земле! Грязь началась вообще непролазная, все лесные дороги и тропы превратилась в тягучее тесто. Тем не менее, армия, в том числе и оставшаяся часть 217-й дивизии, примерно четверть от ее первоначальной числен-

ности, продолжали двигаться на восток более-менее компактной группой. Промежуточным рубежом отхода стала река Рессета в южной части Калужской области. Но и противник, стремясь не выпустить наших бойцов из окружения, начал срочно выдвигать сюда части усиления, в том числе пару танковых дивизий. Таким образом, из-за безобразной связи и плохой разведки 50-я армия сама шла на Рессету в немецкий «мешок». Уже с 10 октября там начались ожесточенные бои. Наши солдаты отчаянно шли на прорыв в сторону Болхова, но и немцы постоянно усиливались, активно используя танки и авиацию.

Основное сражение развернулось на обширной территории Гутовского лесхоза. Ближе к вечеру 13 октября нашим частям удалось организовать через Рессету переправу, загнав в реку несколько больших штабных автобусов и кинув сверху доски в виде настила. Спасая всех, здесь отличились воины 154-й стрелковой дивизии. Под сильными бомбежками и минометным обстрелом через переправу пошли бойцы и огромный армейский обоз — двигалось приблизительно 1 000 машин в 3 ряда. Многие из них ломались, и их приходилось сдвигать в сторону с помощью тягача. Противник тем временем группировался в районе села Хвастовичи, все сильнее нажимая на наши части в Гутовских лесах. По воспоминаниям, командарм Петров лично собрал что-то около батальона солдат и отдал им приказ оборонять временную переправу до последнего. Утром 14 октября немцы подвергли переправу ожесточенной бомбежке, а подразделения прикрытия атаковали своей пехотой. Атаки были отбиты, обе стороны понесли большие потери, но переправа уцелела. Тогда немцы почти непрерывно начали ее бомбить. Одна из тяжелых авиабомб попала прямо в мост, сорвала настил и разметала автобусы, служившие импровизированными опорами. Переправа перестала существовать! А немцы нанесли удары с востока на запад, буквально заталкивая наши части в гибельный «котел».

Шабалин, превратившийся из грозного начальника особого отдела в рядового окруженца, торопливо помечал при свете костра: «14.10.1941 г. Противник оттеснил нас в кольцо. Непрерывная канонада. Дуэль артиллеристов, минометчиков и пулеметчиков. Опасность и ужас почти целый день. Я уже не говорю больше о лесе, болоте и о ночевке. С 12-го я не спал. 15.10.1941 г. Это ужасно, у меня кружится голова; трупы, ужас войны, мы непрерывно под обстрелом. Снова я голоден и не спал... У нас полное уничтожение. Армия разбита, обоз уничтожен. 16.10.1941 г. Я переночевал в лесу. Уже три дня я не ел хлеба. В лесу очень много красноармейцев. Командиры отсутствуют. В течение всей ночи и утром немцы обстреливали лес оружием всех видов...С утра идет дождь. Затем дождь перешел в мокрый снег. Мы промокли до нитки. Нас мучает ужасная жажда, мы пьем болотную воду. Адский холод, сыро».

В этих боях был тяжело ранен командующий 50-й армией генерал Петров. Немного позже, 20 октября, и он, и Шабалин погибли у деревни Пасеки.

Гудериан в мемуарах самодовольно констатировал: «17 октября капитулировала группировка противника, находившаяся в окружении севернее Брянска. Совместно со 2-й армией нами было захвачено свыше 50 000 пленных и до 400 орудий; были уничтожены основные силы 50-й русской армии».

ВЫХОД К ТУЛЕ

Правда, «быстроходный Гейнц» все же ошибся, и не все наши войска под Хвастовичами сдались. Хотя ситуация складывалась почти безвыходная.

В сложнейший момент 217-я дивизия осталась без командира. Многие офицеры бросили своих подчиненных, не желая нести за них ответственность, и спасались самостоятельно. К счастью, не таков оказался начальник штаба дивизии полковник В. Шлегель (Об этом незаурядном человеке, к огромному сожалению, сохранилось очень мало упоминаний; известно, что скончался он в 1976 году). Шлегель начал дви-

жение вместе с другими частями 50-й армии не на юго-восток на Болхов, путь на который был немцами прегражден накрепко, а на восток, через дремучие леса на город Белев Тульской области. Эта дорога была гораздо труднее, но сравнительно более свободной от немецких заслонов. Наступил тот час, когда каждый боец должен был сжать волю в кулак и сражаться до последнего. И вот в ночь на 18 октября красноармейцы из 217-й дивизии вместе с товарищами из других частей 50-й армии пошли на прорыв. Это был рывок отчаянных людей, оставшихся почти без боеприпасов, голодных, измученных холодом и бессонницей. Поразительно, но им удалось, наконец, преодолеть роковую Рессету и сквозь порядки 53-го армейского корпуса противника выйти из окружения!

Наши бойцы группами и поодиночке стали выходить к Белеву. Первую группу численностью всего 42 человека еще 16 октября сумел привести майор Гордиенко. Потом число спасшихся увеличилось до 300... К 23 октября в дивизии насчитывалось 1 428 человек, ее бойцы сумели каким-то чудом вытащить из «котла» также 8 или 9 пушек и 3 гаубицы, несколько минометов и станковых пулеметов. Совершенно неожиданно в ряды дивизии влилось подкрепление — не пожелавшие разбежаться по домам воины сводного полка, формировавшегося с августа 1941 г. в Брянске.

В 20-х числах октября во всей 50-й армии осталось 10 процентов численного состава и 2,4 процента орудий и минометов от того, что было 1 октября 1941 года.

А война продолжалась. И командование фронта вдруг узрело, что танки Гудерина едут уже к Туле, держа в уме выход к столице. Поэтому своей директивой № 316/ш от 25 октября штаб Брянского фронта, поставил задачу 50-й армии (то есть остаткам, составлявших ее ранее двенадцати дивизий, в том числе 217-й) отойти от Белева через Одоев и Крапивну для участия в обороне Тулы. В течение следующих нескольких дней шла своеобразная гонка: немцы нажимали через Мценск и Плавск на Тулу с юга, а наши части стремились не дать им себя отрезать и, соответственно, подходили к этому городу с запада. К 30 октября им буквально на день удалось опередить врага.

Обстановка у Тулы тем временем складывалась тревожная. Вспоминает офицер штаба 217-й дивизии: «В конце октября 1941 года остатки нашей дивизии вместе с другими войсками подошли к Туле. Причем «на хвосте» отступающих войск уже появились разведывательные танки противника. Они в город не отважились зайти, но изрядный страх на жителей нагнали. Возникла сильная паника. Люди, охваченные тревогой, устремились в продовольственные склады и магазины и тащили оттуда все что могли. А войска тем временем непрерывным потоком уходили через улицы города на восток. Некоторые части дошли до города Венева, в 40 км от Тулы». По мнению мемуариста, переломить ситуацию сумел лишь 1-й секретарь Тульского обкома ВКП(б) Жаворонков. Он не сбежал, как нередко делали другие руководители, а через голову военных дал телеграмму самому Сталину: Тула борется, население решило обороняться, нужны подкрепления. И вот «Ставка немедленно повернула назад отступающие части войск, и с этого момента началась героическая оборона Тулы».

Чтобы участвовать в обороне Тулы, 217-дивизия располагала примерно 1,5 тысячами человек. У трети из них не было никакого оружия. Бойцы ровно месяц в отчаянных рывках выходили из окружения. Но с момента выхода к Туле 217-я никогда уже больше не бежала от противника. Отсюда начался ее победный путь — к Кенигсбергу!

ОБОРОНА ГОРОДА-ГЕРОЯ

Официально героическая оборона Тулы началась 30 октября 1941 года. Тогда был создан так называемый Тульский боевой участок 50-й армии под командованием генерала Попова, заместителя командарма. На южной и западной окраинах Тулы заняла оборону 217-я дивизия, штаб имея прямо на Московском вокзале — в массивном здании с большим подвалом.

Сначала Гудериан планировал захватить славный город русских оружейников с налету, фактически одними танковыми подразделениями, ожидая, что русские опять убегут, оставив ему великолепные трофеи. В конце октября и самом начале ноября 1941 г. десятки немецких танков почти без пехоты, но при сильнейшей поддержке артиллерии и штурмовиков, пытались брать Тулу в лоб, нахрапом. Ожесточенный бой разыгрался у Рогожинского поселка, где плечо к плечу с «борисоглебцами» сражался знаменитый Тульский рабочий полк. Для борьбы с танками, кроме остатков дивизионной артиллерии, использовались орудия ПВО, несколько ракетных установок («катюши») и даже бронепоезд. Гудериан указывал, что заодно «русские, являющиеся мастерами в области разрушения, взорвали при отходе все мосты, а на более узких местах заминировали обширные участки местности вдоль дороги».

Поэтому примерно с 3 ноября немцы начали выполнять более изощренный план: теперь они надеялись охватить с флангов и окружить всю тульскую группировку наших войск, создав так называемые «большие клещи». На восток и на запад от города двинулись немецкие дивизии, и фронт обороны расширился в течение ноября чуть ли не на полтысячи километров. Борьба за Тулу приобрела стратегическое значение!

Однако и наше командование тоже решило не отсиживаться в обороне. Хотя, учитывая состояние наших частей, подобный оптимизм выглядит, мягко говоря, неуместным. Командование Брянского фронта решило ни много ни мало до 15 ноября добиться «уничтожения противника, прорвавшегося через Плавск в район Тулы». Едва отгремел знаменитый московский парад 7 ноября, как войска Тульского боевого участка начали свое контрнаступление. Немцы ответили ударом, поддержанным примерно 55-ю танками. Начался жестокий встречный бой у деревни Китаевка, проходивший на сильном морозе. 217-я дивизия вместе с другими нашими подразделениями стойко выдержала несколько атак врага, но об изгнании немцев из-под Тулы речь уже не шла.

С горечью вспоминал потом начальник дивизионной артиллерии Попов, что самые печальные дни на войне пережил именно в ноябре 1941 года, когда после неудачи собрали на «разбор полетов» командиров: «Нашу дивизию выделили в отдельную группу, усилили ее 33-й танковой бригадой, в которой было 4 танка, и поставили задачу взять Ясную Поляну. Задачу эту мы не выполнили... Вечером — почему не выполнили задачу? Командир танковой бригады говорит: «Артиллерия не была готова». Я молча пожал плечами, ведь на дивизию было всего 14 орудий, так что этой танковой бригаде я смог придать лишь одно зенитное орудие 87-го калибра. «Кто начальник артиллерии?» — спросил генерал так, будто бы он не знает, хотя мы только что ужинали вместе. Я встаю. «А-а-а! Изменник, предатель! Расстрелять тебя надо, сукиного сына!» И началось. Я опять пожал плечами, улыбнулся. «Ты еще и смеешься?! Вот когда повесим — не будешь смеяться!» Я, конечно, вспотел, потому что в 41-м после слов «расстрелять» и «повесить» можно было уже считать себя на том свете». Спас Попова и, наверное, других командиров 217-й звонок нового, только что назначенного командарма Болдина, который заявил, что об их «вредительстве» речи быть не может.

После неудачного наступления 217-я была поставлена в жесткую оборону на ставшей уже родной южной окраине Тулы. Именно в этот момент, 16 ноября, ее возглавил новый командир, и личность это была примечательная. Вся славная военная биография Кузьмы Петровича Трубникова является типичной до поразительности для русского офицера XX века. Он начал военную службу в далеком 1909 году в элитном Семеновском полку, где сумел дослужиться до начальника команды пеших разведчиков и стать полным солдатским Георгиевским кавалером. В 1918 г. вступил в Красную Армию, гражданскую начал комвзвода, окончил — командиром бригады. В июне 1938 года Трубников, командуя дивизией... был арестован и до февраля 1940 года находился под следствием в органах НКВД. К счастью, его не успели расстрелять или

уморить в заключении. В конце марта 1940 года Трубникова восстановили в рядах РККА и направили на преподавательскую работу. Лишь в конце июля 1941-го он смог восстановиться и морально, и физически настолько, чтобы отправиться на фронт. Битый жизнью, до конца 1941 года Трубников имел архаичное на тот момент звание комбрига. Здесь, конечно, видится совпадение жизненного пути Трубникова с биографией его друга и старшего соратника, маршала Рокоссовского. Сходство их биографий, видимо, потом бросалось в глаза и самому прославленному маршалу. Ведь, начиная с 1942 года, Трубников был повсюду вместе с ним, являясь первым заместителем на постах командующего армией и фронтом. Есть какая-то высшая справедливость в том, что именно Трубникову выпала уникальная возможность, будучи только заместителем командующего 2-м Белорусским фронтом, возглавить его сводный полк во время Парада Победы 45-го. Ведь командовал парадом сам Рокоссовский!.. Но пока до этого очень, очень далеко.

В 20-х числах ноября немцы активизировались непосредственно в окрестностях Тулы. Вспоминают про жестокие артоналеты как раз в это время.

Гудериан уже расстался с идеей «больших клещей» — на окружение и разгром всей нашей тульской группировки у него уже не было сил. Но «быстроходный Гейнц» решил хотя бы спасти репутацию и, главное, получить зимние квартиры для своих солдат. В этой связи возникла идея «малых клещей», то есть наступление с целью перерезать железную дорогу и шоссе Тула-Москва и окружить хотя бы сам город. Две формируемые ударные группировки немцев должны были соединиться где-то севернее Тулы.

Жизнь в осажденном городе, между тем, шла своим чередом. Работали не только предприятия, продукция которых была нужна гарнизону и населению, но и булочные, парикмахерские, аптеки. В кинотеатрах даже шли сеансы — крутили фильм «Щорс». Странно было его защитникам думать, что совсем недавно они неуправляемой толпой бежали отсюда прочь, грабя магазины и бросая оружие... Как бы ни ругали (сейчас) партийное руководство, но следует признать, что В.Г. Жаворонков являлся выдающимся региональным руководителем военного времени. Есть его огромная личная заслуга в том, что Тула стала городом-героем, а его защитники были обеспечены хотя бы минимумом необходимого и смогли исполнить свой долг.

КРИТИЧЕСКИЙ МОМЕНТ

Конфигурация фронта предельно облегчала задачу противника — Тула с окрестностями стала напоминать гигантский «язык», далеко вперед выставленный в сторону неприятеля. Не срезать его для вермахта было бы просто грешно. Со 2 декабря 3-я и 4-я танковые дивизии, вновь прибывшая 296-я пехотная дивизия и полк «Великая Германия» противника начали наступление севернее Тулы. Удар был нацелен на Руднево и станцию Ревякино. Гудериан доходчиво объяснил своим солдатам, что бой на этот раз идет не за абстрактные интересы рейха, а за их будущие зимние квартиры. Этого оказалось на первых порах достаточно — немцы, что называется, из последних сил, но сумели-таки прорвать нашу оборону и взять оба названных населенных пункта. На следующий день ситуация стала критической. Немецким танкистам оставалось лишь соединиться с частями своей пехоты, чтобы создать сплошной фронт окружения. Танки с крестами уже перерезали железную дорогу на Серпухов, выползли на шоссе Москва-Тула. Командарм Болдин в приказе констатировал: «Наступили решительные дни борьбы за Тулу».

У него оставалось лишь одно решение — снять со ставшей относительно спокойной южной окраины города имевшиеся здесь части и кинуть их на север. Соответственно, в контратаку в тот же день 3 декабря перешел один из полков 217-й стрелковой дивизии, усиленный девятью танками 32-й танковой бригады. После крайне ожесточенного боя им удалось остановить немцев в районе села Торхова. Из другого полка

нашей дивизии, 740-го, был изъят наиболее боеспособный 3-й батальон, который при поддержке пяти танков и батареи зениток (больше ничего не было!) занял оборону в районе Малахова, противодействуя противнику, стремящемуся замкнуть кольцо вокруг Тулы. Оставшиеся батальоны этого полка схлестнулись с противником за поселок Крюково. Трубникову приходилось командовать изолированными частями дивизии, раскиданными на 20-30 километров. Но он справлялся, и никто на этот раз не бежал и не паниковал.

Контратаковали, конечно, и другие наши части. Из Тулы снова приехал бронепоезд. Бились буквально насмерть и немцы, и наши. И все это при морозе минус 25 градусов, по пояс в снегу, при частых вьюгах. Немцы пытались сомкнуть «клещи» окончательно, при этом тульский «язык» формально уже был ими перерезан. Но подлинный героизм защитников города заключается, как мне кажется, именно в том, что это обстоятельство их не поколебало. Например, красноармеец Кирсанов 668-го арtpолка 217-й стрелковой дивизии, будучи дважды ранен, с поля боя не ушел, заявив, что хочет и далее бить фашистов беспощадно.

Между тем 5 декабря по немцам, окружающим наши войска с севера от Тулы, нанесла удар свежая 340-я стрелковая дивизия. Ей следовало прорубить коридор как раз до позиций 217-й дивизии. Почувствовав близкую помощь, «борисоглебцы» выбили, наконец, противника из Крюкова. Вражеский напор стал ослабевать. К утру 7 декабря 340-я дивизия соединилась с 740-м стрелковым полком 217-й стрелковой дивизии. «Клещи» были разомкнуты, немцы стали отходить западнее и восточнее Тулы на юг.

Гудериан писал так: «Все жертвы и усилия наших доблестных войск оказались напрасными. Мы потерпели серьезное поражение, которое из-за упрямства верховного командования повело в ближайшие недели к роковым последствиям».

Правда, не обошлось и без сюрприза. Немцы никак не хотели смириться с поражением, их боевой дух и жажда успеха были еще очень велики. Поэтому они пошли на отчаянный шаг: бросились прямо на Тулу с западной стороны, нацелив удар как раз на штаб 217-й дивизии, на район Московского вокзала. Но Трубников как раз был из комбригов произведен в генерал-майоры и не собирался уступать. Последний бой за Тулу получился на редкость кинематографичным. Гитлеровцы ночью в течение двух часов чуть ли не в рост шли в атаку, демонстрируя крайнюю неустрашимость. Воспитанные на «Чапаеве», красноармейцы расценили этот отчаянный приступ как своего рода психическую атаку. Все происходило под светом прожекторов 732-го зенитно-артиллерийского полка под командованием старшего лейтенанта М.Е. Кузнецова. В конце концов, немцы не выдержали и отошли... Сейчас это памятное место отмечено памятными знаками по обочине Старокалужского шоссе.

ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ

Этот момент как раз стал одним из признаков перехода наших войск с ходу в стратегическое контрнаступление под Москвой. И 50-я армия, естественно, также должна была наступать на врага. Ее ослабление от непрерывных оборонительных боев, чудовищную усталость солдат и офицеров, сильный недостаток танков и артиллерии в расчет просто не воспринималась. По имеющимся у командующего Западным фронтом Жукова сведениям, 50-я армия имела на начало контрнаступления боеприпасов (только мин и артыстрелов) 2 боекомплекта, горючего 2 заправки и проффуража 4 суточные дачи, что было признано чуть ли не великолепным. Однако, например, снаряды с армейских складов непосредственно в войска поступили только к 17 декабря. Но на подобные «мелочи» внимания никто не обращал.

Согласно плану армии следовало во взаимодействии с другими нашими частями окончательно разгромить всю 2-ю танковую армию вермахта. Конкретно 217-я дивизия получила следующую задачу: взаимодействуя с соседями, окружить немецкие

опорные пункты Косая Гора и Ясная Поляна, после чего взять город Щекино. Быстрое падение последнего фактически вело к расчленению армии Гудериана надвое. Выполняя невыполнимое, 217-я пошла в наступление. Противостояли ей отборные части вермахта, в том числе полк «Великая Германия», который по силе смело можно приравнять к моторизованной дивизии. Наши бойцы, поддерживаемые одинокой батареей «катюш», начали штурмовать Косою Гору — большой рабочий поселок на возвышенности, прекрасно оборудованный противником для обороны. Немцы подготовили большое количество дотов, дзотов, пулеметных гнезд, надолбов, минных полей и других инженерных сооружений. Ни с чем подобным наши солдаты еще не сталкивались. У них фактически не было опыта наступления и прорыва укрепленной вражеской обороны.

При этом командарм дал указание взять поселок уже к вечеру 8 декабря, в первый же день наступления. В реальности лишь ночью дивизии удалось завладеть парой деревенок к северу от Косой Горы. Немцы, видя перспективу отступления с ночевками в чистом поле при минус 20 без зимнего обмундирования, за теплые дома и подвалы дрались, как бешеные.

Лишь 14 декабря немцы отошли от Косой Горы в город Щекино, который также решили упорно оборонять, ведь через него вся 2-я танковая армия спешно «утекала» из-под удара русских на запад. Но еще до этого Трубникову поступил даже не приказ, а «личная просьба» начальника Генштаба РККА маршала Шапошникова взять Ясную Поляну и сделать это так, чтобы не пострадал музей Л.Н. Толстого. Комдив сам обошел все полки и батальоны, рассказывая солдатам, какую ценность представляет музей для мировой культуры. Не знаю, все ли бойцы дивизии любили книги Толстого, но они сверхчеловеческим усилием сумели выбить противника из Ясной Поляны еще до взятия Косой Горы. Священное место для нашей национальной культуры было спасено.

С 15 декабря 217-я дивизия при поддержке других частей начала штурм Щекина, охватив город с северо-запада, севера и востока. Около трех суток длились жестокие бои. Гитлеровцы вновь оборонялись упорно, и защищать им было что — в Щекино находились аэродром, склады боеприпасов и армейская ремонтная база. Опыта уличных боев не было, но бойцы 217-й дивизии упорно брали дом за домом, улицу за улицей. Вечером 17 декабря Совинформбюро с удовлетворением сообщило: «Сегодня нашими войсками занят город Щекино... Только часть т. Трубникова захватила 6 немецких самолетов, 35 танков, 4 орудия, 35 автомашин, 40 мотоциклов, десятки тысяч снарядов и много другого военного имущества».

НОВЫЙ ГОД

С учетом изменившейся обстановки, направление движения 217-й дивизии с севера на юг после боев за Щекино было внезапно резко изменено. Теперь ей предстояло круто повернуться на запад и спешным пешим маршем выходить в район поселка Ханино. Трубников сумел организовать движение, и уже 20 декабря дивизия, преодолев в подлинно суворовском темпе около 100 километров, оказалась в заданном месте. Чего стоил этот марш пешком по бездорожью при свирепом морозе, остается только догадываться.

К 24 декабря дивизия выдвинулась на Оку, имея перед собой на противоположном берегу райцентр Перемышль (это уже на калужской земле). Последний был превращен противником в сильный опорный пункт и оборонялся частями 137-й пехотной дивизии. Но наши бойцы и командиры уже получили опыт наступления в зимних условиях. Перемышль был взят ночной атакой, неожиданным приступом. Замерзшую Оку удалось по льду форсировать широким фронтом, и немцы не смогли определить направление удара. Противник беспорядочно отступил, удалось вновь

захватить много трофеев. Более того, один из полков 217-й сразу двинулся далее на северо-запад и вскоре ворвался на станцию Воротыньск в километрах 25 от Перемышля. К Новому году основные силы дивизии вышли и к станции Бабынино, надежно перехватив железнодорожную линию Калуга-Брянск. Нельзя тут не сказать, что стараниями учителя истории Перемышльской средней школы В. Степченкова там имеется музейная экспозиция, посвященная подвигам 217-й дивизии. А одна из улиц поселка носит имя генерала Трубникова.

Однако новогодние бои в январе 1942 года не принесли новых громких побед. Велись они с 4-го числа уже в составе новой армии — 49-й. Сперва удалось, правда, продвинуться еще довольно далеко вперед на северо-запад от железнодорожной линии Калуга-Брянск. Но затем сопротивление немцев резко усилилось, ведь до них был доведен категорический приказ фюрера держать оборону под угрозой свирепой и неизбежной кары, аналогичный нашему «Ни шагу назад»! И резервы подошли к противнику, и в боеприпасах он не испытывал ни малейшего недостатка. А у 217-дивизии элементарно уже не доставало ни сил, ни людей на новые прорывы. Но как раз в эти дни, как указывает наша официальная историческая наука, контрнаступление под Москвой переросло в Московскую наступательную операцию. Как говорится, почувствуйте разницу. Комфронта Жуков запланировал окружить основные силы группы армий «Центр» и уже не считался ни с какими резонами, препятствующими этому грандиозному замыслу. И вот 217-я дивизия долго сражалась, не продвигаясь почти ни на шаг, на реке Угре. Но как это новое «стояние» не было похоже на давешнюю оборону по Десне!

К 10 января дивизии удалось выйти почти на самое Варшавское шоссе километрах в шести от г. Юхнова. Но подвижные боевые группы немцев постоянно курсировали по шоссе и не давали за него зацепиться. Из снега и льда противник построил большое количество «пулеметных горок» на манер эскимосских иглу, разрушить которые можно было только прямым попаданием снаряда или гранаты, которых трагически не доставало у наших бойцов! Начались многомесячные бои на Угре, вязкие и жуткие, словно кошмарный сон. При этом та дивизия на Западном фронте, в которой оставалось 700 бойцов, считалась на тот момент «полнокровной». В отличие от таковых, уже в январе 1942 года 217-ю дивизию называли в сводках «ослабленной». Таким образом, в строю осталось максимум несколько сот солдат. Закачивался первый год войны, начинался следующий...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Это небольшое исследование посвящается мужеству и стойкости бойцов и командиров 217-й стрелковой дивизии, которые они проявили в первый, роковой год Великой Отечественной войны. Впереди у дивизии были новые ожесточенные сражения, освобождение Брянщины, Белоруссии (где в бою под городом Слонимом погиб ее тогдашний командир Масонов), Польши. Впереди — бои за Восточную Пруссию, и там же — встреча долгожданной Победы в мае 1945-го года. Обо всем этом следует писать более подробно в новых исследованиях. Но надо понимать и то, что с нового 1942 года 217-я дивизия уже не могла называться «борисоглебской» даже условно. Из ее первоначального состава осталось к тому времени несколько десятков штабистов, писарей и телеграфистов. Остальные полегли в боях, лечили ранения в госпиталях, страдали в немецких концлагерях...

В самый страшный период войны наспех обученные и подготовленные бойцы 217-й дивизии встали на защиту Родины. Их подвиг, граничащий с самопожертвованием, как и подвиги сотен тысяч других красноармейцев, обеспечил, в конечном итоге, нашу Победу. 217-я дивизия приняла затем в свои ряды новых бойцов и закончила свой славный путь на вражеской земле.

Дмитрий Протасов

ПОДВИЖНИК И СОЗИДАТЕЛЬ

(Купец С.В. Кочергин — не только основатель промышленности, торговли, водопровода, но и попечитель школ и храма)

Семен Владимирович Кочергин — один из наиболее ярких и одновременно типичных примеров борисоглебских купцов-предпринимателей. Сегодня уже многие горожане знают, что именно Кочергин был отцом-родителем чугунно-литейного завода, из которого вырос современный котельно-механический завод. Некоторые даже осведомлены о том, что именно Семен Владимирович Кочергин и Андрей Фомич Рыжков построили в Борисоглебске первую паровую, вальцовую мельницу, так и оставшуюся самой большой в городе. Совсем немногие осведомлены о его участии в налаживании работы городского водопровода. А уж про то, что это имя связано еще и с рождением Борисоглебского городского сада, знают, наверное, всего лишь единицы. Да и те — работники художественно-исторического музея.

Ну а теперь обо всем по порядку. Об отце Семена Корчагина, Владимире Александровиче, известно немного — прежде всего лишь то, что в шестидесятых годах девятнадцатого века он был купцом третьей гильдии. Возраст его также можно лишь предположить. Вероятно, год рождения был где-то в период с 1820-го по 1825 год. Памятная книга Тамбовской губернии за 1864 год сообщает, что он являлся в то время одним из двух бургомистров городского магистрата.

Семен Владимирович тоже не оставил никаких особых, тем более точных, документальных свидетельств о дате своего появления на свет. Предположительно, его год рождения — 1848, 1849 или 1850. Наверняка известно, что в 1873 году, когда городским головой Борисоглебска был Первой гильдии купец Степан Тимофеевич Иванов, брат Семена Степан Владимирович был уже купцом Второй гильдии и являлся одним из членов городской Управы (то есть рожден не позже 1852 года, так как совершеннолетие в Российской империи и дееспособность в бизнесе и службе наступали в 21 год).

Через десять лет после этого Семен Кочергин уже сам являлся гласным городской Думы — так же, как и Андрей Фомич Рыжков, где, вероятно, они познакомились, а возможно, и подружились. Именно с этим периодом связана история возникновения Городского общественного сада. Вот что сообщает об этом информация Борисоглебского музея:

Тогдашний гласный Думы Р.К. Вейс выступил с этой инициативой на заседании городской Думы 23 мая 1880 г. В протоколе этого заседания зафиксированы его слова: «Городская публика решается принять устройство сада за

счет добровольных средств», поскольку для этого дела в городской казне денег недостаточно. Вейс обратился к Думе с просьбой выделить участок земли под сад. При этом прилагался план этого участка. В своем выступлении Вейс подчеркнул, что «устроенный средствами любителей сад остается навсегда собственностью городского общества, и доступ в него должен быть открыт всем без различий: будут ли то участники при устройстве его или нет». Была создана специальная комиссия по открытию Общественного сада в Борисоглебске. В ее состав вошли гласные: Вейс Р.К. (председатель), Долгов К.И., Зуев А.А., Рыжков А.Ф., Кочергин С.В. Землю Дума выделила. Открытие Общественного сада в г. Борисоглебске состоялось в 1881 году.

В 1898-м и Семен Владимирович и Андрей Фомич по-прежнему являлись гласными городской Думы. А в дальнейшем Семен Владимирович входил в состав городской Думы практически постоянно еще два десятка лет. Причем в двадцатом веке в списках гласных его фамилия располагалась в списке первой, с неизменной уважительной припиской — «почетный», а позднее — еще и «потомственный почетный гражданин». Абсолютно достоверно то, что он оставался гласным даже после 1914 года. По крайней мере, в 1916 году — он еще неизменный член городской Думы.

Любопытно отметить, что период первичного накопления капитала для С.В. Кочергина прошел в сфере торговли. Архивные документы рисуют современному исследователю живописную картину строительства молодым Семеном Кочергиным собственной торговой империи. Торговые точки имелись у него с самых молодых лет на Новособорной площади — рядом с родительским домом. К 1879 году у него имелись еще две лавки на Новой площади (т.е. Новобазарной, которая только начала оформляться и превращаться в новый центр торговой жизни города), оцененных одна в 400, другая в 250 рублей. Еще две лавки Кочергина (стоимостью в 400 и 150 рублей) находились на Ярмарочной площади. А на Старой площади его лавка была оценена в 1500 рублей. Так что это был большой полноценный магазин, скорее всего, в каменном двухэтажном здании аптеки Кочергиных.

Любопытно, что на тот момент на Старой площади торговые лавки имели целых пять Кочергиных: Семен, Петр, Степан, два Алексея — первый и второй. К сожалению, в ведомости 1879 года не указаны отчества. Но вряд ли они все были лишь однофамильцами.

В это же время Кочергин пытался заниматься еще и аптечным бизнесом. Небольшое кирпичное двухэтажное здание расположено по адресу пер. Суrowикина 4 и было выстроено еще в середине девятнадцатого века — возможно также, являлось первоначальным гнездом семьи Кочергиных. Это и есть аптека Кочергина.

В 70-е годы девятнадцатого столетия Кочергин совершает качественный рывок в бизнесе — становится промышленником. В 1875 году Семен Кочергин строит Чугунно-литейный завод. Вот как это выглядит в изложении краеведа В.В. Самошкина:

«В марте 1875 года Борисоглебская городская Управа рассмотрела прошение местного молодого купца Семена Владимировича Кочергина о разрешении ему возвести чугунолитейный завод на городской земле, за современным городским парком. Через месяц разрешение было выдано, а к концу года завод уже работал. Он производил самую различную продукцию из металлического литья, так необходимую и горожанам и жителям сел уезда».

И все же среди краеведов бытует мнение, что завод на самом деле существовал и работал значительно раньше. Картотека Борисоглебского музея называет нам 1870 год как дату основания этого предприятия. Памятные книги Тамбовской губернии сообщают о наличии Чугунолитейного завода в Борисоглебске уже в

1873-м году и даже в 1864-м. Так что вероятно, что Семен лишь приобрел завод, а потом, как сейчас говорят, модернизировал его.

Владел заводом Кочергин не менее пяти лет. В дальнейшем завод перешел в собственность купцов братьев Волостных. Но Семен Кочергин оставался его владельцем как минимум до 1880 года, так как в этом году в списке борисоглебских купцов и их предприятий он все еще числился хозяином завода. А уже в 1883 году Кочергин вместе с купцом Второй гильдии Андреем Фомичем Рыжковым организовал Торговый дом «А.Ф. Рыжков и С.В. Кочергин» для ведения мукомольного бизнеса.

Чугунно-литейный завод был не самым крупным, но вполне современным и достаточно технологичным предприятием — по меркам того времени, разумеется.

Нам известно, что именно на этом заводе были отлиты колонны для особняка Анисимова, дома Дерибезова, скорее всего, лестница для железнодорожного училища и многое другое.

Дальнейшая судьба завода, уже не связанная с жизнью С.В. Кочергина, тем не менее, любопытна для борисоглебцев. В советское время предприятие было национализировано и активно работало даже в период гражданской войны. В 1932–1933 годах в Борисоглебске появился еще один чугунолитейный завод — в самом центре города, на радость промышленникам и на горькую судьбу жителей центральных кварталов. Интересующий нас завод Кочергина в связи с этим превратился в так называемую Вторую площадку завода. И оставался таковой еще много лет.

Правда, оборудование для литья, по мнению В.В. Самошкина, было вскоре демонтировано и вывезено на главную площадку. Но мы наверняка можем сказать, что на западной окраине города механическое производство существовало еще и в 50-х годах двадцатого столетия. (Об этом сообщает отчет завода за 1952 год.) Только в 1959 году последние цеха окончательно закрылись, а в следующем 1960-м сама территорию завод передал городу. Для нас особо интересна история самого старого завода тем, что однозначно свидетельствует: Семен Владимирович Кочергин являлся прародителем современного котельно-механического завода.

Далее, организовав торговый дом своего имени, Рыжков и Кочергин возвели монументальное кирпичное пятиэтажное здание и запустили свое новое производство в том же 1883 году. Мельница, выстроенная совместно с А.Ф. Рыжковым, была огромной. Таких колоссальных производственных сооружений в Борисоглебске просто еще не возводили.

Не вызывает никаких сомнений, что для строительства такой громадины требовалось очень много денег. В этот период Семен Кочергин и расстался со своим чугунолитейным заводом. Новое мукомольное производство, на котором трудилось более пятидесяти рабочих, получило современный, мощный паровой 80-сильный двигатель. Здесь производилось до 200 тыс. пудов муки в год. Дела у купцов шли весьма успешно, и в 1890 году к 5-этажному каменному зданию мельницы было пристроено еще одно помещение — для другого, нового 75-сильного котла. Но дальнейшие планы развития рухнули в одночасье, когда в 1897 году на мельнице случился сильнейший пожар. Пожар потушили, не дав ему уничтожить всю мельницу, однако потери были очень велики. Оборудование в значительной степени погребено в огне, были утрачены крыша и частично перекрытия.

Оборотистые купцы не забыли застраховать свое детище от уничтожения огнем в страховом обществе «Якорь». Поэтому они смогли получить страховую премию в размере 13 000 рублей серебром. Однако ущерб оказался слишком значительным и, судя по всему, полученных по страховке денег оказалось недостаточно для восстановления сгоревшего производства. Встала реальная угроза краха всего предприятия, в которое наш герой и его партнер вложили большую часть своих средств. И тогда А.Ф. Рыжков и С.В. Кочергин принимают трудное, но, очевидно, неизбежное решение о привлечении в дело новых компаньонов.

Оба купца продали 6/10 долей из принадлежавшего им мукомольного предприятия новым участникам — возможно, даже своим бывшим конкурентам. Торговый дом «А.Ф. Рыжков и С.В. Кочергин» был упразднен и перестал существовать. Вместо него появилось новое купеческое объединение в форме полного товарищества под названием «Первое товарищество паровой вальцовой мельницы в Борисоглебске». Говоря современным языком, создано акционерное общество, которое было зарегистрировано в 1898 году и начало работать в конце того же года. Именно эта дата и была выложена кирпичом на фронтоне обновленной мельницы, и ее видели в советское время тысячи борисоглебцев.

В состав нового товарищества вошли борисоглебские купцы А.Ф. Рыжков, С.В. Кочергин, В.А. Беднов, М.К. Ермолин, А.С. Фролов и крестьяне М.Ф. Прадиков из Нижегородской губернии, А.Т. Клеменов из Тульской губернии и П.Г. Личнев из Саратовской губернии. Заведовать строительством и управлять мельницей был назначен крестьянин Александр Трофимович Клеменов. Товарищество по старым справочникам числится основанным в 1898 году. Дальше мельница работала бесперебойно и явно приносила значительные доходы своим владельцам. В 1912 году товарищество вышло в городскую Думу с ходатайством — разрешить ему построить собственную узкоколейную ветку для подвоза зерна, поскольку объемы грузов были временами просто запредельными. В период уборки урожая на станцию Борисоглебск порой прибывало до 200 вагонов с зерном в день!

К 1914 году Первое товарищество паровой вальцовой мельницы обладало основным капиталом в размере 180 000 рублей. На предприятии был задействован паровой двигатель мощностью в 600 (!) л.с. (в качестве топлива использовался уголь в количестве до 20 000 тонн в год), работали два мощных жернова для грубого помола и 24 вальцовых станка для муки тонкого помола. В год мельница перемалывала до полутора млн пудов зерна только пшеницы. В денежном исчислении годовое производство достигало 1 800 000 рублей. На предприятии трудились почти 120 человек рабочих, а сама мельница по мощности и по энерговооруженности вышла на первое место не только в Борисоглебске, но и во всей Тамбовской губернии.

Паровые мельницы Борисоглебска

Магазин Кочергина

Управляющим мельницей по-прежнему оставался А.Т. Клеменов, технической частью заведовал С.В. Соколов, коммерческой частью — В.А. Фролов, купец борисоглебский. В состав правления входили: Рыжов А.Ф., Клеменов А.Т., Фролов В.А., Кочергин С.В., Беднов А.В., Линючев П.Г., Прадидов М.Ф. и Ермолин М.К.

Где жили эти люди? Матвей Федорович Прадидов — на улице Большой, ныне Свободы, рядом с ним — купец Беднов Александр Васильевич, Фролов Владимир Алексеевич — в 84 кв. на улице Поворинской, Клеменов Александр Трофимович — на Дровяной улице (сейчас Победы), дом 9, Михаил Константинович Ермолин — Большая улица, дом 107, рядом с Линке.

Помимо крупных производственных дел, до самого завершения своей предпринимательской деятельности Семен Владимирович Кочергин не отказывался и от торговли. В самый разгар эпопеи с созданием Первого товарищества паровой вальцово-мельницы он продолжал оставаться владельцем крупного магазина железных и скобяных товаров на Новой площади. (Данные за 1897 г.)

В 1912 году у него была москательная лавка на Новобазарной площади. А на следующий год он выкупил магазин, принадлежавший ранее купцу Матвею Евстафьевичу Юрьеву и расположенный на самом бойком месте не только Хлебной площади (Новобазарной), но и всего Борисоглебска. По данным за 1914 и 1916 годы, здесь, на углу Большой и Охлябининской улиц — самых оживленных в городе, размещался розничный магазин колониальных товаров и ренсковой погреб Кочергина.

Магазин торговал самым широким ассортиментом вин, а также чаем, кофе, сахаром, конфетами, различной гастрономией и даже косметикой. Расположен магазин был в доме Дерибезова — крайний справа, глядя со стороны Хлебной площади. Это наглядно подтверждает старая фотография, а также реклама 1914 года, где прямо говорится, что магазин расположен «под домом Дерибезова».

Следующий интересный вопрос — где же проживал Семен Владимирович Кочергин. Вопрос этот одновременно и совсем простой, и достаточно сложный. К его семейному гнезду обычно относят здание в переулке Суровикина (улица Преобра-

женская). На самом деле, городская усадьба Кочергиных занимала значительную территорию на самом углу Преображенской или Новособорной площади. Ныне это несколько зданий в переулке Сурукинина и по улице Дубровинской, которые ранее составляли единый комплекс сооружений с различным функциональным назначением.

Усадьба Кочергиных однозначно занимала целый угол квартала. На старом фото, сделанном с Преображенского собора, виден обширный двор, окруженный всевозможными постройками. На переднем плане выделяются два кирпичных здания постройки начала и середины девятнадцатого века, соединенные красивой аркой с воротами. На заднем плане — длинный ряд конюшен или, возможно, каретных сараев, который тянется через весь двор. Сейчас на их месте располагаются более поздние постройки из кирпича, в которых ныне проживают городские семьи.

Значительное по размерам каменное здание с мезонином и балконом было выстроено (согласно списку объектов культурного наследия Борисоглебска) еще в начале девятнадцатого века, вероятно, дедом Семена Владимировича. Двухэтажное здание служит людям как жилье до сих пор, только утратило большой балкон или скорее террасу. Интересен и угловой деревянный дом, протяженным западным фасадом выходящий на нынешнюю Дубровинскую улицу. По данным адрес-календаря 1916 года, С.В. Кочергин проживал именно на Нижнеплощадной улице, а не на Преображенской, хотя и в том же 28 квартале. Вероятно, права Л.В. Кригер, утверждая, что каменный дом — доходный дом Кочергина. Подтверждением является запись в справочнике о торговле за 1912 год.

Еще одна грань предпринимательского таланта Семена Владимировича заключается в том, что одно время он обслуживал еще и городской водопровод. В 1861 году в Борисоглебске была построена первая водонапорная башня. Возвели ее на Базарной площади. (Это прежняя Новособорная площадь.) Воду здесь продавали на розлив — как местным жителям, так и приезжим, которые посещали городской рынок. После строительства железной дороги и создания ее водопровода городские власти приняли решение о создании в Борисоглебске собственной службы водоснабжения. Осенью 1870 года была создана специальная комиссия

Усадьба Кочергиных

для оценки некоторых земельных участков в старой Западной части города для постройки водопровода. По сведениям некоторых справочных изданий, водопровод в Борисоглебске был построен в 1873–1874 годах (энциклопедия ЦЧО 1934). Во всяком случае, в 1876 году водопровод в городе уже был точно.

Обширное водопроводное хозяйство — трубы, здание подкачки, насосы и механизмы — необходимо было регулярно проверять и содержать в работоспособном состоянии, машину обеспечивать топливом. И вот 3 июня 1879 года постановлением городской Думы (информация об этом была опубликована в «Тамбовских губернских ведомостях» 19 июня 1879 г.) было принято решение поручить такое обслуживание частному лицу. 31 июля 1879 года городская Дума передала все права на содержание городского водопровода на 6 лет местному купцу Второй гильдии С.В. Кочергину за ежегодное вознаграждение в размере 1600 рублей. Таким образом, в дальнейшем Семен Владимирович, человек необыкновенно энергичный и деятельный, занялся еще и городским водопроводом, закономерно считаясь нынче одним из его родоначальников.

Следует также отметить главное: всю свою жизнь Кочергин не только зарабатывал деньги, но и щедро направлял их на благотворительные цели. Например, хорошо известно, что он выстроил рядом с собственным домом небольшое деревянное здание и отвел его под приют «Шатры» для странников, бродяг и путешествующих работных людей. В сутки тут порой принимали до 20 человек. Всем давали ночлег и пищу. Дорогу к Кочергину пилигримы находили легко — вывеска на приюте была обращена к Преображенскому храму и сообщала, что здесь всегда открыто в ночь.

Долгие годы Семен Кочергин был попечителем 2-го мужского приходского училища (до 1900 г. его попечителем был Иван Алексеевич Завитаев), церковно-приходской школы, являлся церковным старостой Успенского храма (ктитором и попечителем с 1880 года) и очень многое сделал для сохранения его в великолепном состоянии. Вот что писали «Тамбовские епархиальные ведомости» от 9 июня 1912 года: «Старособорная церковь г. Борисоглебска — самая древняя из всех церквей, основанная в 1792 году... Сейчас благодаря исключительной заботливости церковного старосты, купца Семена Владимировича Кочергина, старый собор находится в хорошем состоянии и прекрасно украшен. На средства старосты был произведен капитальный ремонт всего храма, снаружи окрашены стены и крыша храма, перемощены полы, стены расписаны художественной живописью. Утварь и ризница в храме богатые и имеются в большом количестве». При храме имела церковная школа, стоимость здания которой достигала 10 000 рублей. Построено оно было также на средства церковного старосты, а содержалось на пожертвования его супруги Аграфены Алексеевны Кочергиной. Она и являлась попечителем школы, в которой обучалось более ста девочек.

Здание школы было сдано к 1 августа 1904 года. В советское время в этом здании размещалась школа № 7.

Последнее упоминание о С.В. Кочергине относится уже к послереволюционным временам. Его имя встречается в обширных списках состоятельных граждан, составленных новой властью для обложения их единовременным революционным налогом общей суммой в 12 млн 700 тыс. рублей (из Ефима Накрохина). Сумма обложения для Кочергина составляла 200 000 рублей. Период обложения и насильственного взыскания — февраль — март 1918 года. В случае невыплаты все имущество строптивца полностью подлежало конфискации. Был ли еще жив в то время сам Семен Владимирович (и если был, то смог ли перенести столь тяжелый удар) — нам достоверно неизвестно. Ему в 1918 году было уже около семидесяти лет, и лишиться всего нажитого за долгую и трудную жизнь было, конечно, тяжело. Возможно, этот груз лег уже на его наследников.

Михаил Пащенко

ПЕРВЫЙ ВОЕНКОМ

(Никифор Переведенцев в боях и трудах)

На железнодорожную станцию Борисоглебск 12 августа 1917 года в два по полудню прибыл пассажирский поезд, следовавший из Грязей до Царицына. Первым из вагона второго класса на перрон вокзала вышел стройный молодой подпрапорщик. В одной руке он держал выдавший виды небольшой чемодан, на изгибе второй руки находилась шинель. Несмотря на то что местная публика была избалована присутствием в городе военных, находящиеся на перроне встречающие и провожающие с интересом поглядывали на высокого, статного унтер-офицера.

Георгиевский крест, украшавший его грудь, отменная выправка выдавали в нем человека с богатым боевым опытом. Оглядевшись, он уверенной походкой направился к дежурному по станции, чтобы узнать, как лучше добраться до места расположения воинской части, указанной в его предписании. Получив необходимую информацию и поблагодарив дежурного, он вышел на привокзальную площадь. Здесь приехавших встречали более двух десятков извозчиков. С видом человека, знающего себе цену, подпрапорщик выбрал самый respectable экипаж и, не торгуясь с извозчиком, назвал адрес, куда его необходимо доставить.

Уже через полчаса унтер-офицер представлялся дежурному по полку офицеру. В предъявленных документах указывалось, что после излечения в госпитале он направляется для дальнейшего прохождения службы в 6-й маршевый запасной кавалерийский полк.

По устоявшейся в полку традиции его как Георгиевского кавалера принял командир полка полковник Алексей Алексеевич Мациевский, одновременно исполняющий обязанности и начальника борисоглебского гарнизона. Он подробно расспросил унтер-офицера о предшествующей службе и участии в боевых действиях. Ответами прибывшего в полк боевого подпрапорщика полковник Мациевский остался доволен. Но он даже представить не мог, что через короткий промежуток времени окажется с подпрапорщиком по разные стороны баррикад... А унтер-офицер Никифор Александрович Переведенцев, прибывший на службу в запасный кавалерийский полк, также не мог предположить, что судьба его на четверть века свяжется с провинциальным Борисоглебском и что он оставит в местной истории заметный след. И через несколько десятков лет исследователи с учетом политической конъюнктуры, оценивая его деятельность в этих краях, будут вносить либо светлые, либо темные оттенки в довольно противоречивые стороны его биографии.

К моменту прибытия в Борисоглебск Никифор Переведенцев, несмотря на молодость, был человеком с богатым жизненным опытом. Судьба его не баловала. Родился он в июле 1889 года в деревне Ушивка Карачевского уезда Орловской губернии. Рано лишился родителей: мать умерла, когда ему было четыре месяца, отца потерял в двенадцать лет. До этого времени он успел окончить земскую школу.

С десяти лет был пастухом, пас скот по найму, с четырнадцати — батрачил на кулаков.

Два года, с 1909-го по 1911-й, Никифор работал формовщиком на кирпичном заводе в городе Екатеринодаре. И уже в советское время, заполняя различного рода анкеты, в графе социальное происхождение он с гордостью отмечал — пролетарий.

В 1911 году пятнадцатого сентября на основании закона о всеобщей воинской повинности Никифор Переведенцев был призван на действительную военную службу. Армейский путь он начинает в Одесском военном округе. С учетом физических данных и уровня образования его определили в кавалерию. Кавалерийский полк, куда прибыл новобранец Переведенцев, дислоцировался в городе Одесса. В полку Никифор Переведенцев в течение четырех месяцев проходил обучение по строевой подготовке, изучал уставы, наставления, оружие. После четырехмесячной подготовки вместе с другими новобранцами был приведен к присяге — торжественному обещанию молодого воина на верность царю и Отечеству. Это мероприятие в полку было проведено в торжественной обстановке. На нем присутствовали представители духовенства и высшего военного руководства округа.

Вскоре Переведенцев становится одним из лучших солдат своего подразделения. Командование неоднократно поощряло его за успехи в службе. Никифор пользовался большим уважением среди своих сослуживцев. К его мнению прислушивались, ему доверяли.

Отличающемуся усердием и способностью к службе, имеющему неплохую общеобразовательную подготовку, прослужившему уже более полутора лет, кавалеристу Переведенцеву было предложено пройти подготовку в учебной команде и стать унтер-офицером. Отбор в учебную команду был тщательным, при этом учитывалось и собственное желание военнослужащего. Никифор принял это предложение и был направлен в полковую девятимесячную школу. С введением всеобщей воинской повинности значительно возросла роль унтер-офицеров — непосредственных командиров и наставников солдат.

«Основным фундаментом, на котором держалась старая армия, был унтер-офицерский состав, который обучал, воспитывал и цементировал солдатскую массу», — подчеркивал маршал Советского Союза Г.К. Жуков. В свое время также окончивший учебную команду, он отмечал: «Оценивая теперь учебную команду старой армии, я должен сказать, что, в общем, учили в ней хорошо».

Боевая подготовка в полковой школе действительно была поставлена образцово. За время обучения Никифор Переведенцев в совершенстве овладел конным делом, оружием и методикой подготовки солдат. Большое внимание в учебном деле уделялось строевой подготовке. И здесь он был одним из первых.

После завершения учебной команды Переведенцев успешно сдал экзамены по всем предметам, возвратился в свое подразделение, занял вакантную должность командира отделения и получил звание младшего унтер-офицера.

Командир подразделения после знакомства с молодым унтер-офицером Переведенцевым, высоко оценив его подготовку, доверил ему обучение и воспитание солдат без лишней опеки.

Такое доверие, несомненно, способствовало выработке у унтер-офицера Переведенцева самостоятельности, инициативы, чувства ответственности и волевых качеств. Не случайно многие унтер-офицеры старой армии после Октябрьской

революции стали квалифицированными военачальниками Красной Армии. Судьба Никифора Переведенцева является ярким тому подтверждением.

В августе 1914 года, с началом Первой мировой войны, унтер-офицер Переведенцев в составе своего полка был направлен на фронт. Кавалерия была основной ударной силой русской армии. Кавалерийский унтер-офицер русской армии Никифор Переведенцев храбро сражался. За мужество и доблесть, проявленную в боях против вражеских войск на фронтах Первой мировой войны, он был удостоен Георгиевского креста.

В боевой обстановке унтер-офицер Переведенцев зарекомендовал себя хорошим командиром. Подчиненные уважали и ценили его за смелость, порядочность, прямоту, умение найти выход из любого сложного положения. И хотя он был строг, временами даже суров, но всегда был готов прийти на помощь нуждающимся. Переведенцев пользовался среди своих подчиненных непререкаемым авторитетом. Командование полка также высоко ценило отчаянного и храброго взводного командира унтер-офицера Переведенцева.

События февраля 1917 года оказались разрушительными для русской армии. Одно из первых «завоеваний революции» в военной области — учреждение полковых комитетов, которые становились высшими выборными политическими организациями в русской армии. Солдаты делегировали унтер-офицера Переведенцева в полковой комитет. Зная его порядочность, они понимали, что он сможет, используя свой авторитет, не допустить принятия полковым комитетом непредсказуемых решений.

К весне 1917 года Никифор Переведенцев определился со своими политическими взглядами. Позиции большевиков с их призывами прекратить войну и установить мир между народами оказались для него наиболее предпочтительными.

Но боевые действия продолжились. Во время одной из атак он получает тяжелое пулевое ранение. Это произошло в начале мая 1917 года. Около трех месяцев находился на лечении в госпитале. После выздоровления в августе 1917 года его направляют в город Борисоглебск, прикомандировав к 6-му запасному кавалерийскому полку.

Молодой унтер-офицер с боевым опытом уже «на третий день был избран в полковой комитет».

Революционное брожение в армии усиливалось с каждым днем. В армейских комитетах после провала выступления генерала Л. Корнилова произошло усиление позиции большевиков, особенно в тыловых частях. Самым животрепещущим, самым злободневным вопросом в это время был вопрос об отношении к войне. Большевистские идеи о ее прекращении широко проникли в солдатскую массу. Твердо стоя на позиции партии большевиков, член полкового комитета унтер-офицер Переведенцев стал проводником этой идеи в своем полку. Его антивоенная позиция встретила жесткое противостояние со стороны офицерского состава, входившего в состав полкового комитета. Впоследствии он вспоминал: «Неоднократно меня исключали из состава полкового комитета, но под давлением солдат я оставался опять в нем».

Помимо своего полка, он выступал и на собраниях других воинских частей. В это время гарнизон города Борисоглебска насчитывал от 12 до 16 тысяч военнослужащих. Наряду с 6-м маршевым запасным кавалерийским полком, в котором служил унтер-офицер Переведенцев, в городе дислоцировались Рижский кавалерийский эскадрон 11-й кавалерийской дивизии, 11-й уланский Чугуевский полк, 7-й Ольвиопольский кавалерийский эскадрон, 7-й гусарский Белорецкий кавалерийский полк, 7-й Инбургский драгунский полк и 268-й пехотный полк.

В городе в это время отсутствовала организация местных большевиков, и это

затрудняло ведение работы среди армейских частей. Тем не менее, Переведенцеву в сжатые сроки удалось ознакомиться с положением дел во всех воинских частях и найти там людей, близких по взглядам. Хорошо была поставлена им и агитационная работа в 6-м кавалерийском полку и в 268-м пехотном полку. Ему удается в начале сентября 1917 года сорвать отправку на фронт 3-го батальона 268-го полка. В конце октября благодаря его напористости и активности произошло организационное оформление борисоглебских большевиков. Был избран местный комитет РСДРП(б). Деятельность Переведенцева становится головной болью для местной эсеро-меньшевистской власти. 26 октября 1917 года он обнаружил на почтово-телеграфной станции за подписью Ленина телеграмму о захвате власти рабочими и солдатами в Петрограде. Хотя представители власти и пытались скрыть ее содержание, на следующий день текст телеграммы стал известен многим жителям Борисоглебска. 28 октября при активной поддержке Козловской организации большевиков Переведенцев со своими однопартийцами срывает отправку в Петроград на помощь свергнутому правительству Керенского двух эскадронов драгун.

Действия большевиков вызывали неприязнь у местной власти. Она оказывала «всяческое противодействие большевикам вплоть до провокации и клеветы». 20 ноября был спровоцирован разгром винного склада: город погрузился в пучину пьяного разгула.

Местный комитет партии большевиков поручает Переведенцеву восстановить порядок в городе. Во главе кавалерийского эскадрона он «разгоняет пьяные толпы и устанавливает порядок». В Борисоглебске складывается очень сложная обстановка. Без вооруженной борьбы взять власть в свои руки большевики не имели возможности. Назревала необходимость немедленного формирования вооруженных отрядов Красной гвардии. Заручившись поддержкой ЦК РСДРП(б) и Военно-революционного комитета, борисоглебские большевики приступили к формированию в городе и уезде отрядов Красной гвардии. Н.А. Переведенцев формирует городской отряд Красной гвардии и становится его командиром. Создание в городе и уезде отрядов Красной гвардии усилили позиции борисоглебских большевиков, позволили «добиться переизбрания Советов и взять власть в свои руки».

После провозглашения советской власти старая структура органов местного военного управления ликвидировалась, и вместо них стал формироваться новый военно-административный аппарат.

В качестве органа военного управления на местах стали создаваться в составе исполнительных комитетов местных советов специальные военные отделы. В городе Борисоглебске такой отдел был сформирован 12 февраля 1918 года.

Первым комиссаром военного отдела Борисоглебского исполкома стал 29-летний унтер-офицер 6-ого запасного кавалерийского полка Никифор Александрович Переведенцев.

Возглавив военный отдел уездного исполкома, Переведенцев много сил приложил для дальнейшего укрепления отрядов Красной гвардии. Новой власти необходимо было защищаться. В стране разгоралась гражданская война. В самом Борисоглебске обстановка была вовсе не простой. Значительная часть населения, особенно его торгово-мещанские слои, открыто демонстрировали свою неприязнь к новому режиму и новой власти. Жители Борисоглебского уезда также достаточно настороженно отнеслись к установлению советской власти.

Руководствуясь декретом Совнаркома «Об организации рабоче-крестьянской Красной Армии» от 15 (28) января 1918 года, военный отдел под руководством Переведенцева приступает к формированию подразделений Красной Армии. Была поставлена задача сформировать в Борисоглебске из добровольцев воинские части численностью в 4 тысячи человек. В первую декаду марта в ряды Красной Ар-

мии записалось уже около 1000 человек. Силы, нелояльные к советской власти, всячески противодействовали формированию красноармейских частей. Военный комиссар Переведенцев очень жестко пресекал эти враждебные попытки.

Военным отделом исполкома была проведена большая работа по демобилизации военнотружущих воинских частей старой армии, дислоцирующихся в Борисоглебске. Они были распущены по домам, возможная угроза солдатского бунта была предотвращена, использование солдатской массы для достижения своих целей различными антибольшевистскими силами также было недопущено.

При активном участии военного комиссара Переведенцева в марте 1918 года в Борисоглебске ускоренным темпами шло формирование первого социалистического полка. Это был «пехотный полк с подразделениями кавалерии и артиллерии».

Оппозиционно настроенные к большевикам силы активизировались весной 1918 года как в самом Борисоглебском уезде, так и соседних с ним уездах. Не принимая советскую власть, население сел и городов, станиц и хуторов начало активно протестовать и сопротивляться. Военному комиссару Н.А. Переведенцеву пришлось в экстренном порядке направлять сформированные воинские подразделения в населенные пункты, где «намечались антибольшевистские выступления» — в Новохоперск, Балашов, а также для подавления выступления отряда хоперских казаков, угрожавших Борисоглебску.

В первые месяцы существования Красной Армии ее комплектование осуществлялось на добровольной основе. Однако, как очень быстро показала практика, такой способ не обеспечивал нормальное формирование новой массовой армии. Поэтому для перевода от добровольческой Красной Армии к регулярной, комплектуемой на основе обязательной воинской повинности потребовалось наряду со всеобщим военным обучением трудящихся создание более совершенного аппарата местных военных органов. Исходя из этого, Совнарком РСФСР принимает 8 апреля 1918 года Декрет об учреждении волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатов по военным делам.

Временем рождения Борисоглебского уездного военкомата является май 1918 года. Возглавить этот орган Н.А. Переведенцеву не пришлось. В результате конфликта с подчиненными он вынужден был сложить с себя обязанности руководителя военного отдела. Исполнительный комитет санкционировал его отставку. В середине мая местным комитетом партии большевиков Переведенцев был откомандирован в качестве комиссара в кавалерийский полк, с которым он и отбыл на фронт.

Гражданская война приобретала ожесточенный характер. Кавалерийский полк, сформированный из борисоглебских добровольцев, в течение нескольких месяцев не выходил из боев. Благодаря комиссару Переведенцеву боевой дух в полку был настолько силен, что это отмечалось даже противником. В мае 1919 года Никифор Переведенцев назначается командиром этого полка.

В это время новый вождь белых на юге России генерал Деникин, быстро двигаясь на север, начинает наступление. Чтобы восстановить утраченные позиции, деникинское командование принимает отчаянное решение — провести рейд по тылам противника. Для этих целей выделяется казачий корпус генерала Мамонтова. Неожиданное появление белогвардейцев в тылу вызвало панику среди красных и породило полный паралич управления.

12 августа 1919 года красные, практически не вступая в соприкосновение с врагом, оставили Борисоглебск. Несмотря на потерю города, они продолжили сражаться с прежним ожесточением и самоотверженностью.

В ночь на 23 августа 1919 года во главе кавалерийского полка Никифор Пере-

веденцев совершает редкий по дерзости и продуманности налет на Борисоглебск, занятый частями шести полков белых. Противник был сильно дезорганизован и вынужден покинуть город.

В сентябре 1919 года, успешно ведя бои против казачьих частей 2-го Донского корпуса, кавалерийский полк под командованием Переведенцева входит в пределы Хоперского округа области войска Донского. Преследуя отступающего противника, кавалеристы Переведенцева переправляются на правый берег Хопра. При этом под хутором Паршиным командир полка Переведенцев получает тяжелое ранение. В течение пяти месяцев он находился на излечении в госпитале. В марте 1920 года он возвращается в Борисоглебск.

Но жить мирной жизнью ему долго не пришлось. Боевой опыт Переведенцева вновь был востребован властями. В августе 1920 года в Тамбовской губернии начинается мощнейшее антикоммунистическое восстание крестьян, вызванное антинародной, непродуманной, ошибочной аграрной политикой большевиков.

С этого времени начинается особый период в жизни Переведенцева. Выходец из крестьянского сословия, сам рано познавший все тяготы сельской жизни, он будет принимать активное участие в подавлении выступления тамбовского крестьянства, доведенного политикой новой власти до точки кипения.

Обладая незаурядным командирским талантом, высоким уровнем ответственности и дисциплины, Переведенцев зарекомендует себя беспрекословным исполнителем всех приказов вышестоящего командования, какими бы жестокими и бесчеловечными они не были.

По просьбе губернского руководства из Борисоглебска на борьбу с восставшими крестьянами направляется стрелковая рота, политруком которой назначается Н.А. Переведенцев.

Уже в первом боевом столкновении с мятежниками, которое произошло 24 августа 1920 года, он продемонстрировал свою решительность и беспощадность. Нанеся поражение восставшим, захватив много лошадей, Переведенцев пересаживает часть солдат на лошадей. Таким образом он формирует мобильное кавалерийское подразделение, которое вскоре разрастется до эскадрона, затем — дивизиона и полка.

Действия кавалеристов Переведенцева, где бы они ни появлялись, будут наводить страх и ужас на мятежников. Некоторые из них за свою строптивость сурово карались. 8 сентября 1920 года с целью устрашения мятежников и поддерживающих их крестьян Переведенцев сжигает одно село полностью, а второе наполовину, за что получает прозвище «Жженный».

18 сентября 1920 года, командуя уже кавалерийским дивизионом, он во время замешательства в рядах пехоты лично вывел в атаку свой дивизион, врезался в цепь противника, изрубил две линии его пехоты. Решительные действия Переведенцева позволили задержать наступление противника и дали возможность цепям красных восстановить свое положение, причем под Переведенцевым в бою было убито две лошади.

В конце октября 1920 года Переведенцев возглавляет уже сводный кавалерийский полк.

За личную храбрость, проявленную в боях против мятежников, Никифор Александрович Переведенцев был поощрен: 6 сентября 1920 года ему вручили серебряные часы, 11 ноября он был представлен к награждению орденом Красного Знамени — высшей наградой того времени.

Кроме того, как установил по документам Российского государственного военного архива борисоглебский краевед В.В. Самошкин, имя Н.А. Переведенцева как командира «непобедимого полка» было известно В.И. Ленину.

Организационно вооруженные отряды восставших крестьян представляли со-

бой серьезную силу. Командные должности там занимали лица с отличной боевой подготовкой, среди них было много унтер-офицеров, имевших боевой опыт. Это привело к тому, что бои между мятежниками и посланными на их подавление войсками приняли ожесточенной и затяжной характер. Поэтому не всегда военная удача была на стороне Переведенцева. 28 декабря 1920 года в бою с мятежниками его полк понес тяжелые потери. А 23 января 1921 года в кровопролитном бою насчитывавший 525 человек полк Переведенцева потерял почти половину личного состава.

22–26 июня 1921 года была проведена последняя боевая операция полка Переведенцева, в ходе которой, опираясь на местное крестьянство, были пленены члены губернского совета трудового крестьянства, работники аппарата губкома. Это была подпольная, законспирированная организация, которая непосредственно готовила выступление крестьян на местах.

После разгрома антоновского движения Переведенцев еще несколько месяцев продолжал командовать кавалерийским полком, но в 1922 году по состоянию здоровья был демобилизован.

Перейдя на административно-хозяйственную работу, с 1923 года по март 1927 года он работал председателем волостного исполнительного комитета села Павлодар Тамбовской губернии. С марта 1927 года по май 1929 года — директором мельницы в Борисоглебске. С июня 1929 года по октябрь 1930 года занимал должность директора промкомбината Борисоглебского окружного исполнительного комитета, был секретарем первичной парторганизации.

С октября 1930 года по октябрь 1931 года работал председателем горсовета Борисоглебска, был членом контрольной комиссии Рабоче-крестьянской инспекции. С октября 1931 года по май 1934 года был директором Торга.

С 1933 года по 1938 год был членом райкома ВКП(б), с 1930 года по 1938 год являлся членом президиума райсовета Осоавиахима.

Тяжелые ранения, полученные в годы Первой мировой и гражданской войны, давали о себе знать. В 1934 году медицинская комиссия установила Переведенцеву инвалидность второй группы. Он становится персональным пенсионером. Занимая активную жизненную позицию, Переведенцев продолжал активно участвовать в жизни города. Он до конца дней оставался преданным своим идеалам, выбранным в молодые годы.

Юрий Левитанский точно заметил о выборе жизненного пути: «Каждый выбирает по себе. / Щит и латы. / Посох и заплаты. / Мера окончательной расплаты...» Выбор Никифора Переведенцева был предопределен всей его предыдущей жизнью. Выходец из крестьянских низов, он очень остро воспринимал социальную несправедливость и неуважение к человеку труда со стороны власть предержащих. Поэтому критические оценки деятельности Переведенцева не могут быть объективными, поскольку человек XXI века не в силах почувствовать весь трагизм событий века XX.

Никифор Александрович Переведенцев скончался 6 января 1943 года в городе Борисоглебске.

К сожалению, здесь приходится сказать о том, что в Борисоглебске до сего дня не увековечена память о первом и, бесспорно, самом героическом из всех борисоглебских военкомов. Нет ни улицы, ни переулочка, носящих имя Переведенцева. Нет и мемориальной доски на доме по улице Свободы, 146, в котором он проживал. Даже место захоронения Переведенцева кануло в Лету в связи с ликвидацией в начале восьмидесятых годов XX центрального городского кладбища.

Юрий Апальков,

директор Борисоглебского историко-художественного музея, заслуженный работник культуры России, Почетный гражданин г. Борисоглебска

ХРАНИЛИЩЕ ДРЕВНОСТЕЙ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ГОДЫ

(110 лет Борисоглебскому историко-художественному музею)

Основание Борисоглебского историко-художественного музея следует отнести ко второму десятилетию XX века. Музей возник на волне родино-ведческого движения. Это было время педагогических исканий, новых форм преподавания. Предполагалось, что для каждого города программы должны быть различными, то есть, вводился региональный компонент. Во многих местностях России это побудило к созданию родиноведческих обществ, кружков и так далее.

В городе Борисоглебске с инициативой создания городского школьного музея наглядных пособий выступил учитель 3-го городского начального мужского училища Иван Авксентьевич Овцынов. На одной из встреч с общественностью он высказал мысль о необходимости музея в городе, о том, что музей должен преследовать не только общеобразовательные цели, но и побуждать учащуюся молодежь к пониманию природы и истории своего Отечества, идти по пути совершенствования самого себя, своих познаний.

Его идея нашла поддержку в среде прогрессивно настроенного учительства города. Была создана инициативная группа, в которую вошли учитель М.С. Нумеров, директор 3-го приходского училища П.Е. Хатунцев, секретарь городской Управы Н.С. Скрынников.

В основу нового учреждения И.А. Овцынов предложил положить опыт уже существующих музеев наглядных пособий (Саратов, Санкт-Петербург и т.д.).

Городская Управа, в компетенцию которой входили вопросы местного народного образования, поддержало устроителей музея в их начинаниях. 10 декабря 1910 года Борисоглебская Дума рассмотрела доклад городской Управы об организации в городе школьного музея и постановила поручить Училищной комиссии составить Устав музея с учетом высказанных предложений. В разработанном проекте Устава было записано, что музей учреждается при Борисоглебском городском управлении и будет находиться в ведении комитета, находящегося под наблюдением Училищной комиссии, а члены комитета избираются городской Думой.

Устав был подписан городским головой И.Е. Кавериним. 26 мая 1911 года городская Дума в количестве 18 гласных заслушала доклад и проект Устава городского музея. Большинство голосов Устав музея был утвержден. Предусматривалось, что непосредственное заведование делами музея возлагается на ответственного хранителя музея, утверждаемого городской Думой по предоставлению Училищной комиссии.

Принятие городской Думой под свое покровительство городского школьного музея явилось первым и очень важным этапом в организации данного учреждения. Более того, это позволило И.А. Овцынову приступить к практической реализации своих идей по устройству музея. Вопрос о помещении музея разрешился сам собою, а точнее, благодаря поддержке инспектора народных училищ Н.В. Павловского, выделившего для музея одну классную комнату в 3-м городском мужском училище.

Для того чтобы придать городскому музею статус официально существующего учреждения, необходимо было разрешение столичных властей. 23 июня 1911 года Борисоглебская городская Управа направила Устав музея в адрес Тамбовского губернатора. В своем отношении за № 1372 от 4 июля 1911 года в Министерство внутренних дел тамбовский губернатор подчеркнул, что к утверждению Устава Борисоглебского городского музея с его стороны препятствий не встречается. Однако в то время в России не существовало учреждения, которому было бы вверено руководство музеями, и, как свидетельствуют архивные источники, бумаги с ходатайством об открытии музея в течение года блуждали из одного ведомства в другое. Это продолжалось почти год. Только 30 июня 1912 года Главное управление по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел уведомило тамбовского губернатора об утверждении проекта Устава Борисоглебского городского музея.

Крайне символично, что разрешение об открытии музея было получено в 1912 году — год столетнего юбилея победы русской армии в Отечественной войне 1812 года. Каждый уголок России тогда был охвачен подъемом национального самосознания и патриотизма. Через полгода городская Дума на одном из заседаний заслушала доклад инспектора народных училищ Н.В. Павловского, на котором прозвучало предложение: за великие труды по устройству музея утвердить кандидатуру И.А. Овцынова в должности ответственного хранителя городского музея с вознаграждением 120 рублей в год. Дума поддержала предложение Н.В. Павловского. Так 5 (18) февраля 1913 года вошло в историю Борисоглебска как день основания музея.

Важнейшей задачей, стоящей перед музеем, было комплектование фондов. Для этих целей местными властями, в особенности стараниями Н.С. Скрынникова, выделялись небольшие денежные средства, что позволяло Ивану Авксентьевичу неоднократно выезжать в Тамбов, Москву и Санкт-Петербург для приобретения наглядных пособий: карт, таблиц, приборов, чучел птиц и рыб, столь необходимых для процесса преподавания. И.А. Овцынов, очевидно, имел возможность познакомиться с музеем наглядных пособий Санкт-Петербурга, директор которого М.В. Новорусский являлся активным пропагандистом организации небольших музеев местных краев.

Характерно, что именно в это время в городе и уезде очень активно стали обсуждать пути развития духовной культуры, а меценаты оказывали поддержку культурным инициативам. Материалы, поступающие в музей в виде коллекций и отдельных предметов, свидетельствовали о развитии любительского познания. Можно назвать тех, кто своими публикациями в периодической печати, отдельными изданиями заявляли о себе как о краеведах. Это Н.Н. Ларин, И.Ф. Каверин, В.М. Гостев и др. Старейшими из «краезнатцев» земли Борисоглебской являлись Х.П. Козлов и Л.А. Воейков, которые являлись членами Тамбовского гу-

Кабинет князя

бернского Статистического комитета. Первый за «Очерк Борисоглебского уезда в сельскохозяйственном статистическом отношении» был удостоен почетного отзыва ученого комитета Министерства государственного имущества. Л.А. Воейков в Тамбовских губернских ведомостях опубликовал статью под заголовком «Библиографические материалы для описания Тамбовской губернии». В статье впервые была предпринята попытка описания опубликованной литературы по Тамбовскому краю, где был представлен достаточно большой материал по Борисоглебскому уезду.

И.А. Овцынов осознавал необходимость связи с общественностью, полагая, что отношения могут быть самыми разнообразными: от получения информации от корреспондентов до пожертвований с целью благотворительности. Ему удалось расшевелить, убедить общественность, в результате нередко дарителями выступали частные лица. Так, естествовед — любитель О.М. Юрьев подарил музею большую коллекцию насекомых и рыб нашего края. Известно имя еще одного музейного дарителя. В фондах Борисоглебского историко-художественного музея сохранилось благодарственное письмо от музейного комитета Семену Алексеевичу Закусину. В нем сказано: «Получив от Вас в дар городскому музею 1) коронационную кружку; 2) коронационный рубль в память коронавания императора Александра III; 3) японский кредитный билет рублевого достоинства; 4) бронзовую медаль в память Севастопольской компании; 5) три монеты, достоинство которых может быть определено лишь специалистами, — комитет Борисоглебского музея выражает Вам, милостивый государь, свою глубокую благодарность за сочувствие в деле развития столь полезного городского учреждения». Документ интересен еще и тем, что подписан И.А. Овцыновым и является единственным автографом основателя Борисоглебского историко-художественного музея. Немалую помощь в собирательской работе оказал учитель М.С. Нумеров.

Приобретенные школьные наглядные пособия с пожертвованными музею коллекциями от местных жителей послужили основой для И.А. Овцынова в создании продуманной экспозиции.

По чертежам, которые подготовил Иван Авксентьевич, лучший столяр-краснодеревщик Данила Кузьмич Кувардин изготовил под экспонаты специальные шкафы, горизонтальные витрины. По мере становления музея И.А. Овцынов пришел к выводу, что подавать наглядные пособия надо не изолированно, а в комплексе с другими материалами, что позволяло в должной мере раскрыть содержание разделов, связанных с природой, естествознанием, историей.

Наиболее полно в музее был представлен раздел истории. На полке лежали бивни и зубы мамонта, кости других ископаемых животных из разных мест Борисоглебского уезда. В инвентарной книге историко-художественного музея за № 1 числится берцовая кость мамонта.

С целью привлечения местного общества к сотрудничеству в деле пополнения фондов музея было разослано обращение к жителям города, в котором говорилось о необходимости собирать как можно больше материалов, относящихся к изучению природы, истории и быта местного края.

В последующие годы музей активно занимался научно-просветительской деятельностью. К 1914 году в инвентарной книге музея насчитывалось несколько сот номеров. Музей осуществлял свою работу в 4-х направлениях: 1) выдача коллекций в другие учебные заведения города на временное пользование ими; 2) групповые посещения музея; 3) открытие музея для свободного посещения его; 4) отпуск световых картин для народного чтения.

К 1915 году музей располагал уже достаточно большим количеством экспонатов, имеющих историко-культурное значение для нашего края.

По ходатайству Н.В. Павловского и И.А. Овцынова городская Управа нашла возможность в 3-м мужском училище отвести еще одну классную комнату, что позволило музею вдвое расширить площадь под экспозицию. Это говорило о том, что, несмотря на меняющиеся условия жизни, связанные с ходом Первой мировой войны, городской музей жил и развивался.

После революции 1917 года поступательное развитие музея было прервано. Внешние условия, при которых складывалась тогда работа музея, были сложными. Шла гражданская война. Город несколько лет пребывал на военном положении, поскольку находился то во фронтовой полосе, то в эпицентре мятежей и восстаний. Это не могло не отразиться на работе музея. О том, в каком положении находился музей в то время, красноречиво свидетельствует отчет о работе Борисоглебского школьного музея за 1919 год, подготовленный заведующим школьным музеем А.П. Ефимовым. «Когда денкинские войска заняли город, — пишет Алексей Петрович, — то ни о какой деятельности музея не могло быть и речи. Само его существование пришлось тщательно скрывать. Удалено было все, что так или иначе могло его выдать: стерты надписи, сняты объявления и плакаты. На вопросы расквартированных в здании школы казаков: «Что находится в запертой на замок части помещения?» — уверяли, что там сложены лишняя школьная мебель, старый школьный хлам и прочее. Поверили они, и музей остался невредимым. Скоро казачьи войска оставили город. Но к весне город вновь попал в их руки, музею снова пришлось скрывать свое существование... Но и с их уходом опасения за целостность музе не рассеялись. Школьное здание, где размещается музей, было занято красноармейцами какой-то не особенно надежной войсковой части, так что и от них существование музея опять-таки пришлось скрывать, и эта мера предосторожности оказалась вполне уместной: уходя из помещения, красноармейцы разбили книжные шкафы, взяли из них школьное имущество, унесли некоторый школьный инвентарь: стенные часы, топоры, ведра, кружки и прочее.

К весне фронт снова придвинулся к городу. Музею снова пришлось действовать в полуполюгальном состоянии. Прошло тревожное лето, и с осени, ничуть не обновившись, он начал свою работу, но опять-таки в очень тяжелых условиях. В

то время городской школьный музей размещался в здании 15-й Советской трудовой школы, занимал отдельную комнату в 13 на 9 аршин. Заведование всеми его делами возложено было на его хранителя, в коей должности с 1911 года (официально с 1913 года) состоит учитель 16-й Советской трудовой школы Овцынов И.А.».

В своих записях об отце и муже, касающихся периода гражданской войны, Б.И. и К.С. Овцыновы вспоминали: «Долгое время город и уезд входили в зону активного противостояния белых и красных. И.А. Овцынов с риском для жизни не раз спасал музей от разграбления и разорения. Мы хорошо помним, как отца несколько раз, то днем, то ночью, деникинцы вызывали в училище, требовали открыть музей. Не знаем, что отец говорил им тогда про музей и как объяснял, но ни один экспонат в то время не попал в руки погромщикам и мародерам. В декабре 1918 года при наступлении белогвардейцев со стороны Грибановки на Борисоглебск, при обстреле города артиллерией, залегевшим снарядом был разрушен школьный музей — единственный в городе, который обслуживал наглядными пособиями все школы 1-й ступени. Узнав о происшествии, Иван Авксентьевич, несмотря на опасность, решил все-таки тут же идти в музей и принять необходимые меры. В помощь он взял учеников 2-го класса — Васю Диденко и Митю Зверева, которые жили недалеко от нас. Во-первых, — помощь, а во-вторых, учителя с учениками белоказаки не трогали. Эта деталь очень характерна для Ивана Авксентьевича, для его отношения к своему детищу — музею. Как и самоотверженность Ивана Авксентьевича и заведующего музеем Алексея Петровича в спасении экспонатов выставки, посвященной декабристам, устроенную в апреле 1918 года в Борисоглебске князем С.М. Волконским.

Осенью 1917 года имение Павловку, что в 40 километрах от города, национализировали, поэтому Сергей Михайлович перевез свой «Музей декабристов» в Борисоглебск. По просьбе местной интеллигенции он разместил его уже как «Выставку декабристов» в нескольких залах библиотеки Народного дома. Экспозиция состояла из 4-х разделов: «До Сибири», «Сибирь», «Официальная Россия», «Возвращение». Был издан в местной типографии каталог выставки в количестве 200 экземпляров. В августе 1918 года «красный террор» дошел до Борисоглебска и отозвался на судьбе «Выставки декабристов». Местная Чрезвычайная комиссия включила С.М. Волконского в число заложников, которые подлежали аресту. Сергея Михайловича предупредили, и он в одну из темных ночей в солдатской шинели ушел в сторону ст. Поворино и уже оттуда на поездах добрался до Москвы. Сотрудники ЧК свою досаду и раздражение выместили на выставке. Ее закрыли, экспонаты отдали городскому музею. В Тамбовском архиве по этому поводу хранится докладная записка заведующего музеем Алексея Петровича Ефимова: «При сем прилагаю список вещей, представляющих художественную ценность, и список вещей из коллекции «Выставки декабристов», принадлежащих С.М. Волконскому. Все найденные и описанные экспонаты находятся в помещении Народного дома. Эти вещи помечены, каждая под особым номером. Однако из-за того, что они были в разных местах и в большом беспорядке, с битыми стеклами, вынутые из рам, без ярлыков, по которым числились в каталоге «Выставки декабристов», то некоторым из них невозможно восстановить подлинное название. Не оказалось налицо следующих вещей под бывшими номерами №№ 168. Кресло, 169. Стол, 170. Чубук, 171. Ложка, 172. Палка, 173. Ордена, 174. Медаль и крест, 177. Послание Пушкина декабристам, 178. Ответ на послание Пушкина — Одоевского, 179. Стихотворение Одоевского женам декабристов

Кроме того, в каталоге не помечена взятая на выставке подлинная рукопись из истории французской революции «Приказ о реквизиции телег и лошадей» с подписью самого Робеспьера. Была бумага за подписью Бонапарта».

6 октября 1918 года С.М. Волконский направил наркому просвещения А.В. Луначарскому письмо с просьбой спасти экспонаты «Музея декабристов», которые остались в Борисоглебске. На письме Волконского — резолюция А.В. Луначарского: «Прошу передать эту копию тов. Предсовнаркома Ленину». Вероятно, она дошла до В.И. Ленина, так как 13 декабря 1918 года Управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич направляет в музейный отдел Наркомпроса документ за № 15693, в котором предлагает принять срочные меры по письму С.М. Волконского, а точнее, незамедлительно вывезти в Москву историко-художественные ценности «Выставки декабристов» и семейный архив Волконских.

17 декабря 1918 года распоряжение В.Д. Бонч-Бруевича передается в подотдел провинциальной охраны музейного отдела Наркомпроса. Накануне очередного захвата города белогвардейцами, с риском для жизни эмиссары музейного отдела вывезли выставку из Борисоглебска, где ее бережно хранили сотрудники городского музея. В протоколе заседания подотдела провинциальной охраны, состоявшегося 30 июня 1919 года, скупое сказано: «Заслушан доклад эмиссара Н.Н. Лебедева о совместной с А.В. Лебедевым поездке в Тамбовскую губернию. Он представил коллегии опись документов, картин и других вещей, вывезенных из Борисоглебска и относящихся к «Выставке декабристов». Из 182 экспонатов, которые значились в каталоге выставки, удалось спасти и вывезти 157. Утеряно было лишь 25 картин и гравюр».

К 1921 году музей наглядных пособий значился в структуре городских учреждений Уполитпросвета и на него была возложена обязанность обеспечивать школьными пособиями все школы 1-й ступени города.

Так как Борисоглебский уезд оставался и после гражданской войны территорией военных действий (теперь уже крестьянского восстания — так называемой «антоновщины»), самого мощного протестного действия против большевиков, городской музей по-прежнему не мог войти в русло нормальной работы,

Новая экономическая политика властей совпала с постигшим уезд неурожаем. Советская власть Декретом от 15 сентября 1921 года сбросила с государственного содержания все школы, т.е. отнесло все хозяйственные расходы по школам, му-

Интерьер купеческого дома

заям наглядных пособий, а также по содержанию школьных работников на средства по самообложению населения.

В течение 1921–22 учебного года народное образование как в городе, так и в уезде в связи с голодом, принявшим небывалые размеры, пришло в катастрофическое состояние.

В следующем учебном году часть школ города перешла на содержание Уисполкома и государства. Для полной школьной сети городской Совет постановил провести самообложение по квартальным комитетам на нужды двух школ второй ступени и на восстановление школьного музея по 50 рублей (денежными знаками 1922 г.) с каждого едока. До 1 декабря текущего года самообложение по городу дало 478378 рублей.

О том времени учитель М.С. Нумеров, который стоял у истоков музея, выступая по местному телевидению в 1960-х годах, поделился своими воспоминаниями: «Голод тех лет я испытал на себе. Помню, как хозяйка в тесто при выпечке хлеба к малой толике, т.е. порции ржаной муки, добавляла когда лебеду, когда жмых или муку из желудей и тому подобные специи. Хлеб получался такой плотности, что работы для желудка хватало на целый день. Пареную лебеду ели с кислым молоком...»

В мае 1921 года цены на продукты были астрономическими — пуд ржаной муки стоил 160 тыс. руб., пуд муки из желудей — 30 тыс. руб., пуд соли — 40 тыс. руб.

В таких тяжелых условиях голода работа музея становилась совершенно невозможной. Материальное положение активистов музея дошло до величайшей остроты. Возможно, это в какой-то мере повлияло на решение И.А. Овцынова в 1922 году перейти на должность старшего инспектора-методиста Уездного отдела народного образования, но со своим любимым детищем он не расстанется, оставаясь председателем Совета музея.

Вместо него заведующим музеем, на основании отношения Борисоглебского Уездного отдела народного образования от 3 октября 1922 года № 6342, стала К.С. Овцынова, которая была верной помощницей своему мужу во всех добрых музейных начинаниях.

Начало работы К.С. Овцыновой в качестве заведующей городским музеем совпало с переломным моментом в деятельности музеев страны. Прежние методы и формы музейной работы советская власть признала идеологически устаревшими и поставила цель: всеми мерами способствовать развитию краеведения на местах, придавать музеям краеведческое направление. Это было время начала бурного процесса формирования единой общественной организации со всесоюзным центром, и Клавдия Семеновна понимала, что музей как общественное учреждение должен стать важным структурным звеном краеведческой работы в городе. Об уровне краеведческой культуры в городе свидетельствует книга «За пять лет Октябрьской революции. Политический и экономический обзор Борисоглебского уезда», написанный группой местных специалистов, хорошо знавших особенности истории, экономики и культуры местного края и изданный местной типографией в 1922 году.

В 1923 году наблюдался процесс медленного возрождения городского музея. Местные власти оказывают учреждению посильную финансовую помощь. Вскоре, по свидетельству местной газеты, музей открыл свои двери для посетителей. Отмечено было проведение экскурсий для групп учащихся и военных. Возобновилась выдача пособий, столь необходимых школам города для учебного процесса.

С 13 по 18 сентября 1924 года в Тамбове проходила первая губернская краеведческая конференция, на которой присутствовала делегация из Борисоглебска в количестве 3-х человек. В приветственном слове председатель Губисполкома И.Г. Зайцев сказал: «Теперь, по истечению 7 лет, когда внешняя опасность мино-

вала, мы приветствуем первый губернский съезд краеведов и желаем ему успешной работы». В этом выступлении определились подходы к зарождавшемуся широкому местному краеведческому движению, которое было поставлено под жесткий контроль партийных и советских органов.

Сразу же после конференции по инициативе уездного учительского профсоюза в Борисоглебске был организован краеведческий кружок. Руководителем кружка стал М.С. Нумеров, который заведовал девятилетней школой № 3. Членами кружка являлись в основном учителя. Всего в кружок вошло 20 человек. Его работой заинтересовалось Тамбовское областное краеведческое общество. В Борисоглебск приезжал секретарь этого общества П.Н. Черменский. Было проведено собрание учителей школ города. В своем выступлении Петр Николаевич наметил ряд неотложных мер по изучению края и указал способы их решения. Предложил реорганизовать кружок в уездное краеведческое общество, заметил, что краеведческая работа неотделима от музейной практики.

В правление общества вошли: председатель — В.К. Масловский (заведующий педтехникума), зам. председателя — Н.С. Скрынников (работник Уисполкома), секретарь — М.С. Нумеров (заведующий девятилетней школы № 3). Членами общества стали И.А. Овцынов, К.С. Овцынова, М.И. Финкельштейн, Н.А. Немытов, П.А. Иванов, М.Г. Ненароков, В.М. Калмыков, В.С. Торкветова, Е.М. Жевандрова и многие другие. Пополнение краеведческих сил происходило за счет интеллигенции. За короткое время число членов общества достигло 87 человек. На заседаниях краеведческого общества обсуждались вопросы изучения природных условий края, охраны памятников истории и культуры, экономики, развития экскурсионной работы. В Уставе общества говорилось, что общество имеет целью многостороннее изучение края.

Краеведческое общество стало важнейшим фактором культурной жизни города, и краеведение в этот период приняло характер общественного движения. На новый уровень вышли исследования природных особенностей края, его животного и растительного мира, климата. С этой целью организовывались экспедиции. В полевых условиях велись и записывались наблюдения, собирались вещественные и другие материалы, которые затем использовались для подготовки научных сообщений или для комплектования музея. В фондах музея имеются сведения о поездке в село Махровка, где при рытье котлована были обнаружены кости мамонта, а также сведения об экспедиции по уезду с целью ознакомления с флорой и фауной края, собранные краеведами коллекции птиц, насекомых, гербарии растений, произрастающих в нашей местности.

Об интересных находках в своих воспоминаниях писал М.С. Нумеров: «В 20-х годах происходило мощение некоторых улиц. В качестве булыжника использовался известняк, добываемый в Верхнее-Карачанском карьере. Проходя мимо кучи такого известняка, мы с ветврачом Н. Чугуновым обратили внимание на какое-то своеобразное включение в одном из кусков этого известняка. Присмотрелись — это окаменелая луковица, которая могла принадлежать только пальме. С врачом Финкельштейном мы находили отпечатки листьев пальм на камнях. При кладке стен сарая на одной из плит известняка был обнаружен отпечаток доисторической, ящероподобной птицы — архиоптерикса. Встречались куски окаменевших кораллов, остатки морских животных организмов».

В 1927 году на одном из заседаний уездного краеведческого общества был поставлен вопрос о необходимости реорганизации городского музея наглядных пособий в краеведческий и создании в нем историко-революционного отдела. Уисполком поддержал эту инициативу и командировал М.С. Нумерова и К.С. Овцынову в губернский центр, чтобы познакомиться с организацией работы Тамбовского краеведческого музея. Как вспоминал М.С. Нумеров, из методических реко-

мендаций, которые они получили, следовало, что в музее должна быть революционно-марксистская экспозиция. Для этой цели из фондов губернского музея было выделено некоторое количество экспонатов.

Среди партийного руководства не было единого мнения относительно того, каким должен быть музей. Такие, как Н.А. Переведенцев, председатель исполкома, участник становления Советской власти в городе, герой гражданской войны, настаивал, что трудящимся города необходим музей революции. Все это происходило в самый разгар переходного периода, когда согласно постановлению Президиума ВЦИК от 16 июля 1928 года об образовании округов и районов Центрально-Черноземной области город Борисоглебск стал центром округа.

В фондах музея хранится журнал «Краеведение» № 2 за 1929 год, в котором напечатана статья «Основные вопросы построения историко-революционных отделов в краеведческих музеях» за авторством М.Б. Каплан. В журнале пометки, сделанные рукой К.С. Овцыновой, которая внимательно изучила данную публикацию и приняла ее как руководство к действию. Для построения экспозиции отдела революции на протяжении ряда лет в музейных фондах накапливался материал: местная пресса, воспоминания деятелей революции, карта-схема города с отметками на ней конспиративных квартир, подпольных типографий, мест, где были кружки, собрания, материалы о забастовках борисоглебских рабочих железнодорожных мастерских, аграрные волнения в уезде периода революции 1905 года. Этот богатый материал был собран городской публичной библиотекой, которая еще с 1917 года, следуя призыву редактора газеты «Борисоглебская жизнь» Н.А. Гусева, собирала местную печатную продукцию.

Процесс реорганизации был достаточно затяжным. Преобразование городского школьного музея в окружной краеведческий музей состоялось 1 мая 1929 года, что подтверждает запись в трудовой книжке К.С. Овцыновой.

Для создания трех отделов музея — естественно-географического, социально-экономического, историко-культурного — была составлена смета. Однако в выделении денежных средств было отказано, что обрекло музей на долгие годы ожидания. В марте 1930 года состоялась IV Всероссийская конференция по краеведению, на которой был пересмотрен вопрос о системе работы краеведческих обществ. Было предложено создать так называемое бюро краеведения с административными методами управления. Публикации тех лет насыщены материалами об отходе краеведения от «правильной классово-политической позиции», о разоблачении враждебных «буржуазных» краеведов. В городе в массовом порядке стали отходить от краеведческой работы активисты этого движения.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 года округа были ликвидированы, и с 1 октября 1930 года Борисоглебск перешел на положение города областного подчинения ЦЧО. В связи с упразднением округа музей стал именоваться городским краеведческим музеем.

Безусловно, власти района и города приложили много усилий и в послевоенные годы для дальнейшего развития музейного дела. В советское время музей стал одним из лучших в регионе.

Благодаря многим поколениям хранителей древностей в настоящее время Борисоглебский историко-художественный музей является крупным научно-просветительским и научно-исследовательским учреждением. В нем имеется 49 504 единиц хранения основного фонда и 24578 единиц хранения научно-вспомогательного фонда (фондохранилище музея занимает отдельное помещение в другом здании). В результате археологических раскопок накоплен значительный материал из сарматских и половецких захоронений. В состав музейного собрания входят предметы дворянского и купеческого быта (мелкая пластика, посуда, светильники, мебель), печатные издания XVIII–XIX веков, образцы старинной русской

одежды (в частности, боярский костюм начала XVIII века), крестьянская домашняя утварь. Особенную ценность представляют предметы из бывшего имения князей Волконских (копии античных скульптур, фарфор, светильники, книги и др.). Имеются нумизматическая коллекция, собрания различных документов, коллекции личных вещей писателя В.П. Кина, ученого Е.Н. Павловского, маршала артиллерии М.И. Неделина, дважды Героя Советского Союза А.Н. Прохорова и других. Фонд научной библиотеки музея насчитывает более 20 тысяч книг.

В 2013 году, когда музей отмечал свой 100-летний юбилей, администрацией Борисоглебского городского округа было принято решение о его переводе в двухэтажный особняк конца XIX века, принадлежавший аптекарю Роберту Карловичу Вейсу. Первая экспозиция «Сибирский коридор» в новом здании музея была открыта в конце 2015 года. Экспозиция размещена в трех залах и входной зоне музея. Первый зал — попытка реконструкции выставки «Декабристы — первые борцы за свободу», организованной князем С.М. Волконским в Борисоглебском Народном доме в апреле 1918 года. Второй зал экспозиции — «кабинет» князя. Помимо репродукций, в залах представлены и подлинные вещи семьи Волконских, которые находились в их родовом имении Павловка. Третий зал рассказывает о прежних обитателях дома — семье аптекаря Роберта Карловича Вейса, его дружбе с князем, об уездном городе конца XIX — начала XX веков и о том вкладе, который внес князь С.М. Волконский в общественно-политическую и культурную жизнь города.

Экспозиция «Купеческий Борисоглебск» начинается уже с входной зоны, где размещена копия плана городской застройки 1867 года, подписанного императором Александром II, две большие городские панорамы 1876 и 1892 годов, а также герб уездного города Борисоглебска Тамбовской губернии. Основная экспозиция размещена в двух залах. Здесь имеются интерьерные и интерактивные зоны. Представлен уголок рабочего кабинета в купеческом доме и гостиная. Экспозиция рассказывает об именитых борисоглебских купцах, которые путем лично внесли существенный вклад в экономическое, хозяйственное развитие города, меняли в луч-

Коллектив музея. Июнь 2022 г.

шую сторону его внешний облик, занимались благотворительностью и меценатством. Перед посетителями раскрывается мир старой, уездной России и образы, которые сохранила история и человеческая память.

В экспозиционной зоне «Борисоглебск. Стремительный XX век. Начало...» можно ознакомиться с материалами по железной дороге, промышленности и ремеслам, здравоохранению, науке, культуре (первые фотографические заведения, электротeatры, музей, публичная библиотека и т.д.). Особый интерес вызывают «легендарные» экспонаты Борисоглебского музея, которые помнит не одно поколение борисоглебцев. Например, инструменты и личные вещи земского врача Николая Николаевича Масловского и др. Музейные экспонаты в витринах чередуются с элементами интерактивных зон: «Прибытие поезда на станцию Борисоглебск», «Рассказы охотника из шкатулки».

В небольшом выставочном зале «Археология» несомненный интерес представляют находки, обнаруженные на территории Воронежского Прихоперья, которые красноречиво свидетельствуют о том, что в историческом отношении наши места не менее интересны, чем Древний Рим и Древняя Греция, стоит только перелистать страницы этой истории. Редкие экспонаты (кости мамонта, шерстистого носорога, бизона и т.д.) от времен палеолита до средневековья удивят и поразят посетителей. Многие древние народы (кimmerийцы, скифы, сарматы, хазары, половцы и другие) оставили материальный и культурный след на территории края: посуда, оружие, защитное вооружение, элементы конской упряжи, украшения и т.п. Эти находки показывают, что наша земля — подлинная сокровищница, кладовая, которая хранит в себе еще много тайн. Помимо подлинных экспонатов, представлены сделанные с детальной точностью реконструкции щита, вооружения воина скифо-сарматского воина, конского седла половецкого всадника.

Отдел изобразительного искусства музея — Борисоглебская картинная галерея имени П.И. Шолохова располагается в отдельном здании. Основная экспозиция «Художественный мир Борисоглебска» представлена полотнами известных художников, родившихся, живших и работавших на Борисоглебской земле и составивших славу нашему Отечеству: А.П. Рябушкина, А.В. Куприна, И.И. Машкова, Н.М. Чернышева, А.И. Савинова, П.И. Шолохова, А.П. Романова, Л.А. Карнаухова, Б.А. Шолохова, Ю.И. Химича, Б.Н. Склярука, Л.В. Федорова, Ю.И. Рогозина, В.М. Юрчика и других.

В экспозиции «Декоративно-прикладное искусство» посетителей привлекают работы мастеров декоративно-прикладного искусства — резчиков по дереву, керамистов, витражистов, вышивальщиц, вязальщиц, кузнецов, чеканщиков, батикистов, валяльщико́в, кукольников, живших и ныне живущих в Борисоглебском городском округе.

Постоянно действующая экспозиция «Сын земли Борисоглебской» не только дает представление о жизненном пути знаменитых земляков, но и знакомит посетителей с разными гранями их талантов.

Музей активно участвует в проектной деятельности. Два проекта стали победителями конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире» Благотворительного фонда Владимира Потанина: проекты «По главной улице...» и «Сибирский коридор». В 2022 году проект Борисоглебского историко-художественного музея «В оружии познание времен» стал победителем грантового конкурса Президентского фонда культурных инициатив. В день 110-летия музея 18 февраля 2023 года состоялось открытие новой музейной экспозиции. Уникальная коллекция старинного оружия разных стран, дополненная современной цифровой средой с использованием пространственного моделирования, как бы перемещает аудиторию в другое историческое пространство, вовлекает в происходящее действие в условиях имитированной реальности.

Жизнь движется вперед, стремительно развиваются технологии, растут потребности посетителей музея, меняются их запросы. Чтобы оставаться востребованным на рынке услуг, конкурентоспособным, музей должен стать современным, интерактивным, с акцентом на модернизацию, умело сочетающим в своей работе традиции и инновации. Все имеющиеся на сегодня музейные экспозиции строились, исходя из этих требований.

Помимо основных экспозиций, музеем разработан и внедрен ряд музейных образовательных программ: «Мир русской усадьбы», «Природа нашего края», «Город, история, люди», «А.П. Рябушкин. Взгляд через годы», «Традиции русского народа», «Тайны живописи», «Знай, помни, гордись!» и т.д.

Действуют 14 экскурсионных маршрутов по городу и его окрестностям: «В гавани Теллермановского леса», «Тропой Корнаковского», «Православный Борисоглебск», «По главной улице» и другие.

Ежегодно музей принимает участие во Всероссийских акциях «Ночь музеев» и «Ночь искусств».

На базе музея регулярно проводятся тематические выставки, научно-практические конференции и семинары, презентации, праздники, театрализованные представления, перформансы, мастер-классы, разнообразные встречи. Музей всегда распахнут для людей, щедро делится с ними историческими сокровищами края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верховых В.М. Пять лет борьбы. Борисоглебск, 1922.
2. Громаков Н.А. Время и судьбы. Тамбов, 2005.
3. Зайцева А.А., Кригер Л.В. Историко-культурное наследие Борисоглебской земли. М., 1994.
4. Кончин Е.В. За стальной дверью секретных архивов. Борисоглебск, 2000.
5. Фонды Борисоглебского историко-художественного музея:
 - воспоминания Б.И. и К.И. Овцыновых;
 - воспоминания М.С. Нумерова;
 - воспоминания А.П. Ефимова.

Ольга Пущина,

*заведующая методико-библиографическим отделом
Борисоглебской центральной городской модельной
библиотеки им. В. Кина*

С КНИГОЙ — НАЕДИНЕ И ВМЕСТЕ

(Библиотечное дело города отсчитывает 127-й год)

История библиотечного дела в Борисоглебском городском округе началась 25 января 1897 года с открытия первой публичной библиотеки в городе — ныне Центральной городской модельной библиотеки им. Виктора Кина, расположенной по ул. Павловского, 87. Одним из инициаторов ее создания был инспектор народных училищ Борисоглебского уезда Никанор Васильевич Павловский, отец будущего академика Е.Н. Павловского. 3 октября 1896 года по ходатайству общественности города получено разрешение тамбовского губернатора на открытие библиотеки. Для размещения первой публичной библиотеки борисоглебским купцом В.Е. Смирновым был предоставлен собственный дом, находящийся на углу улиц Дворянской и Болховитиновской (ныне Советской и Карла Маркса). Библиотеку возглавила З.А. Полякова.

Фонд библиотеки формировался за счет членских взносов, пожертвований деньгами и книгами. Значительная часть изданий передана библиотеке председателем земской управы и по совместительству председателем библиотечного комитета в 1897-1898 гг. В.В. Измайловым, купцом Н.Г. Дьячковым, основательницей городских воскресных школ О.А. Мягковой, преподавательницей женской гимназии А.А. Студенецкой. 200 рублей единовременного пособия комитет получил от городской Думы. Материальную поддержку библиотеке оказали Борисоглебское уездное земство, Воронежский коммерческий банк, общество взаимного кредита. Известный прогрессивный московский издатель Козьма Терентьевич Солдатенков подарил библиотеке 77 книжных томов. Помогли и влиятельные петербуржцы — оберкамергер императорского двора Эммануил Дмитриевич Нарышкин, священник Русской Православной Церкви, протоиерей Иоанн Кронштадтский. В создании библиотеки активно участвовали предводитель дворянства в Борисоглебском уезде князь Сергей Михайлович Волконский (внук декабриста С.Г. Волконского), представители купечества (Е.Д. Мягков, П.О. Волостных), городской интеллигенции (Т.И. Жевандрова, Н.Н. Масловский, Н.П. Успенский), борисоглебские социал-демократы М. Беликов, В. Алабышев, Н. Родионов. Последнего — бывшего члена «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» — выслали из Петербурга.

По сей день библиотека бережно хранит книги с памятными знаками прежних владельцев: «Библиотека В.М. Петрово-Соловова», «Из книг В.М. Алтухова», «Из

книг городского головы Гаврилова», «Павловка». Последний памятный знак имеют книги из личной библиотеки декабриста С.Г. Волконского. Есть книги, подаренные библиотеке мужской и женской гимназиями.

В год своего открытия библиотека получала 29 наименований газет и журналов, в фонде имелись полные собрания сочинений классиков русской и зарубежной литературы. Члены библиотечного комитета распечатали каталог и развернули общественно-массовую работу. Особое внимание обращалось на произведения прогрессивных русских и зарубежных писателей. К концу первого года работы библиотеки книжный фонд составлял 1886 названий в 3197 томах. Проводились литературные чтения, в 1899 году широко отмечалось 100-летие со дня рождения А.С. Пушкина. Посещение библиотеки было платным. В зависимости от размера членских взносов, которые шли на развитие библиотеки, читатели делились на действительных членов библиотеки (не менее 5 рублей ежегодно) и пожизненных (не менее 100 рублей единовременно). Таким образом, в первый год существования библиотеки в ней числилось 175 действительных членов — в основном купцы, городские служащие, учителя приходских училищ и преподаватели гимназий, врачи. Остальные посетители библиотеку за более низкую плату. Учителя городских школ и земского училища пользовались библиотекой бесплатно.

В 1907 году, вскоре после поражения Первой русской революции, деятельность библиотеки была приостановлена, а заведующую З.А. Полякову осудили за популяризацию нелегальной литературы. Сам тамбовский губернатор просматривал читательские формуляры, выискивая неблагонадежных. Но через год библиотека возобновила свою работу.

С началом Первой мировой войны в 1914 году возрос спрос на общественно-политическую литературу, газеты и журналы. Был выпущен каталог, фонд пополнился новыми изданиями, увеличилось количество читателей разных сословий. Учителя, городские обыватели, окрестные крестьяне, солдаты и офицеры местного гарнизона, беженцы, наводнившие уезд с лета 1915 года, узнавали важные новости из газет «Борисоглебское эхо», «Родной край», «Республиканец», «Борисоглебский вестник». В марте-апреле 1917 года в помещении библиотеки находилась редакция газеты «Борисоглебские известия», которая активно поддерживала временное правительство.

После революции 1917 года плата за посещение городской библиотеки отменяется, и она становится общедоступной. В 20-30-е годы XX века просветительская деятельность библиотеки развивалась и ширилась, наполняясь новым содержанием. Библиотекари ездили пропагандистами в колхозы, на заводские новостройки, организовывали литературные вечера, встречи с писателями, читательские конференции. В 1930-1940-е годы в Борисоглебске и окрестных селах было открыто еще 9 массовых библиотек: 2 городские, включая детскую, и 7 сельских.

В суровые годы Великой Отечественной войны библиотекарей называли «бойцами культурного фронта», они шли в семьи воевавших, в рабочие общежития, с «громкими читками» книг и газет, организовывали дежурство в госпиталях, занимались заготовкой дров для библиотек. В подвале центральной библиотеки размещалось газоубежище. Активными читателями в эти годы были бойцы формирующихся соединений Советской Армии, эвакуированные.

В нелегкие послевоенные годы продолжилось открытие массовых библиотек в Борисоглебске и окрестных селах. В 50-е, начале 60-х годов XX столетия библиотеки активно расширяют зоны своего влияния, пополняя ряды читателей за счет организации библиотечных пунктов выдачи или, как их тогда называли, «передвижек», на фермах, полевых станах, предприятиях и организациях, организовывали выставки литературы, пропагандирующие достижения страны в области науки, образования, культуры, спорта.

В 1963 году Борисоглебской центральной городской библиотеке было присвое-

но имя известного в 1920–1930-е годы журналиста и писателя, нашего земляка, Виктора Павловича Кина (Суровикина).

Период 1970-х годов — время интенсивного развития библиотечного дела в Борисоглебском районе. Началась подготовка к централизации массовых библиотек, которая определила пути их дальнейшего развития. В 1976 году была создана Борисоглебская централизованная библиотечная система, во главе которой стала ЦГБ им. В. Кина, остальные библиотеки функционировали на правах библиотек-филиалов. В центральной библиотеке созданы новые подразделения: отдел комплектования и обработки литературы, межбиблиотечный абонемент, сектор организации и использования единого фонда ЦБС, методико-библиографический отдел, оказывающий консультационно-методическую помощь библиотекам-филиалам и организующий работу по повышению квалификации библиотечных кадров.

В 1980-х годах наблюдается подъем воспитательной, культурно-просветительной и информационной деятельности библиотек. К тому времени был сформирован книжный фонд по различным отраслям знаний, библиотеки Борисоглебской ЦБС располагали справочным аппаратом, включающим систематическую картотеку газетно-журнальных статей, алфавитный и систематический каталоги.

В годы перестройки библиотеки выписывали периодические издания, на страницах которых публиковались острые публицистические статьи и запрещенная ранее литература. В связи со значительным ростом книжного фонда осенью 1989 года ЦГБ им. В. Кина переезжает в новое здание по улице Павловского, 87, где располагается и в настоящее время.

90-е годы XX века характеризуются изменением политической ситуации в стране и началом процесса деидеологизации библиотек. Отпали запреты при формировании книжного фонда по политическим, религиозным мотивам. С 1999 году в библиотечную деятельность внедряются новые телекоммуникационные технологии, пользователям предоставляется доступ к общероссийским и мировым информационным ресурсам.

В настоящее время все общедоступные библиотеки, входящие в состав Борисоглебской централизованной библиотечной системы», вовлечены в круговорот перемен, связанных с информатизацией общества. Важнейшим событием библиотечной жизни Борисоглебского городского округа стало преобразование ЦГБ им. В. Кина в модельную «БИБЛИОТЕКУ 3D: для дела, для души, для досуга», благодаря участию в национальном проекте «Культура» федерального проекта «Культурная среда».

В 2021 году осуществлен ремонт и трансформация помещений, созданы условия для свободного доступа посетителей с ограниченными возможностями здоровья, увеличилась скорость подключения к сети Интернет. Более чем на 4,5 тысячи новых книг ведущих российских издательств пополнился книжный фонд. Большая часть фонда открыта для свободного доступа пользователей. Наличие всех форматов информации, включая цифровые (электронные библиотеки НЭБ, «Лит-Рес»), способствует росту популярности библиотеки среди горожан. Электронный каталог служит для обеспечения свободного доступа к информационным ресурсам библиотеки. Официальный сайт Борисоглебской ЦБС и сообщества общедоступных библиотек в социальных сетях — новые открытые площадки для реализации библиотечных проектов. Появились интересные форматы мероприятий: фестивали и видео-экскурсии, игровые программы и концерты, кинопоказы и мастер-классы, виртуальные выставки и путешествия по Интернет-сайтам.

ЦГБ им. В. Кина стала не только центром чтения, но и открытой площадкой для интеллектуального и социального развития, реализации творческих способностей и гражданских инициатив. Девиз центральной библиотеки: «Мечты сбываются, если идти им навстречу!» побуждает коллектив к успешному продолжению начатых дел, творческому поиску новых идей и решений!

В ТАНЦЕ С «МОЛОДОСТЬЮ»

(В.Д. Степыгина — вдохновитель заслуженного коллектива народного творчества)

Борисоглебск — один из самых самобытных и красивых городов русской провинции. Со своими живописными улицами и красотой родной природы он по своему формирует духовный мир человека, является источником вдохновения, живительным родником, питающим творческий потенциал талантливых людей.

Знающие люди как-то подсчитали и уверяют, что едва ли не каждый десятый житель нашего города в той или иной степени знаком с заслуженным ансамблем танца «Молодость». И это, наверное, не противоречит истине. «Молодость» радуется своего зрителя красотой народного танца уже более трех десятилетий. И все это время коллектив живет интересной творческой жизнью: с маленькими и большими победами, взлетами и стремлениями к новым высотам и достижениям, с упорным непростым трудом. «Молодость» — ансамбль со своим особым почерком, с виртуозной хореографией, неповторимым колоритом народного танца.

Вспомним, как все начиналось. Вера Дмитриевна Степыгина — балетмейстер и идейный вдохновитель ансамбля, получив диплом хореографа, начала вести танцевальный кружок при городс-

ком Доме пионеров. Ребята попались талантливые, захотели более серьезно заниматься народными танцами. И в далеком 1986 году Вера Дмитриевна собрала из кружковцев первый состав «Молодости», еще не зная, что из этого получится.

Но время показало, что получилось все и даже больше, потому что работали ребята увлеченно, активно, с огромным энтузиазмом. Уже в 1992 году ансамблю было присвоено звание «Народный», в 2014 году — «Заслуженный коллектив народного творчества», и сегодня он успешно осуществляет свою творческую деятельность на базе Центрального Дворца культуры «Звездный» МБУК БГО «Централизованная клубная система». Коллектив является признанным лидером на различных сценических площадках округа и области. Его творчество всегда востребовано.

Для хореографии ансамбля «Молодость» характерна особая драматургия, мощная динамика, продуманность построения каждого номера, яркие краски, хореографический текст, который гармонично сочетается с музыкальным материалом. Быстрая смена фигур, разнообразие рисунка, неповторяющиеся сюжеты постановок и высокая техника исполнительского мастерства — все это

В.Д. Степыгина

присуще творчеству коллективу, который всегда может передать зрителю характер русского народного танца.

Сегодня ансамбль насчитывает более пятидесяти участников. В его состав входят три возрастные группы: младшая — от 5 до 9 лет, средняя — от 10 до 14 лет, старшая от 15 до 27 лет. Это воспитанники детских садов, учащиеся школ, студенты, работающая молодежь.

Непрост путь к сердцам и душам ребят, особенно тех, которые только начинают свой творческий путь в ансамбле, но Вера Дмитриевна с легкостью находит подход к каждому участнику. Доброе, ласковое слово, дающий надежду взгляд — и все трудности позади. А в итоге — красивый отточенный танец.

Репертуар ансамбля «Молодость» постоянно пополняется новыми постановочными работами и насчитывает более 30 номеров: «Барыня», «Русская раздольная», «Макуревская кадриль», «Девичий переполюх», «Русский сувенир», «Вологодские кружева», «Озорные девчата», «Зимушка»...

К каждой хореографической постановке изготовлен свой комплект сцени-

ческих костюмов по оригинальным авторским эскизам руководителя коллектива, которые она шьет самостоятельно с помощью родителей. За годы выступления в костюмерной ансамбля накопилось целая коллекция.

Разнообразна и многогранна жизнь ансамбля: выступления, поездки, гастролы. Коллектив неоднократно победитель городских, областных, всероссийских и международных конкурсов и фестивалей. Среди которых: Международный конкурс-фестиваль «Dream fest» (2018 г., г. Казань), Всероссийский конкурс-фестиваль искусств «Большая сцена» (2019 г., г. Москва), IX Всероссийский фестиваль-конкурс детского и молодежного творчества «Россия молодая» (2019 г., г. Борисоглебск), Международный конкурс талантов «Вдохновение» (2020 г., г. Санкт-Петербург), Международный онлайн-фестиваль песни и танца народов мира «Возьмемся за руки, друзья!» (2020 г., г. Воронеж), Международный конкурс-фестиваль национальных культур и традиций (2021 г., г. Москва), Международный конкурс-фестиваль искусств «Панорама творчества» (2022 г., г. Волгоград) и многие другие.

О танцевальном мастерстве «Молодости» знают не только в России, но и далеко за ее пределами. В 2003 году коллектив побывал с гастрольным туром за рубежом, где представлял народную хореографию России в президентской программе «Дни Российской культуры и искусства в Германии». В 2007 году в рамках партнерства между городами Дельменхерст и Борисоглебск солисты ансамбля снова радовали зрителя своим хореографическим мастерством и так полюбились нашим немецким зрителям, что осенью 2011 вновь были приглашены с концертной программой.

С годами коллектив «Молодость» стал настоящим брендом борисоглебской культуры и ее визитной карточкой. На каждом концерте зрители томятся в ожидании — чем же в этот раз удивит

их «Молодость»? И всякий раз эти ожидания оправдываются! На сцене разыгрываются новые сюжеты, напоминая те ожившие картины русских художников, то иллюстрации к народным сказкам.

Сегодня, оглядываясь назад, можно сказать, что в «Молодости» образовались целые династии. Семейные пары, танцевавшие когда-то сами, привели своих детей, а дети в свою очередь вы-

росли и уже увлекают примером своих сыновей и дочерей. Эта преданность народному танцу — главный результат труда всего коллектива. Не зря Вера Степыгина изначально внушала своим ученикам, что настоящее счастье можно испытать лишь тогда, когда коллектив живет как одна большая семья!

*Ирина КОСИНОВА,
сотрудник ДК «Звездный»*

И ЖИЗНЬ КАК ПЕСНЯ

(Автор песни-гимна Борисоглебска С.Н. Вершков)

Каждый из нас от природы наделен необыкновенным «инструментом» — голосом, который таит в себе исключительное богатство красок и оттенков, помогает общаться с окружающим миром, передавать свое отношение к жизни.

Человек, о котором пойдет речь, не только обладает великолепным голосом, но и профессионально обучает вокальному мастерству своих подопечных — студентов, талантливую молодежь и даже людей старшего поколения.

Сергей Николаевич Вершков имеет множество регалий. Он заслуженный работник культуры Российской Федерации, почетный гражданин Борисоглебского городского округа, обладатель медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Это просто профессионал с большой буквы. И где бы ни трудился, всегда подтверждает это своей работой. Как репетитор по вокалу народной вокальной студии «ПРОвокал». Как руководитель народного хора ветеранов войны и труда муниципального бюджетного учреждения культуры Борисоглебского городского округа «Централизованная клубная система». В качестве преподавателя высшей квалификационной категории ГБПОУ «Борисоглебское музыкальное училище»...

Но обо всем по порядку. Окончив Воронежский государственный институт искусств, молодой, активный и творчески настроенный преподаватель в 1983 году приступил к своей трудовой деятельности. Благодаря огромной работоспособности и творческому потенциалу Сергей Николаевич добился значительных результатов на педагогическом поприще. Он плодотворно работает над созданием учебно-методического комплекса, разрабатывает и внедряет авторские программы и технологии. Им созданы многочисленные переложения и аранжировки классической, народной, современной, эстрадной и джазовой музыки. Студенты с огромным желанием и интересом впитывают в себя знания, которые им дает педагог, и стабильно показывают высокие результаты в учебе. Более 40 выпускников продолжили свое образование в престижных учебных заведениях страны, таких как Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского, Воронежская государственная академия искусств, Санкт-Петербургский университет культуры и искусств, Саратовская государственная консерватория...

Вообще разносторонность Сергея Николаевича просто удивляет. Он не останавливается только на учебной деятельности, а ярко проявляет себя

С.Н. Вершков

как организатор и пропагандист хорового пения. В 1987 года под его руководством был создан хор ветеранов войны и труда. В нем с удовольствием поют люди старшего поколения. И делают это на высоком исполнительском уровне. Коллектив выступает на различных площадках города и области, его пение отмечено множеством дипломов за активную работу и развитие хорового самодеятельного академического творчества в Борисоглебском городском округе. В 2012 году хору присвоено почетное звание «Народный коллектив самодеятельного творчества».

И снова — движение вперед. В 1992 году Сергей Николаевич Вершков создает камерный хор при Борисоглебском музыкальном училище, который вот уже на протяжении 30 лет выступает на лучших профессиональных площадках Центрального федерального округа и завоевывает признание на

многочисленных конкурсах и фестивалях. Среди них — Международный конкурс хоров музыкальных училищ Черноземья, смотр-конкурс концертно-тематических программ «Салют Победы!», региональный конкурс хоровых коллективов средних специальных учебных заведений и многие другие. В 1998 году в рамках партнерства между городами Борисоглебск и Дельменхорст камерный хор гастролировал по городам Германии.

В начале 90-х в Борисоглебске открывается музыкальная студия с целью воспитания разносторонне развитых музыкантов-любителей. В нее стекается талантливая молодежь: музыканты, вокалисты, имеющие огромное желание петь, записывать фонограммы, принимать активное участие в концертных программах города. Одним из ее основателей стал все тот же Сергей Николаевич Вершков.

Вот уже более двадцати лет он работает с талантливыми детьми и юношеством, зная специфику работы с каждой возрастной категорией, тонко чувствуя и умело подбирая репертуар своим ученикам, исходя из вокальных данных и музыкальных предпочтений каждого из них. Сегодня его воспитанники показывают высокие результаты. Их выступления — это украшение любого культурно-досугового мероприятия Борисоглебского городского округа. За высокие достижения воспитанников имя Вершкова Сергея Николаевича внесено в книгу почета «Виват, Борисоглебск!»

Талантливый человек талантлив во всем. Сергей Вершков является автором музыки к песне о родном Борисоглебске — «Город нестареющей судьбы», которая по праву считается гимном города.

А главное, по-моему, заключается в том, что Сергей Николаевич Вершков сумел реализовать себя в жизни как настоящий учитель, творец и создатель.

Наталья ГРИГОРЬЕВА

КУДЕСНИКИ ТОНЧАЙШЕЙ РЕЗЬБЫ

(Династия Долгиревых преображает родной город)

Творческая династия... Что стоит за этим? Прежде всего, талант, любовь к выбранному делу, опыт, знания и мудрость, сохранившиеся и умноженные несколькими поколениями. Часто творческая искра передается детям от талантливых родителей. В результате формируется династия, представители разных поколений которой неразрывно связывают свою жизнь с творчеством и искусством. Это произошло и с нашими героями.

В Борисоглебске, провинциальном городке Воронежской области, живет династия Долгиревых, которая посвятила свою жизнь творчеству.

— Ну, что же можно про нас рассказать? Рассказывать вроде бы и нечего... — скромно говорят они о себе. А ведь их творчество стало брендом Борисоглебского городского округа.

Династия Долгиревых — это четыре родных брата и сын одного из них. За их плечами немало лет — самому старшему, Вячеславу Николаевичу Долгиреву, 73 года, Виктору Николаевичу — 70, его сыну Олегу Викторовичу — 45, а братьям-близнецам Александру Николаевичу и Игорю Николаевичу — по 68 лет. Все они — мастера-резчики по дереву Борисоглебского Дома ремесел. Не многие знают, что у них есть и старшая сестра, Светлана Николаевна, очень талантливый керамист.

Так с чего же начался их творческий путь? Когда они слышат этот вопрос, то вспоминают, прежде всего, родителей. Время было сложное. Большую семью надо было кормить-содержать, поэтому родителям, Николаю Ивановичу и Анне Федоровне, приходилось много работать. Они были штукатурами-малярами, трудились в паре. Николаю Ивановичу, творческому по натуре человеку, не хотелось просто штукатурить стены,

он с большим интересом проявлял себя как художник. Не имея специального образования, но обладая природным чутьем, он рисовал картины на подготовленных стенах в квартирах и домах, где работал. Заказчики были довольны. Позволить магазинную мебель в доме семья не могла, отец нередко пробовал себя и плотником, и столяром, все делал сам. Когда сыновья стали подрастать, Николай Иванович брал их с собой на объекты, где они могли наблюдать за его работой, понемногу сами учились, перенимая нужный опыт и навыки.

Из-за финансовых сложностей родители не могли дать профессионального художественного образования никому из детей, хотя природные задатки были у всех. Виктор Николаевич и Игорь Николаевич после армии более двадцати лет отслужили в летном училище. Приходилось делать многое — и художниками-оформителями побыть, и малярами, и столярами, и плотниками, и строителями...

— Был интересный случай, — вспоминает Игорь Николаевич. — Начальник нашего училища предложил написать мне 43 портрета для «Аллеи героев». На все про все мне отводилось два месяца. Конечно, непонятно было, как это сделать по фотографиям, к тому же не всегда хорошего качества, но стимул был серьезный — квартира! Помимо этого необходимо было изготовить стелы для аллеи, здесь пришлось вспомнить навыки чеканки, которые проявились у меня в армии. Словом, титаническими усилиями поставленная задача была выполнена в срок... Так у меня появилась квартира.

Долгое время братья работали отдельно друг от друга. Кто-то служил, кто-то работал на авиационном ремонтном заводе, но в какой-то момент поняли, что, объединившись, они могут мно-

гое. Вместе начали работать в спецшколе-интернате, где была необходима отделка внутренних помещений, изготовление мебели. Из-за отсутствия профессиональных инструментов пришлось делать и осваивать самодельные. После того как сдали важный объект, появился частный кооператив братьев Долгиревых и Бирюковых. Занялись изготовлением мебели. Работали по заказам. В этом процессе появился интерес к художественной резьбе по дереву. Первым заинтересовался Игорь Николаевич, начал пробовать, подтянулись и братья. Позже при поддержке администрации города в 1993 году братьям предложили организовать Дом ремесел, где своему творчеству они могли обучать детей и взрослых. С тех пор и началась многолетняя история Борисоглебского Дома ремесел. За эти годы в нем было обучено традиционному ремеслу, резьбе по дереву более 1500 девочек и мальчиков, а также взрослых борисоглебцев.

Мастера с каждым годом совершенствовались в резьбе. Методом проб и ошибок приобретали новые навыки и опыт. Оценив мастерство Долгиревых, в 2009 году администрация Борисоглебского городского округа и Борисоглебс-

кая епархия предложили мастерам заняться изготовлением внутреннего убранства храма св. Бориса и Глеба. Работа в храме продолжалась в течение нескольких лет. Долгиревы изготовили из дерева врата, аналои, киоты, обрамления для икон и многое другое в едином стиле. Объем и сложность исполнения поражают! Сделали братья свою работу блестяще!

Кроме этого, Долгиревы оказали и продолжают оказывать помощь многим учреждениям и организациям Борисоглебска. Мастера провели большую работу по изготовлению резных дверей, мебели, деревянного обрамления зеркал, подставок и стеллажей для экспонатов Борисоглебского историко-художественного музея. Сделали детские новогодние горки для общественных пространств города. Изготовили множество бутафорских предметов, декораций и фотозон для культурно-массовых мероприятий Борисоглебска. В 2020–2021 годах Долгиревы приняли участие в реализации проекта «ЭкоМир», целью которого стало благоустройство парковой зоны сквера имени Г.А. Корнаковского через создание образовательных зон, способствующих развитию есте-

Династия Долгиревых

ественнонаучного и краеведческого образования и просвещения детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья с целью их психологической и социальной адаптации в обществе. В рамках проекта мастера занимались обустройством городского сквера. В технике «Резьба по дереву» изготовлены информационная зона с планшетами, птичьи кормушки, аппликации по мотивам русских народных сказок, клумбы, декоративные фигурки и многое другое.

В 2011 году Виктор Николаевич Долгирев первым в Борисоглебске получил почетное звание «Народный мастер Воронежской области резьбы по дереву».

А что же младшие Долгиревы? Пошли по стопам родителей? Да, многие из них занимались в художественной школе. А больше всех проявил себя в творчестве сын Виктора Николаевича — Олег Викторович. Он частенько заходил на работу к отцу, смотрел на его творения и пробовал что-то мастерить сам. Первая его работа — фигурка пумы, вырезанная из дерева. Она запомнилась особо. Долгое время Олег Викторович занимался столярными работами в частной мастерской. Однажды у семьи был очень большой объем работ. Олега попросили прийти в Дом ремесел и помочь. Тут он во всей красе показал свои способности в резьбе. Случилось это в 2013 году, с тех пор Олег так и задержался в Доме ремесел.

По прошествию нескольких лет, братья признают, что талант у Олега Викторовича действительно большой! Мастер чувствует пластику дерева, видит объем и придает особое внимание мелким деталям. Под его резакон на панно

рождаются не только объемные орнаменты, фрукты, животные, но и люди, у которых проработаны мельчайшие черты лица. Например, удивляют его работы «Святые Борис и Глеб», «Архангел Михаил», «Богатырь» и «Молодой Петр». Талант его был признан. С 2021 года Олег Викторович тоже имеет почетное звание «Народный мастер Воронежской области». Народный — в следующем поколении!

На вопрос, можно ли воспитать в себе талант или он должен быть изначально заложен в человеке, наши герои отвечают так:

«Однозначно сказать сложно. Но, оглядываясь на наш опыт (а через нашу школу прошло множество людей: и детей и взрослых, и мальчиков и девочек), мы поняли, что с талантом можно только родиться. Он либо есть, либо нет. Однако талант не всегда сразу виден. Если у талантливого человека никогда не было возможности столкнуться с предметом его одаренности, он может вовсе не ведать о своей способности. При взаимодействии с детьми наша задача — вовремя заметить творческие задатки и развивать их. При этом сам ребенок или взрослый человек должен быть заинтересован в своем деле, стремиться к лучшему результату, а также с усердием работать. Если нет интереса и желания, искры, ничего не получится!»

Сейчас большинство мастеров династии Долгиревых уже в солидном возрасте, но они продолжают еще творить. Их творческая искра не угасала, проливая свой свет и на следующие поколения.

Татьяна РЯСКОВА

**Галина Слугина,
Алексей Аксенов**

«НЕ ВОСПОМИНАНИЕ, А ПЕРЕДАЧА И ПРОДЛЕНИЕ...»

(Культурная жизнь дореволюционного Борисоглебска)

Дореволюционный Борисоглебск выделялся среди других провинциальных городов Российской империи достаточно высоким уровнем развития культуры. Социально-экономические реформы 1860–1870 — х гг. создали условия для вовлечения в развитие культуры различных слоев общества и формирования культуры города в целом.

Проведение через Борисоглебск в конце 60-х — начале 70-х годов XIX века железной дороги способствовало не только развитию местной промышленности, торговли, но и установлению прочных культурных связей с крупными городами, в том числе и столичными. К концу XIX века в Борисоглебске складывается тот культурный микроклимат, который позволил проявиться талантам многих известных впоследствии деятелей искусства и литературы. К дореволюционному периоду относятся жизнь и творческая деятельность писателя Н.Г. Бунина (1834–1902), пребывание А.М. Горького (1868–1936) в Борисоглебске в конце 1888 — начале 1889 гг., детские и юношеские годы писателей В. Кина (1903–1938), Г.Н. Тро-

епольского (1905–1995), Д.К. Острова (1906–1971), художников А.П. Рябушкина (1861–1904) и А.В. Куприна (1880–1960), композитора, дирижера Н.П. Аносова (1900–1962) и других.

В конце XIX века население города составляло 22 309 человек, половина из них владели грамотой — высокий показатель для того времени. В деле распространения просвещения, грамотности, культуры важную роль играло народное образование. В Борисоглебске открывался целый ряд учебных заведений, в которых постановка учебного процесса отвечала новым настроениям и запросам общества: две министерские гимназии (Александровская мужская и Маринская женская) и три частных (Е.В. Забниной, С.В. Оржевской, С.А. Товаровой), техническое железнодорожное училище. Эти учебные заведения стали своего рода центрами культурной и общественной жизни города. Здесь работали фундаментальные и учебные библиотеки, читались лекции, издавались ученические научные и литературные сборники, устраивались любительские спектакли, благотворительные концерты. В 90-х годах XIX века силами учеников мужской

гимназии совместно с ученицами женской, их преподавателями и воспитательницами, представителями местной интеллигенции регулярно проводились культурные мероприятия под общим названием «Музыкально-вокально-литературное утро». Сохранившиеся программы мероприятий за 1891, 1892 годы дают представление о серьезном, взвешенном подходе к выбору репертуара, разнообразии представленных жанров: декламация, оркестровая музыка, хоровое пение, вокал. Звучали отрывки из произведений античных авторов, древнерусской литературы, Н.В. Гоголя; басни И.А. Крылова, И.И. Дмитриева; стихотворения Н.А. Некрасова, А.Н. Плещеева, М.Ю. Лермонтова; музыка Ф. Мендельсона, М.И. Глинки, А.С. Даргомыжского, В. Моцарта и других. Традиции подобных концертов сохранились и в XX веке.

Культурная среда города определялась не только развитием образовательных учреждений, но и распространением печати, сети книжной торговли, что заметно влияло на интеллектуально-образовательный уровень местного населения.

Первую типографию в Борисоглебске в 1880 году открыл купец Г.К. Яковлев.

В 80-е годы XIX века была предпринята попытка издавать городскую газету «как орган местного общественного мнения», но попытка не увенчалась успехом из-за запрета властей. На протяжении многих лет Борисоглебск оставался с губернскими ведомостями: «Тамбовские губернские ведомости» (издавались с 1838 г.), «Тамбовские епархиальные ведомости» (издавались с 1861 г.). Публикации в этих изданиях материалов об истории Тамбовского края вызывали большой интерес в среде борисоглебской интеллигенции. Появились любители, которые стали заниматься исследовательской работой по изучению истории местного края и заявляли о себе как о краеведах: Л. Каверин, Н. Ларин, В. Гостев и другие. Старейшим «краезнатцем» земли Бо-

рисоглебской являлся борисоглебский помещик, член-корреспондент Тамбовского губернского статистического комитета Х.П. Козлов. Его работа «Некоторые исторические и статистические сведения о городе Борисоглебске на реке Ворона Тамбовской губернии» была опубликована в 1853 году в журнале «Москвитянин». Помимо губернских газет, борисоглебцы выписывали и столичные. Чаще всего — «Русские ведомости», газету либерального направления, с которой сотрудничали М.Е. Салтыков-Щедрин, Г.И. Успенский, Н.К. Михайловский и др. Первая городская газета, которая называлась «Борисоглебский листок», стала издаваться в 1914 году.

Большое просветительское значение имело открытие в 1892 году народных чтений, организованных Тамбовским обществом народных чтений. Лекции проводились в летнее время в деревянной постройке бывшей сельскохозяйственной выставки. С 1881 году в городе действовало ученое Общество сельских хозяев под председательством Д.К. Золина. Были созданы и другие общества: медицинское, педагогическое, целый ряд попечительских.

С развитием грамотности повысился спрос на книгу. В нач. XX столетия в Борисоглебске открылось несколько частных книжных магазинов — Мыльцына, Дьячковой, Ивановой, Безобразова.

Начало XX века ознаменовано стремительным ростом технической интеллигенции. С целью удовлетворения спроса на техническую литературу при Управлении Грязе-Царицынской железной дороги, располагавшейся в 1871–1893 годах в здании вокзала, была открыта библиотека. Кроме специальной технической литературы, ее фонд (свыше 3 тыс. изданий) составляли популярные в то время газеты, журналы, произведения русских и зарубежных писателей, философов.

С 1879 года в Борисоглебске работала частная библиотека М.И. Ивановой. Среди читателей библиотеки был и

Алексей Пешков — будущий писатель М. Горький, работавший в течение нескольких месяцев (декабрь 1888 г. — март 1889 г.) на станции Борисоглебск. Какие книги, взятые в библиотеке Ивановой, читал Горький? В рассказе «Сторож» находим: «Охраняя мешки, брезенты, шпалы и дрова от расхищения, я читал Гейне и Шекспира».

В январе 1897 года по инициативе инспектора народных училищ Н.В. Павловского (отец академика Е.Н. Павловского) в доме купца Смирнова открылась первая публичная библиотека. Потребность в доступном собрании книг литературного и научного характера среди продвинутой части борисоглебского общества чувствовалась давно. Библиотечный фонд был собран за счет пожертвований, а также в результате выписки книг из московских книжных магазинов. Значительная часть книг была передана библиотеке председателем земской управы, адвокатом В.В. Измайловым (отец выдающегося ученого-литературоведа, пушкиниста Н.В. Измайлова). В числе жертвователей были врачи, педагоги, купцы, священнослужители, чиновники. Библиотека стала центром интеллектуальной жизни города. Приобщение к культуре, образованию проходило на внесловной основе. Среди читателей была учащаяся молодежь, чиновники гражданской службы, домохозяйки, к ним примыкали лица торгового сословия и свободных профессий. В библиотеке сложился особый дух свободомыслия. Читали книги и спорили о них. Чтение прочно вошло в обиход горожан. В докладе комитета борисоглебской публичной библиотеки за 1913 год подчеркивалось значение неуклонно развивающейся просветительской деятельности библиотеки. Росло количество новых читателей. Общее число всех книговыдач в 1913 году составило 63612, что на 31 процент выше по сравнению с предыдущим годом.

В 70–90-е годы XIX века в городе обозначилась достаточно многочислен-

ная прослойка творческой интеллигенции, в связи с чем возникла потребность города в театре. Интересное упоминание о первом Борисоглебском театре приводится в книге В.А. Гиляровского «Люди театра» в рассказе «Пешком по шпалам». Это рассказ об актерах театра, которых пригласили в Борисоглебск. Вот что писал В.А. Гиляровский: «На пасху мы выехали в Борисоглебск по приглашению купца Иванова, скотопромышленника, выстроившего самой большой в городе дом-гостиницу с номерами, — и в нем хорошенькую небольшую сцену». Театр Иванова на Дворянской улице (ныне ул. Советская д. 29) был открыт в 1874 году. Назывался он «Городской театр Борисоглебска». Поначалу горожане, прежде всего из купеческо-мещанской среды, редко посещали театр, считая, что «туда ходят только дураки и бездельники», но постепенно театр стал неотъемлемой частью жизни горожан. Его посещали дворяне, купцы, мещане, городское население. В газете «Тамбовские губернские ведомости» (№ 66 от 5 июля 1884 г.) в заметке «Борисоглебский театр» говорилось: «Театр, как эстетическое удовольствие, в городском обществе привился совсем недавно — с тех пор, как стали приезжать в Борисоглебск хорошие артисты и добросовестные антрепренеры. Еще так недавно посещение театра считалось страшным грехом, и люди богатого и среднего класса, посещавшие театр, подвергались общественному порицанию. Теперь же искусство театральное многими уважается, и театр посещает не одна молодежь, но и люди, убеленные сединами, находят в нем высокое и приятное удовольствие». Популярные в те времена антрепренеры В.П. Харьковский и Г.И. Григорьев, М.П. Данин привозили в Борисоглебск театральные труппы со всей России.

Репертуар состоял преимущественно из драматических пьес, ставились водевили, музыкальные комедии, фарсы и даже оперетты.

Расширение театральных связей Бо-

рисоглебска с крупными российскими городами приводило к глубоким изменениям в составе и психологии зрителя. Развивалась театральная критика.

Культурную среду города активно формировали и любительские театры. Их было несколько: при городском Общественном саде, в зданиях Дворянского собрания, Народного дома, на первом этаже торгового дома купца Л.В. Дерибезова. Любовь к театру объединила представителей разных сословий и профессий. Среди них было много талантливых людей: письменоводитель Л.В. Логинов, которого приглашали во МХАТ, железнодорожный служащий Н.И. Семенов — актер и сценарист, супруги Филиповские (сценический псевдоним Диоида Бурлюка и Людмилы Поповой). Диомид был комическим актером, а Людмила — драматической актрисой. До революции Филиповские играли в передвижных малороссийских театрах и выступали на одной сцене с таким великим актером, как А.А. Остужев (внук Филиповских — знаменитый актер, режиссер, народный артист России Н. Бурляев). Репертуар любительских театров был достаточно разнообразен. Спектакли выполняли не только развлекательную, но и просветительскую функцию, прививали новые взгляды на жизнь, ставили философски-этические вопросы. В театрах обирали весь цвет борисоглебской интеллигенции. Позже Диомид Бурлюк признавался, что «подобный тип чеховской интеллигенции он не встречал уже больше нигде».

Насыщенной была и музыкальная жизнь дореволюционного Борисоглебска. Музыкальному образованию и воспитанию отводилось значительная роль. Все чаще жители города приглашали на дом учителей музыки, дававших частные уроки. Продажей нот и музыкальной литературы занимались музыкальный магазин и книжные лавки. В здании Дворянского собрания работал музыкальный кружок. Напротив этого здания располагался дом Аносовых — своеобразный музыкальный

центр Борисоглебска. В нем часто останавливались гастролировавшие артисты, чьи концерты обычно проходили в актовом зале Александровской мужской гимназии или зале музыкального кружка. Павел Николаевич Аносов — глава семейства, управляющий борисоглебским отделением банка — был неплохим пианистом. Его отец — Николай Петрович — играл на скрипке, собрал большую нотную библиотеку. Жена, Варвара Ивановна, хорошо пела и участвовала во всех домашних концертах. Любовь к музыке передавалась и детям. Сын Аносовых — Николай Павлович впоследствии стал известным дирижером, композитором, пианистом, педагогом.

Вспоминая с большой любовью город своего детства и юности, Николай Павлович писал о том, что Борисоглебск, «несмотря на свои небольшие размеры, очень отличался от других небольших провинциальных городов царской России своим высоким культурным уровнем», вспоминал с огромным удовольствием о разнообразных развлечениях, которыми изобилует город: «Нередко здесь бывали гастроли драматических и даже оперных трупп. Во многих из них играли талантливые артисты, давшие нам возможность познакомиться не только с великими образцами русской и зарубежной драматургии, но и испытать высокое художественное наслаждение как от самих произведений, так и нередко от исполнения. Известным толчком в моем музыкальном развитии послужила гастроль одной оперной труппы, в которой я, еще пяти-шестилетним мальчиком познакомился с целым рядом опер. Так, первой услышанной мною оперой был «Фауст», оставивший неизгладимое впечатление. Нередки были приезды в Борисоглебск и первоклассных солистов из Москвы, Петербурга и других крупных городов».

Широкое распространение получила в Борисоглебске оркестровая музыка. Духовые оркестры, существовавшие при 6-м запасном кавалерийском полку,

городском вольно-пожарном обществе, Александровской мужской гимназии, пользовалась большой популярностью у горожан. Выступления проходили в Общественном саду, электро-театрах, клубах, во время городских празднеств. Звучала музыка для отдыха — вальсы, польки, увертюры.

Приметой времени стали выступления небольших инструментальных ансамблей в только что открывшихся электро-театрах. Так, купец А.В. Безобразов пригласил в открытый им электро-театр сразу два оркестра: духовой (вольно-пожарного общества под управлением С.Ф. Вознесенского) и струнный (под управлением известного солиста симфонических оркестров Б.Я. Шрага). В репертуаре последнего большое место занимали сочинения отечественных композиторов: П. Чайковского, А. Рубинштейна, А. Аренского и других.

Славились церковные хоры города. В церковном хоре Знаменского храма в юном возрасте пел будущий знаменитый художник А.П. Рябушкин. Голос мальчика, вызывавший восторг прихожан, сравнивали с пением ангелов.

Проходили в Борисоглебске и концерты духовной музыки, в которых нередко принимали участие выдающиеся исполнители. Так, в Сретенском храме состоялся концерт протодиакона храма Василия Кесарийского Максима Дормидонтовича Михайлова (1893–1971). Всех желающих послушать его песнопение не вмещала церковь. Позже М.Д. Михайлов стал солистом Большого театра. Когда Ф.И. Шаляпина спросили, кого из современных басов он считает наиболее талантливым, великий певец ответил: «Настоящий бас сейчас есть только в Москве — Михайлов. Какой голос у Михайлова! Даже завидую ему!»

Огромная роль в развитии театральной и музыкальной жизни города принадлежала князю С.М. Волконскому, чья жизнь на протяжении долгих лет была связана с Борисоглебском. Представитель дворянской культуры, культуры столичной, работая с полной отда-

чей «в своем уездном городе», как называл князь Волконский Борисоглебск, он никогда не понижал поставленную им в творчестве высокую планку, был требователен к себе и другим. Каждый спектакль, лекция, благотворительный концерт с его непосредственным участием или подготовленный им, становились яркими явлениями культурной жизни города.

Большим событием для борисоглебцев стало и открытие в 1881 году Общественного сада (ныне парк культуры и отдыха). Инициатором создания сада, который навсегда должен был остаться собственностью городского общества, быть доступным всем, без исключений, стал гласный городской Думы Р.К. Вейс. Дума поддержала его предложение. Сад был обустроен западнее улицы Казанской, над поймой реки и сразу стал центром летней увеселительной жизни города, местом проведения официальных, благотворительных, культурно-просветительских мероприятий. В 1913 году в городском Общественном саду было устроено электрическое освещение. Одновременно была построена открытая сцена, где выступали музыканты и театральные труппы, собиравшие большое количество публики. В саду можно было соприкоснуться со многими новинками технической мысли: сделать фотографию, увидеть биоскоп, синематограф. Для демонстрации фильмов в саду установили кинематографическую будку.

Бурное развитие приобретала коммерческая развлекательная киноиндустрия. В 1911 году на углу Большой и Охлябинской улиц (Свободы и Советская) А.П. Мяжковым, В.И. Дмитриевым и Г.А. Яковлевым был открыт театр «Иллюзион». В 1912 году гостиница «Европейская», расположенная на улице Большой, выстроила веранду для кинематографа. Примечательно, что кинематографы из центра города стали распространяться на окраины. В том же году крестьянин Корненников открыл кинематограф в своей усадьбе в квартале № 13 по ул. Проезжей, 52, неподалеку от Ярмарочной площади. С 1913 года

фильмы стали демонстрироваться и в Общественном саду. В 1914 году купец А.В. Безобразов на улице Дворянской открыл два электро-театра — «Большой художественный» и «Малый художественный». В «Большом художественном» демонстрировались киноленты русской «золотой серии»: «Анна Каренина», «Дворянское гнездо», «Крейцера соната», «Дети Ванюшина». Газета «Борисоглебское эхо» подчеркивала огромное воспитательное значение кинолент, снятых по произведениям классической литературы в исполнении лучших актеров, для городской публики в целом, особенно — для учащейся молодежи. В 1915 году предприниматель Е. Кисляков открыл на улице Большой еще один электро-театр «Модерн». После каждого сеанса на сцене ставили небольшие водевили, выступали фокусники, певцы, играл оркестр.

В 1912 году в Борисоглебске был построен тесовый балаган для цирка «Горец», а в 1914 году рассматривался проект строительства купцом А.В. Безобразовым каменного здания драматического театра. По всей видимости, из-за событий, связанных с началом Первой мировой войны, проект не был осуществлен.

В конце XIX — начале XX веков активно развивался новый вид искусства — фотография. Первое стационарное фотоателье было открыто в Борисоглебске выходцем из крестьян И.Ф. Нежелским в 1888 году. Мастерская располагалась в центре города на улице Болховитинской. Позже открылись фотомастерские Е. Кашеева, М. Зарщикова, В. Меньшикова, М. Смирновой и другие. Работали в условиях острой конкурентной борьбы, стараясь привлечь внимание публики высоким качеством, профессионализмом и художественным уровнем. Большое внимание уделялось оформлению фотографий. Люди постоянно старались ходить к одному — «своему» — мастеру.

В 1913 году в Борисоглебске был открыт городской школьный музей наглядных пособий (преобразованный в

1929 году в краеведческий, с 2001 года — историко-художественный). Он возник на волне возросшего интереса российского общества к «отечествоведению», «родиноведению», как тогда называли изучение отечественной истории. Инициаторами открытия музея стали представители демократически настроенного учительства — преподаватели И.А. Овцынов и М.С. Нумеров. Символично, что разрешение на открытие музея было получено в 1912 году — в год столетнего юбилея победы русской армии в Отечественной войне 1812 года. Каждый уголок России тогда был охвачен подъемом национального самосознания и патриотизма. Музей, являясь популяризатором знаний, пробуждал «сознательную любовь к своей малой родине, затем к своему отечеству».

Еще одним очагом культуры и просвещения в жизни города призван был стать Народный дом. Его строительство началось в 1906 года на средства местного купца Е.Д. Мягкова, известного своей культурно-меценатской деятельностью. Предполагалось, что часть здания будет отведена под библиотеку, а другая — для организации сцены, залов для лекций и чайной. Для завершения строительства Народного дома у Е.Д. Мягкова не хватало средств, и в 1911 году он решил передать здание в собственность города. Строительство растянулось на годы. Необходимость его скорейшего завершения актуализировала Первая мировая война, когда возникла потребность расквартирования в Борисоглебске нижних чинов 268-го запасного пехотного батальона. Народный дом для этих целей подходил наилучшим образом. Первая очередь работ по постройке здания, его приспособлению под размещение в нем солдат была выполнена к 18 октября 1915 году. Городской голова М.А. Козловский назвал открытие Народного дома историческим событием в жизни города: «Дав приют своим первым пришельцам, Народный дом помог спасти от постоя почти все учебные заведения города. Уже в этих первых шагах можно видеть за-

лог того, что Народный дом и в будущем, и нужно верить, в недалеком будущем, явится могучим рассадником культуры, значит, и света».

Таковы лишь некоторые страницы из истории культурной жизни дореволюционного Борисоглебска. Многие

культурные начинания того времени были продолжены следующими поколениями борисоглебцев. И это важно. Ведь истинная задача русской культуры, как писал князь С.М. Волконский, — не воспоминание, а передача и продление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисоглебск — 1917: от января к декабрю (Антология уездной прессы в зеркале воспоминаний князя С.М. Волконского). Сост. Аркадий Мурашев. Борисоглебск, 2017.
2. Гиляровский. В.А. Собрание сочинений в четырех томах. Том I. М., Полиграфресурсы, 1999.
3. Зайцева А.А., Кригер Л.В. Историко-культурное наследие Борисоглебской земли (Материалы Свода памятников Воронежской области). М., 1994.
4. Кригер Л.В. История градостроительства Центрального Черноземья XVIII — нач. XX вв. Воронеж, 2021.
5. Газета «Борисоглебское эхо». 1915. № 83, 18 октября.
6. Газета «Борисоглебская правда». 1957, ноябрь.
7. Газета «Борисоглебский листок». 1914, май.
8. Материалы фондов МБУК БГО «Борисоглебский историко-художественный музей».

Сергей Шуваев

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ ОТЦА ВАСИЛИЯ

(Судьба последнего настоятеля
Старособорной Успенской церкви Василия Сергиевского)

Судьба последнего настоятеля Старособорной Успенской церкви (ныне храм во имя св. мчч. Бориса и Глеба) г. Борисоглебска Василия Сергиевского и его семьи является подлинным отражением бурных, противоречивых, зачастую трагических событий истории нашего города и края.

Василий Николаевич Сергиевский родился 3 февраля 1873 году в с. Березовка-Луневка Борисоглебского уезда Тамбовской губернии в семье священника. В 1894 году окончил Тамбовскую духовную семинарию по первому разряду. После этого началось его знакомство с нашим городом. По окончании семинарии он год состоял псаломщиком Знаменской церкви Станичной слободы г. Борисоглебска (с 5 августа 1894 по 1 июля 1895 г.).

В 1895 году Преосвященным Александром, епископом Тамбовским и Шацким Василий Сергиевский был рукоположен в священники и назначен настоятелем Крестовоздвиженского храма с. Мучкап Борисоглебского уезда Тамбовской губернии на место своего отца. Здесь о. Василий прослужил три с половиной года и в декабре 1898 года был назначен к Старособорной Успенской церкви г. Борисоглебска, где в это время настоятелем был его престарелый тесть протоиерей Василий Гурьевич Гурьев (1834–1899).

Вместе с мужем на свою родину поехала и жена о. Василия матушка Мария. Мария Васильевна Сергиевская (Гурьева) родилась в 1877 г. в г. Борисоглебске. Окончила гимназию в г. Тамбове, где и познакомилась со своим будущим мужем.

В 1899 году протоиерей Василий Гурьев скончался, и о. Василий Сергиевский стал настоятелем Старособорной Успенской церкви г. Борисоглебска.

Начинался беспокойный XX век. В семье подрастали дети Николай и Екатерина. Жила семья Сергиевских в доме о. Василия Гурьева на улице Верхне-Площадной (ныне ул. Ленинская, д. 40).

В сентябре 1903 года в Борисоглебск с архипастырским визитом прибыл епископ Тамбовский и Шацкий Иннокентий (Беляев). Посещая храмы города, Владыка посетовал на отсутствие при них церковно-приходских школ, в городе в то время была единственная церковно-приходская школа при Сретенском храме. Добрый благодетель и ктитор Старособорной Успенской церкви г. Борисоглебска купец Семен Владимирович Кочергин высказал Владыке свое решение о строительстве при храме церковно-приходской школы и испросил на это благословение. При этом он обязался пожертвовать на это доброе дело 10 тыс. рублей. Благосло-

вение было получено, и к 1 августа 1904 года строительство здания школы уже было завершено (ныне в этом здании находится городской Дом ремесел). Через полтора месяца Владыка Иннокентий вновь посетил г. Борисоглебск и новую школу при Успенской церкви. Он остался весьма доволен прекрасным, большим и светлым зданием, сказав, что оно «служит лучшим украшением города и было бы хорошим школьным зданием даже в столицах»¹.

В освящении здания новой школы принял участие практически все духовенство города. При этом настоятель храма о. Василий Сергиевский произнес прекрасную, полную чувств глубокой благодарности Владыке и ктитору храма, речь, в которой отметил, что школа «будет светом и теплом в духовной жизни учащихся»².

Школа предназначалась для обучения девочек, в ней обучалось свыше 100 человек. Отец Василий был назначен ее заведующим и законоучителем.

Попечительницей школы стала супруга ктитора Агриппина Алексеевна Кочергина.

Необходимо отметить, что С.В. Кочергин был ктиторм и попечителем Успенского храма с 1880 года на протяжении многих лет. Он немало потрудился для благоустройства храма Божия и содержания церковно-приходской школы, по чувству христианской любви к Богу много жертвовал из собственных средств.

Отец Василий ревностно принялся за дело духовного образования детей, все свои силы, духовный опыт и знания он отдавал этому благому делу. Для преподавания общеобразовательных предметов в школу были приглашены светские педагоги. И дети откликнулись на старания своего доброго батюшки искренним уважением и любовью.

Тамбовские Епархиальные Ведомости в 1909 году опубликовали речь о. Василия Сергиевского, сказанную в день двадцатипятилетнего юбилея церковно-приходских школ. В ней священник касается начала их деятельности в царствовании императора Александра III и говорит о многих трудностях на этом пути. Он отмечает современное благоприятное положение церковно-приходских школ:

«Теперь, через двадцать пять лет, помощью Божию, благодаря энергии приходских пастырей и щедрым жертвам приснопоминаемых жертвователей, церковные школы уже не ютятся в темных караулках и грязных избах, а имеют приличные, а некоторые и роскошные помещения. Теперь по своему учебно-воспитательному значению церковные школы стали в ряд со светскими школами и общество, и руководители светских школ, видя это, протягивают дружескую руку своим духовным товарищам и соратникам на ниве народного просвещения»³.

Говоря о положении церковно-приходских школ, священник отметил и тот факт, что раздаются и недобрые высказывания в их адрес, в том числе и с высокой трибуны Государственной Думы, но этот шум слышится из того лагеря, который идет не только против церковных школ, но и против всего церковного, против самой Церкви⁴.

Из этих слов пастыря, не боявшегося обличить высокие власти, можно сделать вывод о том, что уже в то время начинались процессы, направленные против Церкви, и здравомыслящие люди отчетливо это видели и возвышали свой голос в Ее защиту.

Эти слова характеризуют о. Василия как пастыря, радеющего о своей Вере, Церкви и вверенной ему Богом пастве.

В эти годы усердными трудами о. Василия и С.В. Кочергина в Старособорной Успенской церкви был проведен полный наружный и внутренний ремонт. Здание храма было построено в 1792 году на месте ранее существовавших двух деревянных церквей. Строительство первой из них относится к 1703 году. В то время храм был освящен во имя покровителей города, свв. мчч. благ. кнн. Бориса и Глеба и с тех пор стал главным городским храмом.

Впоследствии, после нескольких перестроек, собор стал Успенским с приделом во имя свв. мчч. Бориса и Глеба. Это одна из первых церквей города.

Тем временем семья Сергиевских увеличивалась. В 1901 году у о. Василия и матушки Марии родился сын Иван, в 1903-м — Сергей, а в 1910-м — Михаил. Заботу о семье о. Василий совмещал с обширной и плодот-

¹ Т.Е.В. 16 октября 1904 г. № 42. С. 2073.

² Там же.

³ Т.Е.В. 1909 г. № 43. С. 1990.

⁴ Там же.

творной общественной и преподавательской деятельностью.

В г. Борисоглебске о. Василий Сергиевский пользовался большим уважением, заслуженным авторитетом и любовью не только своих прихожан, но и руководства города и уезда. Он считался лучшим городским проповедником. «Борисоглебским златоустом» по-доброму называло его местное духовенство. В июле 1912 году правящим архиереем о. Василий был назначен благочинным Борисоглебского городского округа. Священник в течение 15 лет был законоучителем церковно-приходской школы при Старособорной Успенской церкви и, кроме того, в течение 17 лет законоучителем еще двух приходских училищ. В течение 15 лет приводил к присяге свидетелей и присяжных заседателей волостного окружного суда.

За усердные труды во славу Церкви и народа Божия о. Василий Сергиевский не раз поощрялся епархиальным священноначалием. Он был награжден камилавкой, наперсным крестом, другими наградами, возведен в сан протоиерея.

Тамбовские Епархиальные Ведомости, описывая обозрения Его Преосвященством, Преосвященнейшим Кириллом, Епископом Тамбовским и Шацким, монастырей, церквей и школ епархии в 1911 году, отмечали, что Старособорная Успенская церковь г. Борисоглебска и церковно-приходская школа при ней содержатся настоятелем и ктитором в прекрасном состоянии: «Причт в Старособорной церкви состоит из священника, диакона и псаломщика. Все они имеют трезвую жизнь и по должности исправны. Священник обнаруживает себя усердным проповедником и аккуратным законоучителем⁵.»

Наступил 1914 год. Началась Первая мировая война. Военное лихолетье коснулось и города Борисоглебска. В этом году о. Василий Сергиевский избирается членом Уездного попечительного общества о тюрьмах. Князь Сергей Михайлович Волконский отдал свой собственный дом в г. Борисоглебске под военный госпиталь для раненых солдат и являлся его попечителем. Духовно окормлял госпиталь, помогая воинам быть духовно стойкими, священник Василий Сергиевский.

*Настоятель Старособорной
Успенской церкви
г. Борисоглебска
Протоиерей
Василий Николаевич
Сергиевский (1873–1939)*

В то время земским врачом, а также главным врачом госпиталя был известный в городе и уезде доктор Николай Николаевич Масловский, именем которого ныне назван районный перинатальный центр в г. Борисоглебске. Его помощницей была родственница о. Василия по линии матушки Мария Павловна Мелешкевич (Гурьева).

Наступали тяжелые времена, времена коренных перемен в государстве и ломки человеческих душ. Недоброе дыхание времени чувствовалось во всем, общество становилось все более политизированным. Отец Василий со свойственной ему духовной энергией продолжал свой нелегкий пастырский труд. В своих проповедях, обращенных к пастве, следуя духу Евангелия, он избегал политических тем, но его духовная мудрость, пастырский опыт и талант проповедника позволяли людям услышать в его словах самое нужное, важное и необходимое для души в эти нелегкие дни. Как и в былые времена, многие приходили в Успенский

⁵ Т.Е.В. 9 июля 1912 г. №22–23. С. 1157.

храм, чтобы услышать мудрое слово любимого пастыря, задевающее глубинные душевные струны и доходящее до сердца. Это было так необходимо во времена духовной и политической смуты.

Пришел 1917-й. Русскому человеку, душа которого веками стремилась к Богу, новые власти попытались преградить этот путь. С невероятной жестокостью они стремились убить Бога в русской душе. С высоты прошедшего времени нам, ныне живущим, очень сложно, а может быть, и невозможно до конца ощутить, прочувствовать меру трагизма этой эпохи. Понять, как тяжело было тогда людям, привыкшим к определенным жизненным устоям, менять эти устои, подчас вопреки своим желаниям. Видеть, как рушится государство, слышать новые лозунги и новые призывы. А самое главное — понять, в каком же лагере остаться...

Но для человека верующего путь один — какой бы ни была власть, необходимо оставаться верным незыблемым словам Евангелия и своей Церкви. Многие тогда избрали именно этот путь. Для большинства из них он оказался крестным.

Свой крестный путь избрал для себя тогда и о. Василий Сергиевский. Несмотря на притеснения со стороны властей и тяготы жизни батюшка продолжал свое пастырское служение. Закрытие храмов в г. Борисоглебске началось в конце 20-х годов XX века, но в соответствии с декретом правительства «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» была закрыта церковно-приходская школа при храме, другие учебные заведения, где о. Василий был законоучителем. Единственной школой жизни и кораблем спасения оставался Божий храм. Вплоть до его закрытия о. Василий Сергиевский оставался благочинным Борисоглебского городского округа.

В 1922 году от всех священнослужителей власти потребовали заполнить некие анкеты. Вероятно, это было связано с внедрением в церковную среду обновленческого раскола. Среди 14 вопросов анкеты были вопросы, касающиеся отношения священнослужителей к советской власти и обновленческому движению. Отвечая на вопросы этой анкеты о. Василий писал: «Справедливость социальной революции и народного труда признаю только на основе Евангельской любви,

при которой действительно возможна истинная свобода, равенство и братство, создание Царства Божия на земле⁶.»

Как и большинство представителей духовенства уезда о. Василий признал существование обновленческого движения, «...но до того пока это движение не касается изменения или отмены коренных православных догм и канонов и наиважнейших обрядов⁷...»

Из ответов священника мы видим, что самым важным для него, как истинного пастыря, в этих условиях было сохранение Духа Евангелия, незыблемости и нерушимости церковных канонов и правил. Он радел за то, чтобы «Царство Божие на земле» строилось именно на этих и никаких других основах.

Однако обновленцами было нарушено большинство из установленных Церковью и имеющих апостольскую преемственность христианских канонов и церковных правил. В основе нового государственного строя не стоял христианский закон. Большинство из священнослужителей это осознало и возвратилось к исконной Церкви. Государству не удалось, таким образом, разложить Церковь изнутри, и Она не стала послушной исполнительницей воли безбожной власти, но явила миру сонм своих новомучеников и страдальцев за Веру.

В городе начались открытые репрессии в отношении духовенства и верующих. На глазах у благочинного арестовывали его товарищей — священников и прихожан, а он был бессилен им помочь, и это разрывало его душу. Закрывались храмы. В 1929 году была закрыта и Старособорная Успенская церковь г. Борисоглебска, о. Василий не мог более служить. Большинство из его сыновей к этому времени переехали в Москву, с родителями осталась лишь дочь Екатерина, которая была глухонемой. Отцу Василию в это время было 56 лет. Волна репрессий конца 20-х — начала 30-х годов прошлого века миновала священника. Жилось трудно, но бывшие прихожане, помня своего отзывчивого и доброго батюшку, помогали чем могли.

Наступил страшный 1937 год, когда новая волна невиданных репрессий захлестнула страну. Город Борисоглебск стал одним из центров Воронежской области (в 1929 г. го-

⁶ ГАТО. Ф.181, д. 2418. С. 185.

⁷ Там же.

род вошел в ее состав), где отбывало заключение и впоследствии, по приговору Трок, здесь же было расстреляно большое количество священнослужителей, монашествующих и простых мирян. Многие из священников города приняли здесь мученическую кончину.

В 1937 году протоиерей Василий Николаевич Сергиевский был арестован. Сначала он содержался в тюрьме г. Липецка, но затем место заключения было изменено, и вплоть до 1940 года семье не было известно о его судьбе. Матушка Мария Васильевна писала в соответствующие инстанции, но ответа не получала. Наконец на очередной запрос семьи в 1940 г. был получен ответ из управления Унженского исправительно-трудового лагеря НКВД, из которого следовало, что Василий Николаевич Сергиевский умер в заключении 4 августа 1939 г. Ему было 66 лет.

Вероятно, это была лишь отписка для родственников. Зачастую лагерное начальство, следуя инструкции органов НКВД, не писало в этих документах правды о кончине заключенных, но в их личных архивно-следственных делах имелись документы о рас-

стреле, датированные более ранним числом, чем справка о смерти, выданная родственникам.

Так завершился земной, исповеднический путь последнего настоятеля Старособорной Успенской церкви г. Борисоглебска протоиерея Василия Николаевича Сергиевского. Путь истинного доброго пастыря, отдавшего свою жизнь за Имя Божие и Церковь Христову, несмотря ни на что, оставшегося верным Богу и Церкви до конца.

Ныне родственники о. Василия, которые проживают в г. Москве, свято чтут память о своем предке. Живы три внучки священника. Они, их дети и внуки совместными усилиями воссоздали родословную своей семьи, которая имеет много известных в истории г. Борисоглебска фамилий. Ежегодно родственники о. Василия посещают г. Борисоглебск, молятся в храме, в котором служил досточтимый батюшка, совершивший истинный духовный подвиг и занявший достойное место в сонме новомучеников и исповедников Веры Борисоглебской земли и Русской Православной Церкви.

Департамент культуры Воронежской области

**Государственное бюджетное учреждение культуры Воронежской области
«Журнал «Подъём»**

Директор-главный редактор Щёлоков И.А.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

При оформлении номера используются авторские работы, фотографии из архива редакции журнала «Подъём» и открытых источников.

Авторы присылаемых материалов должны сообщить редакции: краткую биографическую справку; домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан, регистрация); ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала в формате Word.

Корректор Стрельникова Е.С.

Телефоны редакции: директор-главный редактор — 228-64-12 / 8-903-858-64-12, заместитель директора-главного редактора, шеф-редактор (ответственный секретарь), отдел поэзии — 228-64-15 / 8-903-858-64-15, отдел прозы, корректор, отдел верстки — 228-64-09 / 8-903-858-64-09, бухгалтерия — 228-64-13 / 8-903-858-64-13, производственный отдел — 228-64-16 / 8-903-858-64-16.

Электронный адрес журнала «Подъём»: podiem@mail.ru

Сайт журнала «Подъём»: <http://www.podiemvrn.ru>

Электронный архив журнала с № 1, 2001 г. по № 6, 2008 г.: <http://www.pereplet.ru/podiem>
ISSN 0130-8165.

Журнал «Подъём»

Главный редактор **И.А. Щёлоков**

№ 4 (703). Подписано в печать 07.04.2023.

Дата выхода в свет: 21.04.23.

Индекс 73312.

Тираж 999 экз.

Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «School Book». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,52 + 0,5 п.л. цв. вкл. Отпечатано с готового оригинал-макета

ГБУК ВО «Журнал «Подъём». Заказ № 0480. Цена свободная. 12+.

Адрес редакции: 394030, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Кольцовская, 56а.

Адрес издателя ГБУК ВО «Журнал «Подъём»: 394030, Воронежская область,
г. Воронеж, ул. Кольцовская, 56а.

Адрес типографии: ООО «Пресса ИПФ»:

394006, г. Воронеж, ул. Челюскинцев, 43.

Журнал «Подъём» зарегистрирован Министерством печати и массовой информации РСФСР.

Свидетельство № 331 от 03.10.1990 г.

Учредитель (соучредители): Союз писателей России.

Рассылку журнала осуществляет цех экспедирования печати
Воронежского главпочтамта: 394068, г. Воронеж, ул. Лизюкова, 2, ЦЭП.

Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться
в ООО «Пресса ИПФ».

С. Гладыш. Салют празднику

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС:

Каталог Почта России

П3239

Все регионы РФ

Ближайшие публикации журнала «Подъём»

- **Страницы прозы:**
повесть Николая Олькова «Мать сыра земля»,
рассказы Юрия Вылегжанина, Сергея Козлова,
Евгения Толмачева, Виктории Сагдиевой
- **Новые стихотворения Галины Якуниной,
Владимира Тулупова, Александра Власова,
Андрея Шуханкова**
- **«Круг жизни» – рубрика представляет
очерк Николая Тимофеева к 200-летию
со дня рождения великого русского драматурга
Александра Островского**
- **«Все для Победы! Это и было смыслом нашей
жизни...» – интервью публициста Василия Андреева
с легендарным советским разведчиком
Павлом Судоплатовым**
- **Очерки, статьи, рецензии Геннадия Литвинцева,
Эдуарда Анашкина, Александра Коробанова,
Валерия Соляника**

ISSN 0130–8165. «Подъём», 2023 г., № 4. 1–228.

Сайт журнала: <http://www.podiemvrn.ru>